

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (1941–1945)**

**Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук**

Выпуск 4

Сыктывкар 2005

УДК 947 (470.13)

Страницы истории Великой Отечественной войны (1941–1945). Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 4. – С. 236.

В сборник включены подготовленные известными в республике учеными-историками и краоведами статьи и сообщения, посвященные участию жителей Коми в Великой Отечественной войне, событиям, происходившим в годы войны в республике, публикации писем и воспоминаний. Самый крупный блок в данном выпуске составляют материалы, связанные с выставкой «Между строк», открытой в Национальном музее Республики Коми.

Редакционная коллегия

к.и.н., академик АВИН **А.Ф.Сметанин** (главный редактор), д.и.н., академик АВИН **И.Л.Жеребцов** (зам. главного редактора), д.и.н., академик АВИН **А.А.Попов** (зам. главного редактора), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О.Васкул** (отв. секретарь), д.и.н., академик АВИН **В.И.Чупров**, к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д.Напалков**, к.э.н. **Е.Н.Рожкин**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В.Таскаев**, к.и.н., член-корр. АВИН **Д.В.Милохин**

Ответственный редактор и составитель выпуска д.и.н. **И.Л.Жеребцов**
Рецензент д.и.н., проф. **А.Н.Турубанов**

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству ученых и краеведов, занимающихся изучением истории Коми в периоды Великой Отечественной, гражданской, Первой мировой и иных войн, участия жителей Коми в войнах и военных конфликтах, в организации военного дела и т.д. Статьи, заметки, публикации документов и другие материалы для очередных выпусков «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» принимаются преимущественно в электронном варианте и оформленные таким же образом, как статьи, публикуемые в данном сборнике.

*Почтовый адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ответственному секретарю «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» Васкулу И.О. Тел.: (8212) 244924 (зам. гл. редактора И.Л.Жеребцов), (8212) 241702 (отв. секретарь И.О.Васкул).
E-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru; secr.hist@mail.komisc.ru*

© Коми отделение АВИН, 2005

© И.Л.Жеребцов, состав., 2005

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Коми отделение Академии военно-исторических наук от всего сердца поздравляет всех ветеранов Великой Отечественной войны и труженников тыла с замечательным праздником – Днем Победы! К 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне Коми отделение АВИН приурочило выпуск четвертого сборника своих трудов, подготовленного, как и первые три, под руководством доктора исторических наук, академика Академии военно-исторических наук И.Л.Жеребцова, непосредственно занимавшегося и работой со многими авторами, и редактированием материалов, и подготовкой сборника к печати.

Среди авторов сборника – член-корреспондент Академии военно-исторических наук А.И.Таскаев, доктор технических наук Е.В.Маркова, кандидаты исторических наук О.Е.Бондаренко, Т.М.Хорунжая, Е.Н.Боле, кандидат культурологи А.Ю.Котылев, кандидат педагогических наук Н.Я.Драчева, сотрудник Института биологии Коми НЦ УрО РАН А.И.Кичигин, руководители Национального музея Республики Коми И.Н.Котылева и И.Ю.Моисеева, краевед Р.А.Попов и другие.

Сборник открывается статьей о видном историке, крупнейшем специалисте в области истории Коми АССР периода Великой Отечественной войны А.Н.Александрове. Читатели найдут в данном выпуске публикации о развитии радиевого промысла в Коми АССР и о печорском пароходстве в военные годы, анализ патриотического содержания фронтовых писем, рассказы о судьбах участников войны, их воспоминания, письма.

Самый крупный блок в данном выпуске, подготовленный совместно с Национальным музеем Республики Коми (особо активную роль в подборе публикаций сыграла И.Ю.Моисеева, являющаяся не только заместителем директора НМРК по научной работе, но и аспирантом Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН), составляют материалы, связанные с выставкой «Между строк», открывшейся в НМРК в 2004 г. Эта выставка, главным экспонатом которой стали многочисленные письма, во многом – как справедливо считают и ее создатели, и многочисленные посетители, – заставляет пересмотреть не только традиционные представления о выставочном пространстве, преодолеть стереотипные взгляды на экспозиционный материал, но и еще раз задуматься о том, что, собственно, мы знаем о Великой Отечественной и Второй мировой войнах.

В настоящее время Коми отделение АВИН завершает подготовку к изданию пятого выпуска трудов, материалы которого, надеемся, также будут интересны широким кругам читателей.

*Главный редактор «Трудов Коми отделения АВИН»
кандидат исторических наук, доцент, академик АВИН А.Ф.Сметанин*

СТАТЬИ

Е.Н. Боле

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЗАВЕЩАНИЕ ИСТОРИКА А.Н.АЛЕКСАНДРОВА

«Задача каждого пишущего о ратных подвигах участников Великой войны, особенно о тех, кто пал на полях сражений и не сможет рассказать о себе, с особой ответственностью писать только правду, без каких-либо ее искажений, иначе мы не сохраним надежную фактологическую базу минувшей войны, чтобы книги о великом подвиге советских людей продолжали свою долгую жизнь, воспитывая новые поколения советских людей. Бережно охранять историческую правду... требует наше время» [1] – эти слова принадлежат кандидату исторических наук А.Н. Александрову (1918– 1993 гг.). Более четверти века он посвятил изучению истории Коми АССР в годы Великой Отечественной войны.

Алексей Николаевич Александров родился в Тамбовской губернии, добровольцем вступил в Красную армию, принимал участие в Великой Отечественной войне. После окончания аспирантуры на кафедре истории СССР Ленинградского госуниверситета в 1949 г. приехал в Коми, началу работал Коми госпединституте, а затем, с 1962 г., долгие годы работал в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра [2].

Одним из приоритетных направлений научной деятельности А.Н.Александрова на долгие годы оставалось изучение боевых биографий, описаний подвигов героев-земляков. Планомерные научные исследования многих аспектов истории Коми АССР военного периода начались в конце 1950-х гг., с этого времени один за другим начинают выходить различные очерки, рассказы об участии коми воинов на фронтах войны. Уже в 1958 г. вышли в свет брошюры «В боях за Родину», в 1959 г. – «Коми воины в боях за Родину», а результатом новых поисков явилась книга «Во имя жизни» (1964 г.). Высокую оценку читательской общественности заслужил выдержавший два издания сборник очерков о Героях Советского Союза – земляках «Сердца и звезды» (1982 г.). Он был рассчитан на массового читателя и широко использовался в работе по гражданско-патриотическому воспитанию подрастающего поко-

ления. Следует отметить, что автор публикации признавал ряд допущенных в этих работах ошибок, касавшихся боевых биографий героев Н.Гущина, С.Черепанова, С.Сердитова, краткость сведений фронтовой биографии А.Чупрова.

Перечисленные недостатки и упущения, в основном, были устранены в очерково-биографическом справочнике о Героях Советского Союза – уроженцах Коми «Семнадцать Золотых звезд» (1984 г.). Данное издание, в сравнении с предыдущими, было значительно обогащено источниковой базой, которая была представлена малодоступными на то время документальными свидетельствами из Центрального архива Министерства обороны, других военных архивов страны.

В научном архиве Коми научного центра УрО РАН хранится фонд личных архивных материалов историка А.Н.Александрова. Среди документов – рукопись статьи «Историография о Героях Советского Союза из Коми АССР (1941–1945 гг.)» [3]. В этой работе ученым подробно описаны этапы разработки проблемы, составлен библиографический указатель книг по исследуемой теме. Здесь же автор упоминает справочники и энциклопедии, которые способствовали выявлению новых имен воинов, призванных из Коми АССР – как героев-земляков, так и уроженцев других областей, ушедших на защиту Родины из трудовых коллективов республики.

Только по наградным документам на 1987 г. А.Н. Александровым были выявлены из уроженцев Коми АССР 14 Героев Советского Союза. В их числе одиннадцать человек коренной национальности – И.П.Марков, Г.Е.Собянин, Н.Н.Габов, Н.П.Горчаков, А.Д.Данилов, В.И.Лобанов, Н.В.Оплеснин, С.А.Сердитов, Г.Ф.Тимушев, А.Г.Хатанзейский, А.Е.Чупров, и трое – М.А.Бабилов, В.П.Кисляков, А.А.Шевелев – русские уроженцы Коми земли. На фронтах Великой Отечественной войны сражались представители всего многонационального народа страны Советов. А.Н.Александров писал, что «нет республики, края, области, где не было бы «своих» Героев Советского Союза – уроженцев этих мест и тех уроженцев других областей, кто жил, трудился и был призван в армию местными военными органами» [4]. В конце 1980-х гг. были известны имена еще восьми героев – уроженцев других областей и республик, которые жили и трудились в нашей республике до войны, призванные в армию местными военкоматами, они – люди разных национальностей: белорус Н.П.Давидович, украинец В.И.Дончук, русские М.П.Бочариков, И.С.Гаврилов, Н.Ф.Гущин, М.Д.Никишин, С.М.Черепанов, А.И.Черкасов. Отметим, что в 1960–1970-х гг. во многих регионах страны вышли книги, посвященные героям-землякам. Изучение тех биографических очерков

выявило новые имена, связанных с Республикой Коми. Так, например, стали известны имена Героев Советского Союза М.П.Бочарикова, А.И.Черкасова, И.М.Гаврилова.

Отдельно следует сказать о том, что вышеупомянутый богатейший архивный фонд личных дел А.Н.Александрова хранит и его личную переписку. Среди них – письма Виктора Ивановича Гавриленко (Казахская ССР, Павлодарская обл., г. Экибастуз). Суть их сотрудничества – поисковая работа, выявление новых имен. Ссылаясь на источник сведений, В.И.Гавриленко писал коллеге о тех, чьи судьбы так или иначе, были связаны с Коми республикой. К ним он относил Героев Советского Союза А.Н.Кибизова, уроженца Северной Осетии. Так, например, писал, что в брошюре «Осетии отважные сыны» (1974 г.) упоминается, что А.Н.Кибизов в период с 1938 по 1942 г. работал в Коми АССР и оттуда ушел на фронт в 1942 г. В другой книге «Герои Советского Союза – горьковчане» (1981 г.) один из очерков посвящен А.В.Прыгунову, уроженцу Ставропольского края, который «в мае 1941 г. [поехал] строить железную дорогу «Котлас-Воркута» и оттуда ушел на фронт» (цитата из письма В.И.Гавриленко). Также исследователь из Казахстана сообщал в своих письмах об П.И.Ивановском, уроженце Вологодской области, дед и отец которого по национальности были коми и жили в одной из деревень бывшего Яренского уезда [5].

Следовательно, эти имена были известны А.Н.Александрову, однако они не получили огласки в местной печати. По каким причинам это произошло – сказать трудно. Документальных материалов по дальнейшему изучению причастности вышеназванных воинов к Коми республике по архивному фонду А.Н.Александрова автору статьи выявить не удалось. Однако обращение, к примеру, к двухтомному биографическому словарю-справочнику «Герои Советского Союза» (1987–1988 гг.) показывает, что по национальности П.И.Ивановский был русским (известно, что у коми народа принадлежность к национальности определяется по отцовской линии). Что же касается других имен, то в справочнике о Герое Советского Союза А.В.Прыгунове сказано, что он работал на заводе в г. Горьком, на фронтах Великой Отечественной войны находился с августа 1941 г. К сожалению, в единственном энциклопедического формата издании, посвященном Героям Советского Союза, не указывается, какими военкоматами были призваны на фронт будущие герои. Безусловно, мы могли бы допустить, что А.В.Прыгунов действительно работал два-три месяца на строительстве дороги «Котлас-Воркута», однако, не располагая сведениями о том, к какой организации он относился, и не зная, в каком районе он проживал, откуда мог быть призван

на фронт, не будучи знакомым с данными ЦА МО РФ, определить причастность этого человека к нашей республике практически не возможно. Во всяком случае, попытка выявить его по спискам «Книги Памяти Республики Коми» оказалась безуспешной.

Однако поисковая работа с каждым днем выявляет все новые факты. В начале апреля 2005 г. в средствах массовой информации сообщалось, что к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне галерея Героев Советского Союза на Сыктывкарском мемориале памяти павших защитников Отечества будет дополнена новыми барельефами. И только к 2005 г. рабочей группе редколлегии «Книги Памяти Республики Коми» стали известны имена героев, отличившихся при форсировании Днепра, и причастных к республике – А.А.Демидова и вышеназванного А.В.Прыгунова. В газетной публикации сообщалось, что «А.Прыгунов в мае 1941 г. приехал строить железную дорогу Котлас–Воркута. Здесь и застала его война. Уже в августе 1941 г. Усть-Усинский райвоенкомат вручил ему повестку на фронт» [6]. Определить точное место призыва на фронт Героя Советского Союза А.Н.Кибизова возможно в Центральном архиве Министерства обороны РФ (г. Подольск), так как по архивным фондам и соответствующим учетным картотекам определение места призыва награжденных участников войны не требует больших усилий.

Исследователь Т.М.Хорунжая, изучавшая творческую биографию А.Н.Александрова, отмечает свойственный работам ученого критический подход в отборе материалов и тщательную проверку поступающих данных. Высокий профессионализм не позволял ему идти «на поводу» источника информации. Проверая биографии Героев, упоминавшихся в региональных изданиях бывшего Советского Союза, А.Н.Александров встречал в них ошибки. Например, в книге М.И.Кравчука и М.Б.Погребинского «Проверенная войной» Героем Советского Союза был ошибочно представлен коми капитан В.И.Башлыков, были искажены род войск, в котором он служил, место и время его гибели [7].

Мифологизация героев, еще в ходе самой войны, была весьма распространенным явлением. По рассказам сотрудников военкоматов, уже после войны к ним часто поступали запросы от участников войны, утверждавших, что, находясь на фронтах, они своим командованием были представлены к званию Героя. Такие обращения от ветеранов не редки и сейчас. Конечно, все они не остаются без внимания, изучаются, но, как правило, документальных свидетельских подтверждений не обнаруживается. Не смотря на то, что с окончания войны прошло достаточно много времени, выявление новых таких «ошибочных» имен встречается и в настоящее время.

Так, в конце 2001 г. автором данной статьи в Государственном архиве РФ, в рассекреченных архивных фондах бывшего ГУЛАГа, была обнаружена брошюра М.Логинова «Их воспитали чекисты» (1946 г.) [8]. В ней рассказывается об участии бывших заключенных в Отечественной войне Советского Союза против фашистской Германии. Семь очерков книги рассказывают о подвигах Героев Советского Союза, и только на четверых из них – В.Е.Бреусова, Л.Н.Ефимова, В.П.Закурдяева, А.И.Отставнова – имеются сведения в вышеупомянутом двухтомном биографическом справочнике. Имена троих – К.Н.Шандренко, В.Сержантова, Чугаева Георгия Ивановича (уроженец с. Грива Коми АССР) – не содержатся в справочнике, и факты присвоения им звания Героя остаются не доказанными. На наш взгляд, интересным представляется тот факт, что все четверо «подтвердившихся» Героев, в прошлом призванных на фронт из системы ГУЛАГа, остались живы после войны. Остальные трое пали на фронтах сражений, с войны не вернулись. Однако эта тема выходит за рамки данной работы, остается для размышлений и дальнейших научных поисков.

А.Н.Александровым был накоплен и введен в научный оборот большой фактический материал периода войны 1941–1945 гг. Однако, как также отмечает Т.М.Хорунжая, вследствие существовавшего тогда подхода к изучению темы «Великая Отечественная война», ученому сложно было вскрыть всю совокупность проблем [9]. Так, вопросы, связанные с участием в боях заключенных и спецпереселенцев не могли быть представлены в научной литературе. Однако мы не можем утверждать, что данные проблемы не были известны исследователю. В личном фонде А.Н.Александрова встречаются документы, в которых рукой автора исследований отдельные факты, связанные с упоминанием лагерей ГУЛАГа в годы войны, закавычены, а опубликованные им материалы из тех документов не содержат сведений о заключенных и спецпереселенцах [10].

Демократические преобразования, произошедшие в стране в последние два десятилетия, позволили, наконец, раскрыть некоторые «белые пятна» в биографиях героев, открыто говорить об их социальной принадлежности. Сегодня не скрывается, что Герои Советского Союза Н.С.Бойков и И.М.Воротынцев были призваны на фронт Кожвинским (ныне Печорским) райвоенкоматом из мест заключения, а Н.П.Давидович, Н.Ф.Гущин, С.М.Черепанов относились к категории спецпереселенцев.

В десятом томе «Книги Памяти Республики Коми» (2004 г.) увековечены имена тридцати пяти Героев Советского Союза и пятнадцати пол-

ных кавалеров Ордена Славы – участников войны, чьи биографии, так и или иначе, связаны с Республикой Коми. Фронтовые судьбы и подвиги двадцати трех Героев Советского Союза и десяти кавалеров Ордена Славы всех трех степеней выявлены и описаны А.Н.Александровым. Уже после кончины ученого членами рабочей группы редколлегии мартиролога при помощи сподвижников, ведущих поисковую работу на местах, а также журналистом А.Н.Сивковой, краеведом А.А.Поповым были выявлены неизвестные имена героев, чьи судьбы в разные годы были связаны с Коми республикой. Среди них уроженцы разных регионов: Г.Г.Агамиров, М.М.Коняшкин, И.П.Лешанов, Н.Д.Маринченко, Б.Н.Мошков, П.В.Самсонов, П.С.Сафронов, Е.Г.Удальцов, В.П.Шаренко, С.С.Щиров, Д.П.Плотников.

Тема подвига и героизма неисчерпаема. В последнее время вышли новые работы, посвященные изучению жизненного пути героев из Коми. Интересен и любопытен цикл статей А.Н.Сивковой, взглянувшей на эту проблему не с традиционного ракурса. Официальные тексты наградных документов лишь констатируют совершенное действие, после которого следовало заслуженное награждение. Однако они не раскрывают личностные качества этих людей, условия жизни «до» и «после» подвига. Все очерки А.Н.Сивковой, опубликованные, в основном, в историко-краеведческом приложении газеты «Республика» «Дым Отечества», основываются на воспоминаниях родственников, собранных в ходе личных встреч. Ценно то, что на страницах газеты опубликованы фотографии героев в кругу семьи, без ретуши показывающие повседневную жизнь обычных людей в сложную, трудную эпоху конца 1930–1950-гг. [11]. Уникальность работ А.Н.Сивковой состоит в том, что на протяжении длительного времени ею прослеживается влияние войны на жизни и судьбы не только самих героев – уроженцев Коми земли, но и их семей. Ее труды предваряют изучение темы героизма на местных материалах в рамках нового направления исторической науки – военно-исторической антропологии и выводят ее разработку в отдельном регионе на новый научно-исследовательский уровень.

Еще в 1987 г. А.Н.Александров писал, что «историография о Героях Советского Союза из Коми АССР от описания подвигов отдельных героев поднялась до уровня создания их боевых биографий. Среди героев-земляков представители почти всех родов орудия. Они совершили героические подвиги на 11-ти фронтах и подразделениях двух Военно-Морских флотов, олицетворяя собой лучшие черты советских людей. На примере этих подвигов воспитываются новые поколения. Задача исследователей историков на ближайшее время ускорить на основе достижений науки

создание обобщающей научно-популярной книги – биографии Героев Советского Союза – земляков. Вместе с тем создать научно-популярную серию «Библиотечка Героев Советского Союза» в виде хорошо иллюстрированных брошюр о каждом герое-земляке» – вот такой постановкой проблемы, таким выводом завершил свою статью ученый. Однако подобное обобщающее издание так и не было создано. А.Н.Александров умер в 1993 г. Спустя два года страна пышно отмечала 50-летие Победы в Великой Отечественной войне.

В конце 1990-х – 2004 гг. краеведами и журналистами выявлены новые имена героев, живших в нашей республике, подробно описаны их биографии. Публикации о них появлялись на страницах СМИ, в последних томах «Книги Памяти Республики Коми», сборниках материалов по различным конференциям. Информация по каждому из них разобрана. Между тем, лишь заинтересованные специалисты, в числе которых чаще преподаватели исторических дисциплин и музейные работники, целенаправленно собирая подборки статей и составляя тематические картотеки, сегодня еще могут восстановить полную историографию по данной теме. Книги и брошюры «Семнадцать золотых звезд», «Сердца и звезды» стали библиографической редкостью. Издание обобщающего труда о Героях Советского Союза, о котором говорил А.Н.Александров в конце 1980-х гг., с учетом новых данных, остается весьма актуальным. Подобное издание можно использовать в качестве источника биографических сведений о судьбах героев на уроках истории, литературы, в школьных музеях, а также в работе по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи. А в целом такое издание будет способствовать сохранению народной памяти о защитниках Родины и тому, чтобы не случилось так, что о Великой народной Победе, о народном Подвиге люди в массе своей будут вспоминать только в ходе празднования очередных юбилейных дат.

Литература и источники

1. См.: Хорунжая Т.М. А.Н. Александров – исследователь Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Республика Коми в годы Отечественной войны): Материалы научной конференции 4-5 апреля 1995 г. – Сыктывкар, 1995. – С. 176-181.
2. Подробнее о биографии А.Н.Александрова см.: Хорунжая Т.М. Указ. соч.
3. Александров А.Н. Историография о Героях Советского Союза из Коми АССР (1941–1945 гг.). Рукопись // Научный архив Коми НЦ УрО РАН (Далее – НА КНЦ УрО РАН). Ф.26. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-12.

4. Там же. Л. 2.
5. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 26. Оп. 6. Д. 44. Л. 6, 7, 8.
6. Николаева А. Два новых барельефа // Дым Отечества. Историко-краеведческое приложение газеты «Республика» . – 2005. – 9 апр.
7. Александров А.Н. Указ. соч. – Л.8.
8. Логинов М. Их воспитали чекисты. (Рассказы об участии бывших заключенных в Отечественной войне Советского Союза против фашистской Германии). – М.: Изд-во КВО ГУЛАГа МВД СССР, 1946. – 95 с.
9. Хорунжая Т.М. Указ. соч. – С. 177.
10. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 26. Оп. 2. Д. 43. Л. 15, 54, 61 и др.
11. См.: Дым Отечества. – 2004, ноябрь, декабрь; – 2005, январь, март, апрель.

А.И.Кичигин, А.И.Таскаев

«ВОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ» В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

На месте поселка Водный Ухтинского района Республики Коми с 1931 до 1956 г. работало крупное предприятие, продукцией которого был радий. Это уникальное радиохимическое производство работало в структуре двух чрезвычайно закрытых ведомств – ГУЛАГа и Министерства среднего машиностроения, поэтому долгое время вся информация о нем была засекречена. За время своего существования это предприятие сменило несколько названий, но большую часть своей истории оно носило полуофициальное название – «Водный промысел».

Водный промысел был и остается единственным в мире предприятием, где радий выделяли из подземных минерализованных вод. Этот факт уже обеспечивает ему особое место в истории мировой науки и техники. Однако следует отметить особый вклад, который внес Водный промысел, его рабочие, инженеры и ученые, вольнонаемные и подневольные, в победу Советского народа в Великой Отечественной войне.

Напомним, что в начале XX в. единственным источником получения радия были урановые руды, так как радий-226 является продуктом радиоактивного распада урана-238. Однако долгое время в Советском Союзе не было разведанных месторождений радиоактивных руд, пригодных для рентабельной добычи радия [6]. Зато неожиданно был обнаружен новый вид радиевого сырья. В 1926 г. экспедиция Геологического комитета обнаружила необычно высокую радиоактивность воды из скважины № 1 «Казенная» на территории Ухтинского нефтяного место-

рождения, которая была обусловлена необычно высоким содержанием растворимых солей радия. Эксплуатация открытого месторождения радийсодержащих вод началась в 1931 г. Ухто-Печорским исправительно-трудовым лагерем ОГПУ и продолжалась до 1953 г., когда предприятие было передано Министерству среднего машиностроения и перешло на другой вид сырья. Опытные работы по извлечению радия из воды были проведены в 1930 г., 7 ноября 1931 г. вступил в строй первый завод по переработке воды, в 1934 г. построен завод по переработке радиевых концентратов, а в 1940 г. промысел вышел на проектный режим [4].

Пора рассвета Водного промысла пришлась на 40-е гг. XX в., на время Великой Отечественной войны. В это время работали радиохимическая лаборатория, 12 заводов по переработке воды, завод по переработке радиевых концентратов, а также электростанция, завод по изготовлению деревянной оснастки и подсобное сельскохозяйственное предприятие. В эксплуатации постоянно находилось около 150 скважин. Производственные объекты предприятия располагались в радиусе 40 км. При заводе по переработке радиевых концентратов и при крупных заводах по переработке воды были поселки для вольнонаемного персонала и заключенных [4, 7].

С 1940 г. Водный промысел подчинялся Главному управлению лагерей горно-металлургической промышленности НКВД СССР (ГУЛГМП). Среди заключенных он считался «курортной зоной». Сюда старались попасть всеми правдами и неправдами. На промысле был менее строгий лагерный режим, хорошее снабжение и специальные пайки для работников вредных производств. Кроме того, здесь практически не было осужденных по уголовным статьям, высока доля вольнонаемных, а начальство, как правило, было высокообразованным. Однако из-за строгого режима секретности большинство работников, как заключенных, так и вольнонаемных, даже не знало, какую продукцию они выпускают: «...добывали какое-то полезное ископаемое».

В 1941 г. на Водном промысле был рекордный объем выпуска радия – 21541 мг. Добиться этого удалось, по-видимому, путем переработки накопленных ранее отходов, в которых из-за несовершенства технологии оставалось значительное количество радия. В целом 40-е гг. XX в. переработка радиоактивной воды обеспечивала годовой выпуск радия на уровне 16,5-17,5 г [4].

В те времена большая часть получаемого радия находила применение в медицине, несколько меньшее количество использовали в производстве светящихся составов постоянного действия, в металлургии для

промышленной гамма-дефектоскопии при проверке литья и сварных швов [8]. Таким образом, сфера применения радия была ограничена, однако ничем иным заменить его было невозможно – до конца 40-х гг. XX в., когда с созданием ядерной энергетики появились и были введены в практику искусственные радиоизотопы, радий был единственным источником ионизирующего излучения. По некоторым данным из всего количества произведенного в мире радия в медицинских целях было использовано 85%, для изготовления светящихся составов 10% и остальные 5% – для изготовления закрытых радионуклидных источников излучения гамма-дефектоскопов [2].

Для наглядной оценки роли Водного промысла в отечественной промышленности необходимо ознакомиться с мировой историей радиевого производства. Началом радиевой промышленности считается 1906 г., когда две французские фабрики начали выделение радия из урановой руды, доставлявшейся их Иоахимсталя (Австро-Венгерская империя). В это время радий был самым ценным веществом в мире: стоимость одного его грамма достигла 750 тыс. золотых франков. Поэтому уже в 1907 г. правительство Австро-Венгерской империи наложило эмбарго на экспорт урановой руды и начало строительство своего радиевого завода в г. Иоахимсталь. Этот завод в 1922 г. был мировым лидером по выпуску радия и проработал до начала Второй Мировой войны. Радий извлекали из урановой смолки, содержавшей 50% оксида урана, для получения 1 г радия требовалось переработать 7 т руды. Однако месторождение в Иоахимстале начали разрабатывать с целью получения красителей и глазури на основе оксида урана задолго до открытия самого этого радиоактивного металла, и к началу XX в. оно уже было истощено. Поэтому производительность завода в Иоахимстале (ныне г. Яхимов, Чехия) была невелика – в первые годы она составляла около 1 г/год, а к 1940 г. достигла 4 г/год [9, 11].

В 1913 г. на мировом рынке появился американский радий, выделяемый из карнотитовых руд месторождения в штатах Колорадо и Юта. Добычей урана и выделением радия в США занимались восемь компаний, лидером среди которых была Standard Chemical Company. В 1913 г. было произведено 10,5 г, а в 1914 г. – 22,4 г радия. Цена на радий составляла от 160 тыс. до 120 тыс. US\$. С 1913 по 1923 г. на американских заводах было получено 196-197 грамм радия, примерно половина которого была использована в медицинских целях, а остальная – в производстве люминесцентных красок [1, 11].

В 1913 г. в Бельгийском Конго в Катанге было открыто одно из крупнейших в мире месторождений урана. В 1921 г. первая партия руды

была доставлена на завод бельгийской компании Union Miniere в Оолене вблизи Антверпена. В 1925 г. производство достигло 4 грамм радия в месяц, что привело к падению мировых цен до 70 тыс. US\$ за грамм. Это вынудило американские компании к 1926 г. отказаться от выпуска радия. В 1925 г. бельгийский завод в Оолене дал около 95% всей мировой продукции радия. Успеху бельгийской компании способствовало чрезвычайно высокое содержание оксида урана в руде месторождения в Катанге – около 3%, а после обогащения – до 60% [9, 11].

В 1930 г. богатое урановое месторождение было открыто на северо-западе Канады, за полярным кругом. Его эксплуатацией занялась канадская компания Eldorado Gold Mines Ltd., которая построила радиевый завод в Порт-Хоупе на берегу Большого Медвежьего озера. Хотя месторождение находилось на расстоянии около 4000 миль от завода и руду доставляли самолетами, канадский радий оказался дешевле бельгийского [11, 12].

Конкурентная борьба привела к значительному падению цен на радий, которое было остановлено в 1938 г. заключением картельного соглашения между бельгийской Union Miniere и канадской Eldorado Gold Mines Ltd. Цена на радий стабилизировалась на уровне 25 тыс. US\$ за грамм и оставалась примерно на этом уровне до середины 70-х гг. XX в. [9, 11]. Последние данные о производстве радия в Бельгии есть только за 1934 г., когда было выпущено около 60 г радия [1]. Более поздние данные не известны – компания до сих пор не допускает исследователей к своим архивам. Полагают, что таким образом Union Miniere пытается скрыть факт, что себестоимость радия была значительно ниже рыночных цен. По приблизительным оценкам бельгийской компанией было получено от 1000 до 1500 г радия [9].

Есть сведения, что с 1934 г. США возобновили производство радия, продолжавшееся пять лет. В этот период было выпущено 18,06 г радия [1]. В 1939 г. на заводе Eldorado Gold Mines Ltd. в Порт-Хоупе была достигнута производительность 90 г радия в год. Однако начало Второй Мировой войны оказалось губительным для радиевого производства в Канаде – из-за экономических потрясений в 1940 г. добыча урановой руды была остановлена, а шахта затоплена [12]. К этому времени компания Eldorado Gold Mines Ltd. выпустила 123,05 г радия [1]. Ожил Порт-Хоуп только в 1942 г., когда потребовался уран для проекта «Манхеттен» по созданию ядерного оружия.

В Советском Союзе ампула с первым радием была запаяна 1 декабря 1921 г. Радий был получен на опытном заводе в пос. Бондюжский (ныне г. Менделеевск в Республике Татарстан). В качестве сырья использована

обогащенная руда из месторождения в Туя-Муюне (Фергана), «секвестированная» в 1918 г. у частной компании «Ферганское общество». Бондюжский радиевый завод им. Л.Я.Карпова производительностью 1,5 г/год проработал до 1925 г., всего было выпущено 6 г радия [6].

В 1930 г. в Москве начал работу завод Горно-химического треста «Редкие элементы» по производству радия из туюмунской урановой руды. Публикации об этом заводе отсутствуют, о факте его существования можно судить только по неполным, но взаимодополняющим сведениям в ряде публикаций [1, 3, 6] и в архивных документах Водного промысла. Данными о выпуске радия на этом заводе мы не располагаем, по-видимому, он работал недолго – до конца 1930-х гг.

По всем показателям урановая руда месторождения в Туя-Муюне является низкосортной, поэтому в 1920–1930-е гг. в Советском Союзе вели активные поиски перспективных месторождений радиоактивных руд. В частности были открыты месторождения в районе Кривого Рога (Украинская ССР) и Табошара (Туркменская ССР) [6]. Но с появлением в 1935 г. радия с Водного промысла поиск урановых месторождений был свернут. Работа в этом направлении возобновилась только в 1943 г. с началом работ по созданию ядерного оружия [5].

Как следует из приведенной подборки данных о мировом производстве радия, в начале Второй Мировой войны было прекращено производство радия в г. Иохимсталль в оккупированной Чехословакии и на заводе канадской компании Eldorado Gold Mines Ltd. в Порт-Хоупе. Еще раньше был свернут выпуск радия в США. В нашем распоряжении нет данных о выпуске радия бельгийской компанией Union Miniere. Вполне возможно, что этот крупнейший производитель радия продолжал работу и после оккупации страны Германией. Сырья для этого было достаточно – задолго до начала войны компания создала весьма солидный запас руды из Катанги. Известно, что после окончания войны Соединенные Штаты вывезли из Германии 1200 тонн урановой руды [9].

Следовательно, действующее производство радия во время Второй Мировой войны было только в Советском Союзе – это Водный промысел ГУЛГМП НКВД СССР. Возможно, что Третий Рейх располагал радиевым заводом в г. Оолен в оккупированной Бельгии. Остальные страны использовали только ранее накопленные запасы радия. Учитывая огромные цены на мировом рынке, приобретение радия за рубежом было бы непосильно для воюющей страны.

На основе анализа сохранившихся документов мы подсчитали, что к началу войны на Водном промысле было выпущено примерно 60,4, а в 1941–1945 гг. – еще 88,8 г радия. Таким образом, Водный промысел в

трудные годы Великой Отечественной войны обеспечил нужды советской военной промышленности в этом уникальном стратегическом сырье.

Литература и источники

1. Башилов И.Я. Введение в технологию редких элементов. – М., Л.: Государственное химико-технологическое издательство, 1932. – С. 58.
2. Вдовенко В. М., Дубасов Ю. В. Аналитическая химия радия. – Л.: Наука, 1973. – 190 с.;
3. Гигиена труда в производстве радия. – М.–Л., 1935. – 176 с. (Тр. Государственного научно-исследовательского института гигиены труда и промсанитарии НКЗ).
4. Кичигин А. И., Таскаев А. И. «Водный промысел»: история производства радия в Республике Коми (1931–1956 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – № 4. – С. 3–30;
5. Личное сообщение Пашукова Евгения Алексеевича, директора музея НПО Радиевый институт им. В.Г. Хлопина, г. Санкт-Петербург.
6. Погодин С.А., Либман Э.П. Как добыли советский радий. – М.: Атомиздат, 1977. – 248 с.;
7. Рощевская Л.П. Радиевая промышленность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах пос. Водный Ухтинского района Коми АССР) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 2004. – С. 130-142 (Коми научный центр УрО РАН).
8. Хлопин В.Г. Пути использования радиоактивных элементов и элементарных частиц // Известия АН СССР. Сер. физическая. – 1940. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 332-341.
9. Goldschmidt B. Uranium's Scientific History // www.world-nuclear.org/ushist.htm. – (14-th International Symposium held by the Uranium Institute in London, September, 1989).
10. Hahne F. J. Early uranium mining in the United States // www.world-nuclear.org/usumin.htm. – (14-th International Symposium held by the Uranium Institute in London, September, 1989).
11. Landa E.R. The first nuclear industry // Scientific American. – 1982. – V. 247. – N. 5. – P. 154-163.
12. Spence H.J. M. Grandfather and the Great Bear // www.world-nuclear.org/grand.htm. – (14-th International Symposium held by the Uranium Institute in London, September, 1989).

О.Е. Бондаренко, Т.М. Хорунжая

**ПАТРИОТИЗМ В ПИСЬМАХ ФРОНТОВИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по материалам Коми АССР)**

Одним из важных источников в понимании и оценке событий Великой Отечественной войны являются письма фронтовиков. В настоящее время многие исследователи признают, что «достоверным и информативным источником для нас являются письма с фронта» [1].

В 1995 г. к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне в Коми книжном издательстве вышел сборник «Фронтовые письма 1941–1945» (составители – Л.Д. Шарая, В.Д. Захаров, Е.Э. Макеева, Э.В. Роттэ, А.Ф.Сметанин). В книге собраны письма военнослужащих, призванных из Коми АССР, написанные в разные фронтовые годы – с 1941 по 1945. Значение этого сборника трудно переоценить. Содержание писем в настоящее время подвергается всестороннему анализу и осмыслению, используется в работе исследователей [2]. Круг вопросов, рассматриваемых в письмах с фронта, довольно стандартен, но в преломлении через личностное восприятие авторов он получал эмоциональную окраску. Содержание писем воинов позволило нам установить, что определяющим для них в рассматриваемый период были борьба с врагом и его разгром, защита Родины, осознание того, что они приняли на себя тяжесть боевых действий, защищая родных и близких.

Г.К. Жуков, размышляя о величии победы Советского Союза в этой тяжелой войне, писал: «Обо что же споткнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территории нашей страны? Что же, прежде всего, помешало им продвигаться вперед привычными темпами? Можно твердо сказать – главным образом массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа» [3].

Для раскрытия темы были использованы письма 28 авторов, в которых с особой очевидностью обозначена тема патриотизма. В ходе войны погибли 20 авторов, вернулись с фронта три человека, пропали без вести двое, нет сведений о трех воинах.

На всех этапах войны у советских людей была уверенность в неизбежной победе СССР. 24 июня 1941 г. С.С. Попов пишет домой, родным: «Свершилось ужасное – позавчера немцы начали наступление на СССР. Началась новая кровопролитная война. Верим, что победа будет на нашей стороне – мы многочисленны, сильны и имеем громадную терри-

торию, захватить которую невозможно. Верим, что немец будет разгромлен, что СССР победит и выйдет еще более окрепшим из этой войны» [4]. Эту уверенность высказывает и А.А. Старцев: «Сегодня 29 июня, 9 часов утра. Уже неделя, как началась война с Германией, война крупная, с большими жертвами, война, которая обязательно должна кончиться нашей победой» [5]. Ф.Г. Батманов выражает уверенность, «что эта война для немецких фашистов будет концом их существования» [6].

Р.В. Козловский в частном письме матери отразил общее настроение населения страны: «Разобьем и уничтожим фашизм и тогда будем жить хорошо и спокойно. А сейчас перед нами стоит одна задача – разбить. И эту задачу весь наш народ, вся наша страна и флот выполнят, потому что нет преград, которые непреодолимы для большевиков» [7]. Письмо было написано 20 июля 1941 г. Вера в победу в войне сохраняется, но, очевидно, приходит понимание, что это не так просто произойдет. Меняется интонация, появляются слова «думаю», «видимо». Я.А.Чупров из деревни Гарёво Усть-Цилемского района 16 августа 1941 г. в письме родным писал: «Дорогая семья, идет очень тяжелая война, страшная война, но, думаю, разобьем фашистских волков» [8]. В письме С.С.Попова 11 сентября 1941 г. брату Оресту содержатся следующие строки: «Я в армии с 7 июля 1941 г. Думал, доеду до тебя (г. Смоленск) – не удалось, да и ты уехал оттуда, а там пока немец, но его, видимо, скоро вышибут и я сумею побывать там, хотя и без тебя» [9]. Ф.Т.Батманов в письме матери 3 июля 1941 г. особо подчеркивал, что «За Родину не имеем права пожалеть жизни, если это потребуется» [10].¹⁰

Р.В.Козловский был в составе ансамбля, обслуживавшего воинские части. Подал рапорт о посылке его в передовые части, вопрос был решен положительно. В письме от 20 июля 1941 г. свое решение он объяснял следующим образом: «Сделал я это потому, что фронту нужны коммунисты и считаю, что мое место именно там, в рядах бойцов, которые своей грудью отражают нападения фашистов и бьют их, не жалея жизни своей. Вот с такими убеждениями и настроением я пойду на фронт и будь уверена, моя дорогая мама, что тебе не придется краснеть и стыдиться за твоего сына-коммуниста» [11].

Бойцы стремились уничтожить как можно больше врагов. Д.И.Зезегов писал жене и дочери 12 февраля 1943 г.: «Живите хорошо. Обо мне не беспокойтесь. Если и что случится со мной плохое, то все же свою голову задаром врагу не отдам. Я стреляю довольно метко. Меткими выстрелами я постараюсь уничтожить десятки бандитов. Если и придется умереть, то умру с честью за Родину, за власть нашу советскую» [12].

Н.С. Ульянов сообщал жене 27 января 1942 г., что ему присвоено новое звание – лейтенанта и добавлял: «Сражаюсь так же, как и товарищи по фронту. На счету имею «3 ганса», мною лично уничтоженных, каковой обещаюсь повседневно увеличивать и драться до последней капли крови, пока не уничтожим и выгоним из нашей земли гитлеровскую грабь-армию. А в этом я и весь наш народ убеждены» [13].

Фронтовики сообщали о наградах. Н.В.Палкин 23 июня 1942 г. писал родным: «Всего на моем счету 33 убитых врага. Советское правительство высоко оценило мои заслуги, наградив меня Орденом Красной Звезды. Эта правительственная награда воодушевляет меня на новые боевые подвиги и победы над коварным врагом» [14]. А.Е.Попов сообщал дяде Прокопию Ивановичу Исакову что «за борьбу с немецкими танками получил государственную награду – Орден Отечественной войны II степени. Орден получил 24 января» [15]. Н.Т.Дуркин писал родным о своем вторичном ранении в голову, нахождении в госпитале, были в письме и следующие строки: «Мама, я уже сообщал, что я награжден орденом Красной Звезды» [16].

В письмах с фронта, адресованных трудовым коллективам, встречается имя И.В.Сталина, иногда в письмах к родным фронтовики ссылаются на речи и приказы Сталина. Новиков Федор Андреевич обучался в военно-пехотном училище, где шла подготовка командного состава, срок для этого отпускался мизерный – 2-3 месяца, понятно, что этого было явно недостаточно, но другого выхода не было. В его письме жене Ольге Ивановне содержится, редко встречающееся в письмах к родным, упоминание о Сталине. «Оля, вчера, т.е. 6/XI с.г. я слушал по радио доклад т. Сталина о 24 годовщине Октября, где т. Сталин призвал весь советский народ на решительную борьбу с озверелым фашизмом и стереть с лица земли фашистских людоедов. Прослушав доклад т. Сталина, я дал себе слово биться с фашизмом до последнего дыхания, а если потребуются и отдать свою жизнь. Я рабом фашистов быть не желаю и своих детей отдавать фашистам в плен тоже не собираюсь. Наша общая задача всех трудящихся СССР и сознательной части мирового пролетариата – стереть с лица земли фашистских гадов. Разрешить эту задачу, в первую очередь, призваны мы, бойцы и командиры РККА, и эту задачу, дорогая моя Олечка, мы выполним с честью» [17].

А.А.Старцев в письме к жене от 8 июля 1941 г. тоже ссылается на выступление Сталина: «Как знаешь, и т. Сталин об этом в своей речи сказал, что в победе, конечно, сомневаться не приходится: победа обязательно будет за нами, наша Красная Армия имеет для этого все необходимое. Правда, победа даром не дается, будут жертвы и не маленькие.

Нужно пойти на жертвы, чтобы разбить коварного врага. Здесь чувствуется колоссальный подъём: все трудящиеся поднимаются на борьбу с врагом. В том числе, молодые девушки сотнями добровольно идут на фронт. Нужно всем помочь Красной Армии выполнить её великую задачу в защите нашего отечества. Любовь мужей к жёнам и отцов к детям также обязывает всех встать на защиту Родины от фашистов. Всё это я говорю в том плане, что моё место сейчас в армии и ты не должна убиваться горем моего отсутствия» [18].

О.В.Иевлев спешил обрадовать своих родных (20 января 1943 г.): «Наконец могу сообщить вам радостную весть. Вчера вы прочитали в сводке о прорыве блокады Ленинграда. Утром 13.01.43 г. нам зачитали приказ т.Сталина о прорыве блокады. Ровно в 3.30 утра заиграла «катюша». Разрывы ее снарядов слились в сплошной гул, – это забила вся наша артиллерия Ленинградского фронта» [19].

Письмо Н.П. Потолицына жене от 18 ноября 1943 г. свидетельствует о его патриотическом настрое: «Одного себе скорее желаю – скорее на лыжи и в бой. Надо не забывать ни на одну минуту. Я призван драться днем и ночью, весной, летом, осенью и зимой в любое время года с заклятым врагом – немецко-фашистскими гадюками, до полного их уничтожения. В бой за Родину! В бой за Сталина! Вот наши боевые призывы» [20]. В настоящее время идут споры насчет этого лозунга, высказывается мысль, что он внедрялся «сверху», но очевидно одно, что этот лозунг имел место в годы Великой Отечественной войны, и находил отклик в сердцах бойцов.

Участники войны прекрасно понимали, что на фронте с ними все может случиться. В письмах к родным они не исключали возможность смерти и подготавливали к ней родственников. «Люсь, ты мне пока ничего не покупай, покупай только себе и Элечке, кто знает, что может со мной случиться. Может и случится самое страшное – смерть, которая стережет нашего брата на каждом шагу. Я, конечно, зря свой лоб под немецкие пули выставлять не буду, буду стремиться жить сто лет и все вместе с тобой. Жертвы здесь есть и немало. Вчера одного нашего солдата вблизи Минска убило, а ведь он тоже жить хотел. Люсенька, нужно на вещи смотреть прямо, ничего не скрывать от себя. Это я пишу на поле боя, под бесконечным гулом моторов (самолётов), которые сеют смерть» [21]. Несколько позднее автор вновь пишет жене, что «на войне может случиться все. Может быть и то, чего бы мы так не желали. Но что делать, ведь без этого не бывает. Это естественное явление» [22]. А.А. Старцев, написавший эти строки, вернулся живым с фронта.

П.И. Ермолин дочери Берте писал 8 июля 1941 г.: «Я могу на войне погибнуть, но, Берточка, знай: ты должна расти под мирным небом. Я коммунист и хочу, чтобы выросла ты и обязательно стала коммунистом, жила бы так, как настоящие люди – коммунисты» [23]. Автор этих строк пропал без вести в 1941 г. Фронтовики думают о своих родных, детях, которые есть и которые должны появиться. А.А.Жилин завещал жене: «но, если меня не будет, то вспомни меня, каким я был и наследство моё сохрани, пусть растёт вместо меня. Граня, эти слова мне очень тяжело переживать, жизнь на волоске: или жив, или нет» [24].

Можно отметить одну характерную особенность содержания писем с фронта, как в годы I мировой войны, так и в годы Великой Отечественной – это наличие во многих письмах фразы «Я пока жив и здоров». Никто из них не мог знать, что будет через какой-то промежуток времени. Из письма А.А. Куштысева родным 8 мая 1943 г.: «... война без жертв не бывает. Какая судьба у человека?! Я нахожусь уже второй год на передовой, но пока цел и невредим, о дальнейшем ничего не знаешь, какое счастье» [25].

Не исключая возможной смерти, бойцы в то же время надеялись, что ее удастся избежать. Из письма Н.Н.Калимова жене Галине Михайловне – «Пишет Никанор. 19 августа 1941 г. Пишу в поезде, может быть, это последнее письмо... Галина, может быть мне удастся выжить» [26]. Судьба до времени хранила О.В. Иевлева. Письмо от 8 июля 1943 г.: «Я пока здоров, как бык. Удивляюсь, что меня ничем не берет. Уже сколько раз попадал в крепкие переплеты, сколько раз падал со мной рядом убитый или раненый человек, а я до сих пор не имею ни одной царапины» [27].

Вероятность смертельного исхода усиливала ценность жизни. Об этом в письме П.С.Сивкова от 20 августа 1942 г. «Да, Шура, научились в ленинградских болотах презирать смерть и любить жизнь. Сколько раз, лежа в воронках или под корнем дерева, ждал смерти, сколько раз был в переплетах крепких, но научился презирать смерть и любить жизнь» [28].

Бесхитростные строки письма Г.П.Чупрова перед предстоящим сражением: «Я уже вчера писал письма. Но сегодня перед вступлением в бой еще сообщаю, что иду в бой. Если после боя буду жив, буду писать, а не будет вести, то погибну. Предстоит подраться здорово... Но ничего, не тушуюсь, уже не в первый раз бить фрицев. Адрес старый» [29]. Последние строки письма, на наш взгляд, говорят о теплившейся надежде, что автор останется жив. Чем дольше длилась война, тем больше не хотелось умирать. Ф.М.Исаков 20 августа 1943 г. жене Федосье Егоровне

писал: «Ох, любимая жёнушка Феня, кровавая битва здесь идет. Не знаешь, в какой миг постигнет смерть. Увижу ли я вас, дорогие мои. Так не хочется погибать. Будешь тут валяться как собака дохлая. Смогу ли вас еще, дитятки, увидеть, пока живой» [30].

Письма фронтовиков содержат характеристику врага. Образ врага-фашиста в ходе войны все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца. Для фронтовых писем характерно использование терминов «немец», «немцы», «фашисты», «фашист». Нам удалось выявить и другие определения, которые авторы писем используют для характеристики врага: немецкие фашисты, фашистские собаки, гады, фашистские волки, фашистские изверги, гадина Гитлер, собака, озверелый фашизм, фашистские людоеды, лютый двуногий зверь – немец и его лакеи, немецкие оккупанты, немецко-фашистские бандиты, коричневые разбойники, гитлеровская грабь-армия, фашистские изуверы, проклятый изверг, гитлеровская свора, немчура, гитлеровская банда, немецкие захватчики, фашистские мерзавцы, фрицы, фашистская чума, германский зверь, немецкие стервятники, фашистская шайка, проклятая немчура, гитлеровская падаль, гитлеровская шайка людоедов, гитлеровская мразь, фрицы, фашистская нечисть, варвары, немецко-фашистские гадюки.

Разрушенные села и города, гибель людей усиливали ненависть к врагу и стремление добить его в «люгове». Как отмечает Е.С.Синявская, «На восприятие врага, безусловно, оказала влияние основная эмоциональная доминанта на разных этапах войны. Естественным был шок от чудовищного несоответствия довоенных легковесных представлений о будущей войне, сформированных пропагандой («малой кровью», «на чужой территории») и реального хода событий. Такая недооценка образа врага и переоценка собственных сил в ходе катастрофических поражений 1941 г. обернулась сначала недоумением от обманутых ожиданий («как посмели на нас, непобедимых, напасть?!»), затем широким распространением подавленности, страха, представлений о враге как о хорошо отлаженной машине, которая «прёт стальной обезличенной машиной и ее невозможно остановить».

Конечно, была и героическая оборона многих городов, и попытки контрнаступлений, но в целом ощущение, что «мы бежим», неоднократно переходящее в паническое настроение, с соответствующим формированием образа врага как огромной сокрушительной силы, стало доминировать в массовом сознании на первом, самом трудном этапе войны [31]. А.П.Филиппов писал 28 июля 1941 г., что «частенько приходится и удирать от немца. Ведь вы сами знаете, что всё время еще отступаем» [32].

А.Д. Политов сообщал жене Екатерине 12 июля 1941 г. о своей боевой жизни: «Учителя, наверно, готовятся к новому учебному году. А нам приходится «учить» фашистских собак, чтобы они отбросили мысли о легкой победе и превращении Советских людей в рабов. «Учить» приходится не словами, а залпами» [33]. Даже в эти трудные дни была надежда на победу. Из письма Я.А. Чупрова родным: «Дорогая семья, идет очень тяжелая война, страшная война, но, думаю, разобьем фашистских волков» [34].³⁴

В конце декабря 1941 г. стали в письмах появляться первые сведения о пленных немцах: «Вчера немцы делали попытку прорвать нашу оборону и начали сперва с артиллерийской подготовки. Стреляли из орудий, минометов, танков. Атака была отбита с большими для них потерями. Взяли пленных солдат и офицеров. Все они грязные, как черти, и солдаты, и офицеры. Одеты вместо белья в награбленные женские юбки, сарафаны, доходит даже до панталон, все вшивые. В общем, они дожились, скоро у них и этого не будет» [35].

То, что видели бойцы на территории, которая ранее была оккупирована, наполняло их сердца ненавистью и жадой мести. В.П.Филиппов. сообщал родным: «Вечером 23-го, перейдя канал Волга-Москва у р. Яхромы близ г. Дмитрова, мы вступили в места, оккупированные немцами. Увидели места боев. Отступая, немцы оставили большое количество танков, автомашин, мотоциклов и т.п. По рассказам населения, они были полными хозяевами, что хотели, то и делали. Что описывается в газетах о бесчинствах немцев, то же можно услышать из уст населения. Многие деревни сожжены, скот угнан и т.д.» [36].

Военный комиссар М. Медведев 5 января 1942 г. писал жителям Коми АССР, что они находятся на территории, освобожденной от немецких захватчиков, «жуткие дела творили здесь фашистские изверги: отнимали у населения теплые вещи, уводили скот, сжигали дома, убивали мирных жителей. В деревне Черенцово светлое уютное помещение неполной средней школы превратили в конюшни, значительную часть жилых домов сожгли. Зверства, чинимые немчурой, еще больше наполняют ненавистью наши сердца, мы с удвоенной энергией обрушиваем силу нашего оружия на коварного врага. Мы повседневной своей боевой работой будем увеличивать количество могил, и только успокоятся наши сердца тогда, когда не останется ни одной фашистской собаки на нашей родной земле» [37].

Очень интересное сравнение приведено в письме Е.Н.Потолицына родным, которое характерно для охотника: «Мама, храните свое здоровье, помогайте фронту для быстрого разгрома поганых фашист-

ских зверей. А мы их будем продолжать громить в боях и так громить, что они у нас будут бежать без оглядки, спотыкаясь и ныряя, как утки» [38].

Наступление советских войск находит отражение и в весточках домой. А.Г. Дуркин писал брату 29 марта 1943 г.: «Гитлеровские резервы иссякают и иссякают с каждым днем. Тотальная мобилизация в Германии произошла не от хорошей жизни. Хотя бы взять, к примеру, взятие Великих Лук. В окрестностях города немецкие трупы сложены штабелями. Пожалуй, что размером больше, чем штабеля на катищах Ухтинского леспромхоза» [39].

Крепнет желание мстить врагу и уничтожить его. Из письма В.Д. Моркова (27-28 июля 1943 г.): «Километр за километром освобождаем осквернённую немцами (землю). Изгоняем варваров с нашей русской земли. Много бесчинств и жестокостей натворил он здесь. Где были дома, остаются куча развалин и сады, которые он не смог уничтожить. Много горя он принес русскому народу, за что поплатился кровью. Когда идешь по разрушенной станице или хутору,ходишь первый в нее, ожидаешь, что вот увидишь селение, а там такая жалкая картина, что зажигается сила, двигаешься вперед бить, уничтожать до последнего фашистского варвара, вступившего в СССР» [40]. В очередном письме жене А.А. Старцев 8 февраля 1944 г. сообщал: «Вот я опять нахожусь на фронте, иду по пятам отступающего противника. Перед моими глазами прошли десятки сёл и городов, где в течении двух лет лютвал проклятый немец: грабил и насиловал наших советских людей» [41].

Воины из Коми АССР принимали участие в освобождении ряда стран от ига фашистской Германии. 15 августа 1944 г. в письме А.Е. Торопова жене содержалась следующая информация: «Мы уже находимся в Польше и близко к польской столице – Варшаве. Бьём беспощадно врага на польской земле вместе с польским народом. В том числе я беспощадно бью врага и немало уже из своих пушек уничтожил вражеской техники и самих фрицев. Катюша, уже есть приказ о награждении меня орденом Красной Звезды, но ещё не получил. Ваш муж и папа беспощадно, не жалея сил, здоровья, борется с проклятым ненавистным фашистским зверем. Скоро, скоро, он будет добит в собственной берлоге» [42].

В 1945 г. в некоторых письмах встречается фраза «привет с немецкой земли на родину»; есть она и в письме Евгения (фамилия не установлена) И.А. Вокуеву, в котором говорится: «Я воюю теперь на немецкой территории, нахожусь на передовой, земляков никого нет» [43]. А.М. Быков 11 февраля 1945 г. сообщал З.П. Туркиной: «Приближаемся к Берлину, прошли всю Польшу, сейчас в самом логове зверя – в Германии. Идем

по немецкой территории, враг назад убежал, оставил деревни пустые».⁴⁴ Сергей Андреевич Горчаков также принимал участие в этих боях, письмо к родителям начинается с фразы «Привет с далеких чужих краев». Далее он писал: «Разрешите вам черкнуть пару слов про свою жизнь на немецкой бумаге и из немецкой территории» [45]. В письмах 1945 г. звучит также тема мести: «За братьев мстим как следует, и не только за моих братьев, а за всех», «немец заплатит за всё», «отомщу фашистам за своих трех братьев, которые погибли на фронте». Практически у каждого, кто был на фронте, был собственный счет потерям.

Великая Отечественная война завершилась для нашей страны победой, приблизили эту победу и фронтовики-авторы писем зачастую ценой своей жизни. Их безыскусные суждения о войне позволили раскрыть некоторые аспекты военного времени через личное восприятие солдат.

Литература и источники

1. Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. – М., 2002.

2. Моисеева И.Ю. «Человек на войне» в солдатских письмах (по материалам фронтовых писем 1941–1945 гг.) // Человек и война. XX век: Проблемы изучения и преподавания в курсах Отечественной истории. – Омск, 2002; Она же. Человек на войне: к вопросу о гендере в маргинальных средах // Гендерная теория и историческое знание. – Сыктывкар, 2004. – С. 104-119; Бондаренко О.Е., Хорунжая Т.М. Фронтвой быт (по материалам сборника «Фронтовые письма 1941–1945») // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2005. (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 3).

3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.2. – М., 1988. – С. 135.

4. Фронтовые письма 1941–1945. – Сыктывкар, 1995. – С. 135.

5. Там же. – С. 23.

6. Там же. – С. 27.

7. Там же. – С. 41.

8. Там же. – С. 53.

9. Там же. – С. 57.

10. Там же. – С. 27.

11. Там же. – С. 41.

12. Там же. – С. 210.

13. Там же. – С. 98.

14. Там же. – С. 146.

15. Там же. – С. 207.

16. Там же. – С. 222.

17. Там же. – С. 67.

18. Там же. – С. 31.

19. Там же. – С. 204.
20. Там же. – С. 286-287.
21. Там же. – С. 23.
22. Там же. – С. 31.
23. Там же. – С. 41.
24. Там же. – С. 37.
25. Там же. – С. 240.
26. Там же. – С. 55.
27. Там же. – С. 249.
28. Там же. – С. 155.
29. Там же. – С. 154.
30. Там же. – С. 275.
31. Синявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. – М., 1999. – С. 265.
32. Фронтовые письма 1941–1945. – Сыктывкар, 1995. – С. 46.
33. Там же. – С. 38.
34. Там же. – С. 53.
35. Там же. – С. 81.
36. Там же. – С. 86.
37. Там же. – С. 94-95.
38. Там же. – С. 123.
39. Там же. – С. 226.
40. Там же. – С. 259.
41. Там же. – С. 305.
42. Там же. – С. 341.
43. Там же. – С. 367.
44. Там же. – С. 368.
45. Там же. – С. 369.

СООБЩЕНИЯ

Р.А.Рочев

ПЕЧОРСКОЕ ПАРОХОДСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Нарушив заключенный в 1939 г. мирный договор между двумя государствами и осуществляя свой вероломный план «Барбаросса», фашистская Германия, без объявления войны 22 июня 1941 г. напала на нашу страну, прервав мирный созидательный труд многонационального советского народа. Занятые мирным трудом советские люди мало верили в возможность войны, хотя такая угроза была, и многие об этом знали. Однако 22 июня 1941 г. радио сообщило о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Начался новый период в истории нашей Родины – период Великой Отечественной войны.

Вероломное нападение врага и быстрое продвижение высокомотивированных неприятельских войск поставило Красную Армию и экономику страны в чрезвычайные обстоятельства, выдержать которое могло только государство с высокомобильной и жестко организованной системой управления. Армия выполняла свои функции по отражению агрессии по всей линии фронта, а территория страны, кроме зоны боевых действий, с ее населением и экономическими ресурсами стали называться по-военному – тылом. С началом боевых действий вся внутренняя жизнь страны была подчинена войне. К этому времени Коми республика представляла собой быстро развивающийся регион страны. Высокими темпами развивались все сферы народного хозяйства, политическая и культурная жизнь, национально-государственное устройство.

Первым шагом перестройки на военный лад была реорганизация в руководстве страны, и все это делалось в экстремально сжатые сроки. Областная организация ВКП(б) в условиях войны перестроила политико-воспитательную работу среди населения. Партийные организации проводили различные мероприятия прямо в цехах, в бригадах, на собраниях и митингах, посредством бесед, через печать, радио, кино и клубы. Все это было направлено на укрепление связи с массами, воспитание в духе патриотизма, ускорение веры в победу над врагом. Одновременно

повсеместно развертывались соревнования за досрочное выполнение производственных заданий, за овладение смежными специальностями, рационализаторство.

Коммунисты, все трудящиеся Кожвинского района с первых дней войны проявили высокий патриотизм, готовность всеми средствами защитить Отечество, бороться с врагом на фронте и в тылу до победного конца. Уже 23 июня оргбюро райкома партии приняло решение «О практических мероприятиях по усилению готовности мобилизации трудящихся района». Вскоре в райцентре был создан коммунистическо-комсомольский военный батальон в составе трех рот. Организовали штаб по руководству обязательной подготовкой населения к противовоздушной обороне. Были разработаны конкретные мероприятия по перестройке политической и организационной работы на военный лад.

Началась мобилизация в армию. Многие шли на фронт добровольно. Только из Печорского пароходства в 1941 г. шли на фронт 978 человек. В ряде первичных партийных и комсомольских организаций не осталось ни одного члена. Многие, уходя на фронт добровольно, говорили: «Мое место пустовать не будет, меня заменит брат».

С начала войны вся внутренняя жизнь страны была подчинена войне. Все материально-технические и людские ресурсы были сконцентрированы на тех объектах, которые в короткий срок могли дать больше угля, нефти, нефтепродуктов, увеличить добычу и переработку добываемой продукции, бесперебойно транспортировать эту продукцию. Важнейшими стройками в этот период стали Ухтинский нефтегазовый и воркутинско-интинский угледобывающий комплекс и в связи с этим ускоренное строительство железнодорожной пути от Кожвы до Воркуты.

В обеспечении этих стратегических важных строек в подвозе и в поставке необходимых стройматериалов и оборудования в навигационный период, отводилась ответственная задача коллективам Печорского пароходства.

В связи с мобилизацией в армию многих рабочих и инженерно-технических работников производственной сферы и командного состава самоходных и несамоходных судов пароходства, остро встала проблема кадров. Часть служащих и управленческого аппарата переводились непосредственно на производство, на суда. Сократились сроки обучения молодых рабочих в школах трудовых резервов, расширялась сеть профессионально-технической подготовки рабочих. Развернулось массовое патриотическое движение женщин, учащихся старших классов, студентов под девизом: «Заменим мужей, отцов, братьев и сыновей на производстве!». Так называемые «мужские профессии» стали обычным делом

женщин во всех отраслях промышленности и транспорте. Подлинными патриотами в годы войны были женщины «Домохозяйки! Идите на производство!», «Женщины – на суда! Заменим мужей, ушедших на фронт!» – эти призывы подхватили сотни и сотни женщин, успешно овладевали мужскими профессиями.

Экипаж парохода «Красноармеец» в 1943 г. полностью состоял из женщин.

На всех судах штурманами, кочегарами, масленщиками, бакенщиками, шкиперами, помощниками капитанов и механиков работали женщины и подростки.

Многих из тех, которые окончили речное училище в Щельяуре в 1942 г., в следующем году их уже призывали и направляли на фронт, а некоторые сами просились на войну, чтобы заменить погибшего в бою отца или брата. Но, в тылу нужны были кадры, поэтому многих оставляли в тылу по «брони», ведь Победа ковалась не только на фронте, но и в тылу.

Навигация 1941 г. была самой трудной со дня организации пароходства. Увеличенный вдвое план по сравнению 1940 г. был перевыполнен усилиями женщин, подростков и ветеранов, которые вновь пришли работать, заменив ушедших на фронт своих сыновей. В этот первый военный год пароходство перевезло около миллиона тонн груза. Этому способствовало и то, что режим работы был изменен, продлен до 12 часов, работая за себя и за тех, которые ушли на фронт, отпуска временно были отменены, спрос за выполняемую работу был по законам военного времени.

Какой ценой достигался этот героический труд речников, может в какой-то степени осветить один из многих случаев. «...Осенью 1941 года пароход «Домна Каликова» вел по Усе караван из 16 барж с воркутинским углем. Неожиданно резко похолодало, и буквально в течение нескольких часов лед сковал могучую реку. Караван оказался в ледяном плену в центре фарватера. Весенний ледоход по Усе неизбежно превратил бы все суда в щепки. Их надо было выручать. Более ста добровольцев в апреле 1942 г. откликнулись на призыв о спасении каравана. Их возглавил заместитель начальника политотдела пароходства В.И.Федосеев. Неимоверным трудом на протяжении пяти километров была прорублена майна. Нужно было поднять пар на пароходе. Кочегарами стали три брата Обьедковы. На капитанский мостик стали капитан С.М.Жерихин и начальник отряда В.И.Федосеев. Трое суток без отдыха проталкивали суда в безопасное место. Когда в курью заводили последнюю баржу,

лед тронулся. Огромные глыбы с грохотом наплзали друг на друга. Опоздай люди на час, караван неминуемо бы погиб...».

В судоремонтных мастерских Щельяюра на фронт мужчин заменили женщины, подростки. Молотобойцем начала работать К.Р.Почева, за руль автомашины села А.Демидова, за руль трактора – Е.Арапова. На пароходе «Шахтер» все члены экипажа, кроме капитана и механика, были женщины. И такое положение было во всех сферах производства пароходства. Война диктовала свои темпы: ни один рабочий не уходил с работы, не выполнив задания. Дел было много: на зимний судоремонт ставились более 50 пароходов, больше половины самоходного флота бассейна. Все военные годы предприятие выполняло задания по зимнему судоремонту.

Молодые судоводители Александра Иноземцева и Людмила Ипполитова образцово держали вахту, водили караваны без аварий. Навигационный план был выполнен досрочно. Капитан газохода с пристани Троицко-Печорска Афанасия Сыроватская за военные годы, возглавляя экипаж в основном из женщин, перевезла на буксире сотни тонн грузов, необходимых в ту пору и жителям печорского села и всей стране. В Печорском порту бригаду грузчиков возглавляла Мария Степановна Степанова. Это только несколько примеров из тысячи тех, которые стали обычным явлением в Печорском пароходстве в годы войны.

В 1941–1942 гг. завершается строительство Печорской железной дороги. Речники Печорского пароходства принимали в нем активное участие.

С 1942 г. в связи с постройкой Северо-Печорской магистрали и военными действиями на Баренцовом море перевозки грузов речным транспортом в бассейне стали значительно сокращаться. Так, в 1944 г. было перевезено 319 тысяч тонн грузов – в три раза меньше, чем в 1941 г. Вместе с тем флот основных пароходств Сибири – Нижне-Иртышского, Западно-Сибирского, Енисейского не обеспечивал потребности в речных перевозках бурно развивающейся промышленности этих районов. Необходимость в перевозках по Енисею была вдвойне больше, чем в 1942 и 1943 гг. Перевозка грузов в этих пароходствах планировалась в меньшем объеме, чем требовалось из-за нехватки судов. В связи с этим было решено перевести Северным морским путем 15 буксирных пароходов с Печоры.

Несмотря на хорошую подготовку для перегона судов и проявление большого мужества и мастерства всего личного состава, перегон судов был очень трудным.

Суда, пригодные для перегона, подготовили к выходу в море в п.Щельяюр. На судах заварили иллюминаторы, люки, установили цистерны для пресной воды, корпуса были дополнительно укреплены сильными тросовыми стяжками. В состав экспедиции вошли четыре 300-сильных, восемь 200-сильных и три 150-сильных буксира. Выйдя ночью 16 июля в строгой секретности из Щельяюра, речная эскадра прибыла в Нарьян-Мар 18 июля 1943 г. На советских арктических коммуникациях в это время действовали подводные лодки и самолеты противника, нападая на корабли и минирруя морские пути. Поэтому с Нарьян-Мара речные суда сопровождались кораблями Беломорской военной флотилии – 3 тральщиками и спасательным судном «Шквал».

Экспедиция вышла в далекий и опасный путь 23 июля 1943 г., сделав дерзкий вызов Ледовитому океану, чтобы преодолеть неизведанный путь через Баренцево и Карские моря. На подходе к проливу Югорский Шар подорвался на mine и затонул головной тральщик. Десять человек погибли, семеро были тяжело ранены. В Карском море экспедиция попала в шторм. Два парохода – «Иртыш» и «Усть-Уса» – оторвались от общей колонны и боролись со штормом самостоятельно. Шторм настолько усилился, что речные колесные пароходы идти своим ходом дальше не могли. Конвойные корабли отбуксировали их в Байдарацкую губу, где суда и отстаивались, пока шторм не кончился. При входе в Обскую губу, у мыса Дровяной, на речных пароходах кончилось топливо. Их снова взяли на буксир военные корабли. И лишь 7 августа 1943 г., преодолев тяжелый 1750-километровый путь, экспедиция прибыла в Новый порт на Оби. После короткого отдыха и исправления повреждений, полученных в пути, в середине сентября суда вышли в первый рейс по сибирским рекам. 9 буксиров остались на Оби, 5 были отправлены на Иртыш.

Весь личный состав Печорско-Обской экспедиции, не имевшие никакого опыта работы в море, причем треть состава были женщины, проявляли большое мужество и героизм, среди которых особо отличались: капитаны П.П.Липатов, Е.Т.Горба, механики – Г.Д.Юдинцев, А.Н.Рочев, штурвальная Т.Л.Кучкина, кочегары – А.А.Сидорова, А.А.Дуркина, Н.А.Галицкая, Ф.П.Малышева, матрос Ф.Е.Сметанина. Все они, а также многие другие участники экспедиции были награждены орденами и медалями СССР.

Об одной из страниц грозной военной поры вспоминает Н.И.Хабарова, жительница Троицко-Печорска «В 1943 г. зимовали с флотом в Печоре. Весной получаем задание: ехать в Щельяюр и готовить пароходы для перегона в Сибирь. С нашего парохода «Индустриальный»

направили пять человек на пароход «Кузнец». Мужа – штурвальным, меня – коком. В первых числах июля в обстановке строгой секретности наш отряд из 15 пароходов и одной баржи вышел на Щельяюр вниз по Печоре. Путь отряду предстоял долгий и нелегкий. Суда должны были своим ходом в условиях минной и подводной опасности совершить переход морем с Печоры на Обь и помочь речникам Западно-Сибирского и Нижне-Иртышского пароходства в перевозке грузов, строительных материалов, войск. Операция проводилась по распоряжению СНК СССР и была задумана, смело и дерзко. 18 июля 1943 г. наш караван прибыл в Нарьян-Мар. Экипажи судов обучались особенностям плавания в море, флажковой и световой сигнализации для переговоров с другими судами. Четыре тральщика и спасательное судно «Шквал» сопровождали нас в этом переходе. Сразу возникли сложности. Скорость речных судов очень мала для темпов перехода, да и устойчивость судов не предусмотрена для морской волны. Чтобы не сорвать операцию, тральщики взяли пароходы на буксир. Мы оказались в первом караване. Капитан П.Н.Серов вел не по фарватеру, а вдоль берега во избежание встречи с немецкими подлодками. Уже в Печорской губе «нутром» чувствовали морскую качку, а в районе острова Белого попали в шторм. Рвались канаты, три парохода оказались оторванными и болтались на воде как щепки. Одна биржа, получив пробоину, затонула. Людей, правда подняли, а сама биржа с запасами топлива и материалов ушла на дно.

Нашим караваном командовал капитан первого ранга Евсеев. В трудные дни он бывал на пароходах, беседовал с нами, вселял надежду на лучшее. 25 июля, когда проходили Югорский шар, случилось непредвиденное. Шедший во главе каравана тральщик наскочил на мину и затонул. Погибли 10 человек из экипажа, семь – тяжело ранены, в том числе Евсеев. Весь переход через Карское море не менее опасен. 7 августа наконец-то, прибыли в Новый порт на Оби. Поход продолжался 16 суток. Очень устали от моря, штормов и напряжения.

Вспоминая тот сорок третий и удивляюсь, как сумели мы пройти через все трудности. Руководило нами только одно желание – скорее помочь сибирским речникам. Не было ни страха, ни чувства безвыходности. В конечном счете, мы тоже работали на Победу. Кончилась война, а вместе с ней кончилась и наша юность. И хотя опалена была она войной, нам есть что сказать, если спросят: а что вы сделали для Победы? Мы работали, не взирая на трудности и лишения».

Печорцы оказывали постоянную помощь фронту. Только речники в фонд обороны отчислили из заработной платы 1278974 рубля. Дали в займы государству 1767870 рублей, кроме того, собрали облигаций на

сумму около миллиона рублей. Свыше 600 тысяч рублей наличных средств передали на постройку самолетов, торпедных катеров и танков. Собрали и отправили более 7 тысяч штук теплых вещей для воинов Красной Армии и свыше 14 тысяч штук – для населения освобожденных районов.

Призыв и отправление на фронт производились во все годы войны. В связи с нехваткой для призыва военнообязанных уже в 1942 г. стали призывать лиц, оставленных в тылу по «брони» и на спецучете как высококвалифицированных специалистов. На основании постановления ГКО СССР № 2100 от 26 июля 1942 года командующий войсками Архангельского военного округа приказал разбронировать и призвать годных к строевой службе в возрасте до 40 лет, состоящих на спецучете и работающих на предприятиях и организациях наркоматов. По наркомату речного флота – 65 чел., из них Печорское пароходство – 35, БУПа – 30. Срок исполнения – 18 августа 1942 г.

В связи с острым недостатком специалистов в 1943 г. из ФЗО были выпущены для речного флота 164 чел., передано 129. Такие недостаточно подготовленные и неопытные кадры заменяли ушедших на фронт специалистов. Несмотря на эти трудности, навигационный план перевозок 1943 г. по тоннам был выполнен на 139%, по тонно-километрам – на 105,5%. За пять месяцев навигации 1944 г. план выполнили на 126,2%. Такое положение сохранялось во все военные годы. Кроме того, речники, как и другие предприятия и организации, шефствовали над колхозами.

В годы войны самоотверженно трудились экипажи пароходов «Общественник», «Кузнец», «На вахте», «Сталинец», «Шахтер», «Кровельщик» и другие. Родина высоко оценила самоотверженный труд речников. Многие были награждены орденами, 1190 человек пароходства и БУП были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Воины Печорского пароходства в суровые годы Великой Отечественной войны проявили чудеса храбрости и массового героизма. Среди них – Герой Советского Союза Василий Павлович Кисляков, кавалер многих боевых наград контр-адмирал Сергей Степанович Ворков, отважные воины Петр Васильевич Хозяинов, Михаил Константинович Филиппов, Александр Иванович Рудаков, Петр Иванович Терентьев, Леонид Павлович Юшин, Георгий Георгиевич Головин и многие другие. Многие отдали жизнь за свою Родину.

9 мая 1945 г. закончилась война. День Победы – один из самых близких и дорогих праздников для всех нас, для трудящихся всей планеты. Путь к миру был долг и труден, ценой огромных усилий и жертв,

труднейших испытаний и невиданных лишений советские люди отстояли свое Отечество, свой родной дом, помогли многим народам Европы сбросить гитлеровское иго, спасли человечество от угрозы фашистского порабощения.

Война – жестоко нет слова, война – печальной нету слова. Почти половина ушедших на фронт с Печорского пароходства погибли, цепляясь за каждый клочок земли, отстаивая каждую пядь, поливая ее кровью, шли к Победе. Не за награду шли в огонь солдаты, они о том не думали тогда. А сколько их во имя светлой жизни остались молодыми навсегда. Внучка Александра Васильевича Юдина пишет: «В 26 лет мой дедушка стал капитаном и проплавал до июля 1942 года и ушел на фронт. С войны он не вернулся, пропал без вести, ему было всего 30 лет». А в тылу стихли веселые песни, помрачнели улицы, осунулись лица женщин, раньше времени повзрослели дети. Тыл работал на фронт. Многие из тех, которые вернулись с фронта, не смогли продолжить свою работу в пароходстве из-за ранений и болезней. Но жизнь продолжалась, нужно кому-то работать. Многие, которые остались в тылу, заменили ушедших на фронт близких и родных. Но на этом семейная традиция речников не закончилась и можно с гордостью сказать о том, что в годы восстановления и дальнейшего развития Печорского пароходства работают не только дети, но и внуки, и правнуки, т.е. третье и четвертое поколение – Федосеевых, Рочевых, Чупровых, Филипповых, Хозяиновых, Юдиных и многих других.

К.В. Молодкин

ДВЕ ВОЙНЫ В ЖИЗНИ БОЙЦА

Все меньше с нами остается ветеранов Великой Отечественной войны. Возраст и болезни уносят их...

Петр Александрович Мишарин родился в 1915 г. в селе Большелуг. Его дед был старостой, которого все уважали. Отца убили в гражданскую войну. Мать умерла рано. Мальчика отдали на воспитание родственникам. Детство было нелегким, пришлось трудиться вместе со взрослыми в лесу и на сплаве леса. Сумел окончить всего шесть классов.

Служба в Красной Армии началась для него в 1937 г. Сначала был Ленинград, где располагался отдельный стрелковый батальон. Пришло время демобилизации, но увольнение в запас задерживали, потому что

началась финская война. На Карельском перешейке, на одном из многочисленных озер, в местечке Сартовала, пехотинец Петр Мишарин был ранен в живот. Хирург, проводивший операцию, сказал ему, что рана была смертельной.

После госпиталя молодого бойца направили служить в Петергоф, а оттуда перевели в Эстонию, в город Выру. Боевые действия в городе закончились, но из-за угла можно было получить пулю. В 1940 г. Мишарина демобилизовали. В Сыктывкаре его зачислили в ряды НКВД и назначили начальником лесного участка Юркино, который находился в семи километрах от Верхнего Чова.

Началась Великая Отечественная война, но до октября 1941 г. у Петра Александровича действовала бронь. В декабре в Москве он прошел две медкомиссии – военную и гражданскую. Его определили в 24-ю парашютно-десантную бригаду. В его обязанности входило дежурство на военном аэродроме, а в свободное время он обучался прыжкам с парашютом, прыгали с самолета Дуглас.

Десантником в боевых действиях Петр Мишарин не участвовал. В составе 41-й стрелковой (позже – стрелковой) дивизии он прибыл 4 августа 1942 г. к Сталинграду. Бывшая 23-я бригада, их соседи по парашютной школе, при разгрузке попали под бомбежку. Обе бригады вступили в бой, что называется с колес. Командовал дивизией генерал-майор Иванов. Это было северное крыло сражения за город на Волге.

18 августа 1942 г. при смене огневой позиции минометный расчет был разбит. Мишарину взрывом повредило ребро, ногу и плечо. Заминированное немцами поле не позволило выполнить боевую задачу. Пришлось два месяца лечиться в госпитале, а после излечения он снова оказался на передовой. Линия фронта находилась возле станции Чертково (Чертково упоминается М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон»). В минометном расчете боец Мишарин был корректировщиком огня. Стрельба велась так интенсивно, что бойцы, смертельно уставшие, думали лишь о том, чтобы в стволах минометов одновременно не оказалось двух снарядов.

У узловой станции Синельниково, что находилась в 50 км от Днепропетровска, вклинился в оборону наших частей немецкий бронепоезд. Командованием был дан приказ пропустить его в глубь наших позиций и уничтожить. Было известно, что состав был загружен боеприпасами, они были взорваны.

Перебросив из Франции под Харьков свежие силы, противник остановил наступление частей Красной Армии. Дивизия, в которой воевал Петр Мишарин, попала в окружение. Пришлось спрятать минометы в

деревне, разбиться на небольшие группы и пробираться к линии фронта, которая находилась приблизительно в ста километрах. Документы солдаты уничтожили. Добравшись до своих, боец узнал, что дивизии, в которой он воевал, больше нет. Его определили в 178-й гвардейский полк, который стоял в обороне два месяца, и который постоянно бомбили. Наступление началось в июле 1943 г. Корректировщик минометного полка П.А.Мишарин за своевременное уничтожение вражеских позиций был награжден медалью «За отвагу».

Впереди были Днепр и Запорожье. Форсирование Днепра было назначено на ночь 25 октября. Минометы поставили на катера, а люди сели в рыбацкие лодки. Петр Александрович недоумевает, почему начали переправу вместе с пехотой? Можно было прикрыть ее минометным огнем. Видимо, это было решение молодого офицера. Надежда на бесшумность переправы не оправдала себя: катера потопили, а обстрел был необыкновенно сильным. Лодки переворачивало взрывами. Боец Мишарин, выросший в лесных краях, плавать так и не научился. Его спасло то, что он удерживался за обломок лодки. Пришлось сбросить верхнюю одежду вместе с медалями, чтобы доплыть до берега.

Петр Александрович присоединился к пехотинцам, которые приступили к взятию второй линии обороны противника. У тяжело раненого солдата взял автомат ППШ. Было это у Днепровской плотины, недалеко от узловой станции и разбитого железнодорожного моста. Здесь он был тяжело контужен и попал в плен. Пленных посадили в вагон. Петр Александрович договорился с бойцами Бакалдиным, Седых и Кубаровым бежать. С гневом он вспоминает, что нашлись и такие, кто стал отговаривать их от побега, опасаясь, что могут расстрелять всех оставшихся. В небольшое окошко пленные рассмотрели, что дверь вагона закручена лишь проволокой. У Бакалдина оказался перочинный нож, которым, когда стемнело, ему удалось прорезать в двери отверстие и раскрутить проволоку. Все четверо прыгнули с идущего поезда.

Они находились в Одесской области, которую контролировали в основном румынские части. В бывшем колхозе бойцы попросили работу у старосты, который их выдал румынам. На допросе Кубаров и Мишарин сказали, что они пастухи и помогали румынам угонять скот. Их жестоко били ремнями, а потом Кубарову зажали дверь кисть руки. На втором допросе Мишарина и Кубарова связали ремнями за руки и ноги к железной решетке. Выдержать такую пытку долго невозможно. Петр Александрович прошептал товарищу: «Нет сил молча висеть, кричать буду». А Николай Кубаров отвечает: «Посмотри на руку – она у тебя вся черная».

Охранник привел санитаря и приказал ослабить ремни: рукам стало легче. Вошел румынский офицер, сел на середину комнаты. Перед ним поставили дымящееся жареное мясо, которое он ел с аппетитом. Закончив трапезу, он сказал: «А ведь вы все-таки разведчики». Мишарина и Кубарова приковали друг к другу и бросили в тюрьму, а через какое-то время поездом отправили в Тирасполь. Здесь им пришлось рыть окопы в каменном грунте. Их охраняли румыны, поляки и молдаване. Пленники заметили, что конвой слабый, и снова сговорились бежать. Сославшись на то, что развязались обмотки и не могут идти, они сбежали от конвоя и скрылись в зарослях кукурузы. Но их обнаружили. Снова неволя. Снова тяжелая работа. В третий раз им повезло. В апреле 1944 г. после побега они сумели дойти до расположения советских частей.

Семья Петра Александровича считала его погибшим. Еще в 1943 г. пришла похоронка: «Ваш муж гвардии сержант Мишарин Петр Александрович убит 25 октября 1943 года. Похоронен в г. Запорожье, пос. Зеленый Яр. Роща южнее завода 2 д. Старший лейтенант Савин».

После плена Петра Мишарина направили в состав 12-го стрелкового полка 53 дивизии. Как и многих других, прошедших через плен, его проверял СМЕРШ. 53-я дивизия освободила Молдавию и перешла на территорию Румынии. Однако наступление приостановилось: три пулеметных гнезда оказались на пути продвижения. Впереди высота, которую надо взять. Мишарин корректирует огонь пяти минометов, меткая стрельба которых позволила продолжить наступление. После этого боя бесстрашного старшего сержанта Мишарина командование наградило орденом Славы 3-й степени – высшей наградой солдатской доблести.

При освобождении Венгрии дивизия попала в «тиски» у города Диор в 200 км от Будапешта. Стрельба велась такая, что до красного цвета накаливались стволы орудия. Командование дивизии приняло решение обойти Пешт и форсировать Дунай у озера Балатон. Впереди воинов-освободителей ждала Австрия. Мой собеседник вспоминает, что танков на их участке наступления не было. Так выполнялся приказ не разрушать исторические и культурные ценности.

Для Петра Александровича война закончилась в Вене. Не описать радость Победы! Солдата ждал родной дом, семья. Но до октября 1945 г. старший сержант Мишарин был мобилизован в Молдавию на работу в саперно-строительный батальон. В Сыктывкаре его ждала мирная профессия строителя.

К.А.Попова

ОТ РЯДОВОГО ДО ГВАРДИИ МАЙОРА

Петру Георгиевичу Костюхину в июне 2001 г. исполнилось бы 100 лет. Не дожил он до своего столетия три года.

Родился Петр Георгиевич в селе Хотилово Тверской губернии в многодетной семье. Отец умер рано, надорвавшись на тяжелой работе ломового извозчика, так что детство и юность Петра были нелегкими, пришлось поработать грузчиком на железнодорожной станции и на лесоповале. Две войны прошли через него. Восемнадцатилетним парнем в 1919 г. был призван в ряды РККА. Не повезло со службой: отравился газами, заболел гнойным плевритом, простудил ноги. В легком осталась отметина: черное пятно на всю оставшуюся жизнь, которое всегда удивляло врачей, почему не развивается туберкулез?

Через пять с половиной лет был демобилизован по болезни. Два года пролежал дома без движения, но калекой не стал. Братья на руках носили в лес и голышом садили на муравьиную кучу, а потом парили ноги в бочке с горячей водой. Выходили, поставили на ноги, остальное долечила физкультура.

Наступили страшные 1930-е гг. Тружеников-крестьян стали называть кулаками. Началось раскулачивание – высылка из насиженных мест на безлюдные окраины страны. Ввели карточную систему. Я была очевидцем того, как трупы сосланных умерших с голода валялись у мостков на улицах. В 1928 г. по приглашению брата Василия П.Г.Костюхин переезжает в Сыктывкар, и долгое время работает в системе потребкооперации. Из всей большой семьи тружеников удалось спастись только двум братьям. Мать и остальные дети были угнаны в Сибирь, где и нашли свою смерть.

Пришла вторая война, Отечественная. Октябрь 1941 года, Вологда, где формируются части Красной Армии. Командование обратило внимание на рядового, уже немолодого человека, который умело справляется со снабжением полка боеприпасами, обмундированием, продуктами и всем тем, что необходимо на фронте. Его судьба определилась: он заместитель командира по материальному обеспечению части и старшина. Война началась для него в Воронеже. Петр Георгиевич вспоминал, что убитых и раненых было так много, что реку Воронку можно переходить по трупам. Затем начались тяжелые бои под Курском. В разгар боев на Курской дуге, в землянке, его принимают в ряды ВКП(б) и присваивают звание капитана. Дальше пошли бои за Харьков. На улицах всюду виселицы, в основном с еврейским населением.

Переправа через Днепр. У комполка персональный конь. Как он, крестьянин, боялся за своего друга: удастся ли с ним переправиться? Конь в лодке выстоял, и они снова вместе! При контрнаступлении немцев часть полка попадает в окружение. 45 суток бойцы были оторваны от своих. Один из солдат не выдержал суровых условий лесной западни и стал призывать товарищей сдаться врагу. Командиру пришлось применить оружие и ликвидировать паникера. Когда вышли из окружения, Костюхина вызвали в СМЕРШ и попросили написать объяснительную записку по этому инциденту. Правомерность его поступка была доказана. Наши разведчики нашли часть в лесу, но всех вывести не было возможности, предложили выйти Костюхину и его ординарцу, но капитан наотрез отказался оставить бойцов. Позже удалось выйти из леса всему отряду.

На пути лагеря Освенцима... Освобождение узников, которых еще не успели умертвить. Картины одна страшней другой. То, что можно было увидеть в лагере смерти, невозможно забыть. Когда Петр Георгиевич рассказывал, что творилось в Освенциме, слезы застилали ему глаза. Теперь их часть называлась уже дивизией. Освобожден Львов в феврале 1945 г. Костюхин Петр Георгиевич был выдвинут на должность заместителя командира 100-й стрелковой Краснознаменной Гвардейской ордена Суворова дивизии, и ему командующим 4-го Украинского фронта присвоено звание гвардии майора, а на груди прибавился орден «Отечественная война» 1-й степени.

Победу над фашизмом дивизия отпраздновала в Чехословакии в городе Прага.... Но до дома было еще далеко. Москва направила майора в Кенигсберг, в особый Прибалтийский округ, в должности заместителя командира 350-й отдельной артиллерийской бригады. В 1947 г. он заболел гепатитом и был демобилизован в запас.

Сыктывкар. Он заместитель директора торговли города. В 1955 г. горком КПСС направляет его в Управление хлебопродуктов директором базы. Кроме основной работы, занимался общественной деятельностью: избирался депутатом сыктывкарского Горисполкома 8-го созыва, секретарем партийного бюро сыктывкарского торгового комитета, секретарем партбюро Управления хлебопродуктов. И снова болезнь выводит его из строя – теперь это инфаркт, и он вынужден выйти на пенсию.

Но безделье не его стихия. Бывший солдат, командир активно включается в военно-патриотическое воспитание молодежи. Рядом с ним такие же энтузиасты, бывшие фронтовики, как П.П.Парилов, А.И.Лосев, В.П.Пендо и сотни других. Они идут в учебные заведения, в разные организации, в ДОСААФ, в военкомат. Их везде принимают с почетом. В школах дети для них готовят подарки – разные поделки.

П.Г. Костюхин всегда с большим уважением относился к людям в погонах. Носил фуражки только военного фасона.

Чаще всего его приглашал военкомат. Его интересовала работа с призывниками, беседы с ними. Были случаи, когда он брал призывника под свой личный контроль, вел с ним индивидуальную работу, беседовал с родителями и был счастлив, когда служба в армии шла нормально.

Петр Георгиевич принимал самое деятельное участие в организации городского Совета ветеранов войны и тружеников тыла, был членом бюро Совета. Совет ветеранов выдвинул его в комиссию при Горсовете по распределению квартир для участников войны. Надо было видеть его радость и ликование, когда благодаря его усилиям квартира была предоставлена инвалиду войны. Но, к сожалению, руководители Горсовета «поняли», что Костюхина лучше перевести на другую работу, что и было сделано.

Это был человек величайшей доброты и благородства. Большинство жителей пожилого возраста знали его в лицо и останавливали на улице. У каждого находилось доброе слово к нему и просьба о помощи. Он никому не отказывал, ходил с их просьбами по учреждениям, помогал, как мог и умел. Ему чужды были грубость и неуважение к человеку. Поражали его мягкость в обращении с людьми, дружелюбие, человечность независимо от того, с кем он общался.

Стоило ему выйти вечером во двор, как тут же его окружала детвора и просила рассказать что-нибудь «о войне». Выходили соседи, и начинался бурный разговор о газетных статьях, о действиях политиков. Он много читал, собирал библиотеку военных мемуаров.

Много лет Петр Георгиевич возглавлял домовый комитет. Ему удалось добиться, правда, не без помощи Москвы, полного ремонта /замены/ системы труб в доме, санузлов. Детская площадка была в образцовом порядке и для самых маленьких и для подростков. Горсовет наградил его за образцовый порядок во дворе дома именными часами.

С Петром Георгиевичем я познакомилась на кладбище, он ходил на могилку жены, а я мужа. Столкнулась с ним у цветочного киоска, где покупала цветы. Разговорились. Оказывается, мы жили почти рядом. Стали встречаться не только на кладбище и ...соединили свои одинокие судьбы. Мне было 52 года, ему 66 лет, но выглядел он намного моложе, военная выправка, прямая спина, твердая походка, улыбчивое лицо молодили его. Мы прожили с ним 30 счастливых лет, без ссор, без всяких недомолвок. Все проблемы решали совместно, тепло заботились друг о друге.

Великое спасибо судьбе, которая нас свела!

МЕЖДУ СТРОК*

И.Ю. Моисеева, И.Н. Котылева

НОВЫЙ РАКУРС ОСМЫСЛЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2004 г. в залах Национального музея Республики Коми открылась выставка, во многом заставляющая пересмотреть традиционные представления о выставочном пространстве, преодолеть стереотипные взгляды на экспозиционный материал, задуматься о том, что мы знаем о Второй мировой войне.

Главным экспонатом этой выставки стали письма. Сотня писем... Фронтовые и лагерные, взрослые и детские, хорошо читаемые и с еле различимыми карандашными строчками, написанные на бумаге и на ткани, в самодельных конвертах из газет и на специальных почтовых карточках, нелегальные и со штампом «проверено цензурой», молчаливые и кричащие одновременно, рассказывающие о многом, но еще больше скрывающие между строк. «Между строк...» [1] – так определили название выставки и авторы проекта (концепция – Ирина Моисеева, Ирина Котылева, г. Сыктывкар; художественное решение – Игорь Дубинин, г. Москва).

Спустя многие годы письма, бережно хранимые в частных архивах и в музейной коллекции, заговорили и метафорически, и реально. Многие из писем для широкой публики были представлены впервые. Многократно обыгранный текст писем: высвеченные подлинными письмами, представление наиболее значимых фрагментов на оргстекле, строки, бегущие по стенам и потолку от мультимедийной проекции, – все это являет собой метафору многомерности культурного текста и многовариантности его прочтения. В специально созданной для выставки мультимедийной проекции представляемые письма «обрели голос». Озвученные письма в соединении с многомерной графикой, где в единый поток

*Материалы семинара, проведенного Сыктывкарским отделением Российского Общества интеллектуальной истории на базе одноименной выставки Национального музея Республики Коми. Под общей редакцией А.Ю. Котылева.

сплавились строчки писем, фотографии, кадры из фильмов, создают ощущение прохождения, погружения между строк, непосредственной сопричастности и к эпохе Второй мировой войны, и к судьбам героев выставки. Благодаря мощному эмоциональному напряжению, которое рождает зрительный и звуковой ряд мультимедийной проекции, «погружение» в текст эпохи, в водоворот человеческих судеб для каждого оказавшегося в пространстве выставки становится неизбежным.

Содержание и композицию выставки определили судьбы двух людей: Алексея Александровича Старцева и Елены Владимировны Марковой. В судьбах этих двух граждан России, частичек эпохи, отразились свершения и трагедии Второй мировой войны, победы и лишения на фронте и в тылу. Через их переписку с родственниками и друзьями, через воспоминания, стихи, рисунки, фотографии раскрывается Эпоха в Человеке и Человек в Эпохе [2].

Обращение к человеку, лицу, личному, личностному, а уже через это – к событиям, фактам, эпохе с самого начала работы над выставкой было для авторов принципиальным приемом, главенствующим, определяющим.

Идею выставки «Между строк...» предопределили две встречи, с двумя женщинами: Людмилой Петровной Старцевой и Еленой Владимировной Марковой.

Уже при первом знакомстве с Людмилой Петровной Старцевой и при общении с ней в дальнейшем нас не переставала впечатлять ее феноменальная память. Она помнит и может рассказать о многих людях, творивших историю Коми республики на протяжении XX в. Но более всего нас поразило стремление Людмилы Петровны сохранить и показать письменные документы своих близких, рассказать об этих людях. На протяжении долгих лет Л.П.Старцева хранила огромный архив, состоящий из нескольких сотен писем и фотоснимков. Именно эти письма и документы легли в основу сюжетной линии Алексея Старцева на выставке «Между строк...».

Концепция выставки изначально предполагала обыгрывание антиномии «герой–антигерой». В А.А.Старцеве авторами выставки просматривался тот самый образ «героя». В контексте советской культуры 1930–1950-х гг. А.А.Старцев являлся именно «героем»: комсомолец, затем член партии, зарекомендовавший себя как успешный преподаватель высшей школы, награжденный боевыми наградами за участие в Великой Отечественной войне, активный общественный деятель. Однако следует все же отметить, что, несмотря на большое желание авторов найти идеального «героя» для выставки, А.А.Старцев, все-таки явился «условно

идеальным», не «без огрехов» советским человеком. Сам он пишет в своей автобиографии: «В сентябре 1937 г. исключался из рядов Комсомола. Были приписаны ложные обвинения: «Связь с враждебными элементами и либеральное отношение к ним». Через некоторое время я был восстановлен в комсомоле без всякого взыскания... 10 октября 1941 г. в г. Саратове был похищен мой партбилет. Это дело было обсуждено на партсобрании Куйбышевского военного училища связи... На собрании было вынесено постановление: «За утерю Партбилета объявить строгий выговор, и просить Парткомиссию выдать новый партбилет». Я в октябре 1941 г. был откомандирован в действительную Армию, в Саратове не успел получить новый партбилет. И таким образом механически выбыл из Партии. Попав на фронт, я в 1942 г. снова поступил в Партию... Находясь в рядах Партии, тоже всегда вел большую партийную и пропагандистскую работу. Руководил кружком по изучению краткого курса «Истории ВКП (б)», работал партторгом войсковых частей, и был Членом Партийных Войсковых соединений».

Еще до начала Великой Отечественной войны 7 мая 1941 г. А.А.Старцев был призван на 3-месячные курсы переподготовки комсостава запаса в г. Могилев. В Могилёве он встретил войну.

Архив семьи Старцевых и, главным образом, письма Алексея Александровича с фронта жене и дочери Эльвире, его боевые и трудовые характеристики – способствовали показу в экспозиции официального, «лежащего на поверхности» представления о «правильном советском человеке» — солдате, муже, отце. Следует отметить также и то, что Алексей Старцев писал с фронта часто, и в этом плане его письма позволяют в определенной степени реконструировать изменения в восприятии войны непосредственного участника военных событий.

В письмах А.А.Старцева с фронта – размышления о войне и противнике: «Уже неделя, как началась война с Германией, война крупная, с большими жертвами, война, которая должна обязательно закончиться нашей победой. Я теперь уже четвёртые сутки нахожусь на поле боя и выполняю долг по защите Родины». И далее: «Заодно против нас, т.е. вместе с Германией, выступают Румыния, Финляндия и Венгрия, причём последние две страны, кажется, свои войска на нашу территорию не послали, но готовятся к этому». На восьмой день войны А.А.Старцев сообщал: «Красная Армия своими героическими подвигами уже сорвала план Гитлера о молниеносном ударе, ведь он за неделю рассчитывал уже захватить Киев, Смоленск».

Для него, как и для других солдат, оторванных от семьи, само по себе письмо, его написание и получение, было залогом сохранения

миропорядка, устойчивости... *«Вспоминаю до мелочей все из нашей совместной жизни, – пишет А.А.Старцев своей жене. Большое удовольствие приносят для меня ваши фотокарточки, которые я постоянно таскаю с собой в полевой сумке. Их очень часто просматриваю. Большую теплоту и нежность порождает в моем сердце тобой, Люсенька, положенные вещи в мой чемодан, в частности, у меня до сих пор лежит отрез твоего белого шелкового платья с розовыми цветочками. Это платье ты в последнее время все одевала после бани, а при отъезде в нем были свернуты тобой мне продукты на дорогу. На память лежит в моем чемодане и моя белая верхняя рубашка очаровательной белизны, ибо она, Люсенька, была выстирана тобой».*

В своих письмах Старцев рассуждает о войне как экстремальной ситуации, дает ей разные характеристики: *«Война – это, Люся, огромное движение, движение прямо колоссальное, то едут, то идут бесконечной вереницей люди, кони и машины. Кругом шум, гам – такова картина войны».* Здесь необходимо отметить, что «движение», «динамика» обыгрывается как в художественном решении выставки, так и в мультимедийной проекции: экспозиция выстроена по принципу тоннеля, в окнах которого мелькают лица; по стенам, потолку, посетителям, оказавшимся в пространстве выставки бегут строки; меняются кадры – шаги, капли дождя, стук колес, звон колоколов, мерцающий отблеск свечи... Само по себе художественное решение выставки воспринимается посетителями неоднозначно, рождая разные ассоциации. Некоторые посетители отмечают, что выставочное пространство напоминает «вагон» (Белоголова Наташа, Сыктывкарский технический лицей: «Зал во всех отношениях напоминает вагон, Я считаю это изюминкой выставки»). Подобная интерпретация вполне оправдана: вагон – символ времени бесконечного перемещения людей эпохи Второй мировой войны и эпохи сталинских лагерей, в российской истории совпавших, наложившихся, усиливших друг друга.

Человек этой эпохи, попавший в лагерь или на фронт, вырванный из привычно-бытовой среды, неизбежно оказывался в ситуации, несвойственной обыденной, ситуации экстремальной, зачастую пограничной между жизнью и смертью. Жизнь его становилась насыщенной пограничными ситуациями, постепенно приобретающими значение постоянного фактора: *«Война для людей – это величайшее испытание... Люся, на войне может быть все, и даже смерть. Если я погибну в бою, то прошу тебя, моя дорогая Люсенька, знать, что это должно было быть так, значит, я могу погибнуть, только любя вас и любя родину. Если я погибну, то ты, Люся, Обращайся с нашими детьми также хорошо, как до сих пор. Чтобы*

они не чувствовали мое отсутствие. Все это, конечно, не обязательно, т.е. не обязательно погибнуть. Я буду стараться жить долго. Ибо жить в нашей прекрасной стране – одно наслаждение. Как сказал наш незабываемый Киров: «А жизнь так хороша, и хочется жить и жить!» Вот, любя эту прекрасную жизнь в нашей прекрасной стране, мы должны с презрением относиться к смерти, быть готовым пойти на самопожертвование», – размышляет в письме Алексей Старцев. В этом и других письмах А.А.Старцева хорошо прослеживается культивируемая официальной пропагандой «советская ментальность». Примером того, как советская власть «учила» солдат писать письма выступает очерк писателя П.Павленко, опубликованный в газете «Красная Звезда» от 28 марта 1943 г. Газетную вырезку с текстом очерка, содержащего текст письма жены солдата на фронт и его ответ, и являющего собой классический образец фронтового письма, А.А.Старцев послал своей жене, «потому что действительно трудно написать письмо лучше». Таким образом, обращение именно к архиву А.А.Старцева позволило обозначить в рамках выставки еще одну немаловажную для культуры того времени проблему – роль идеологии в формировании мировоззрения и массового сознания.

Представляя архив участника событий 1930–1950-х гг., авторы выставки вполне осознавали, что в человеке, особенно советском, постоянно «работали» две цензуры: внешняя – государственная, связанная с определенными мифологемами/идеологемами и создающая штампы в сознании; и внутренняя – вырастающая из этических норм конкретного человека, заложенных скорее в подсознании, генетически. Проблема «подцензурности» личной переписки (*«...ты наверно читала последние указы, надо их выполнять. Письма можно писать, не касаясь военных, политических и хозяйственных вопросов и размером не больше четырех страниц письменного формата»*), вынужденной самоцензуры и обхода цензурных действий (*«нахожусь на твоей родной реке»*) – одна из важнейших проблем, отраженных в содержании выставки.

Образ Алексея Старцева как ключевой в композиции и структуре выставки позволил ее авторам представить в экспозиции судьбы и жизненные коллизии других персонажей: братьев Николая и Павла Старцевых, дочери Алексея Старцева Эльвиры, его коллеги А.Ф.Веховой, Николая Викторовича Попова, Алексея Попова, Всеволода Морокова, Д.А.Батиева, И.Г.Коюшева.

Ярким персонажем выставки стал Николай Александрович Старцев. Уроженец с. Куниб ныне Сысольского р-на Республики Коми, человек разносторонний, образованный (его называли «коми Ломоносовым»),

поэт, известный в комм. литературе под псевдонимом Тикон Коляй, педагог, человек, судьба которого оборвалась трагически... Архив Н.А.Старцева, переданный дочерью его жены, кандидатом педагогических наук, заведующей лабораторией института развития профобразования (г. Москва) Н.Я.Драчевой, и воспоминания о нем заслуживают отдельной публикации. Приведем лишь фрагмент из воспоминаний Н.Я.Драчевой о Николае Старцеве: *«В 1930 г. дядя Коля заканчивает академию (Академия коммунистического воспитания имени Н.К.Крупской в Москве, где он окончил курс школьного отделения педолого-педагогического факультета – И.М.). В 1932 г. он поступает в Аспирантуру Высшего коммунистического института просвещения. Но защититься ему не удалось. События как в кино, развивались странным и непонятным образом. Жили они в то время в общежитии для аспирантов (в доме Н.В.Гоголя, где он, будучи больным, сжигал последние главы «Мертвых душ»). Жили в маленькой комнате с маленьким Игорем, родившимся в мае 1933 года. Дядя Коля был убежденным коммунистом. И вот ни за что, ни про что исключили из партии, выселяют (буквально выкидывают вещи на улицу, не обращая внимания, что в семье двухлетний малыш) из общежития. В то время всюду заправлял Ежов. И куда мама не обращалась за помощью, все чиновники были глухи и немые. Мама вынуждена была с маленьким ребенком скитаться по чужим углам. Причем люди, приглашая ее, тоже рисковали. Но несмотря ни на что, свет не без добрых людей. И в первое время ее приютила у себя болгарка тетя Света, которая жила в том же общежитии, затем в кабинете директора школы, где преподавала мама. Так было, пока не получили маленькую 10-ти метровую комнату в общежитии для учителей, сделанном из конюшни начальницы гимназии (школа № 131 Фрунзенского района г. Москвы была до революции гимназией). Дядя Коля вообще не имел туда доступа и жил как бож, где придется, т.к. комнату, и то наполовину с чужими людьми, дали только ей и ребенку. А тут и с работой плохо! Дядя Коля недоумевал, почему на него такие напасти, в чем он виноват, т.к. формулировка была общая и обтекаемая. И тогда мама вспомнила, что в разговоре со старой большевичкой (к сожалению, я забыла фамилию, хотя мама не раз ее называла), которая была у нас в гостях летом 1935 г. дядя Коля имел неосторожность сказать о Сталине всего две фразы: «Какой он теоретик, он перерабатывает труды В.И.Ленина в более доступной форме» и вторую «Он не массовик: он боится народа, почти не выходит к массам народным» (фраза вторая не совсем точная по форме, но смысл таков)... Когда началась война, дядю Колю не брали в армию, как неблагополучного; пробивался он временными*

поручениями и заработками... Затем он все же был призван в армию, когда враг был отбит от Москвы, но положение было серьезное, – не хватало людей, и его призвали, по-моему, в штрафной батальон рядовым, т.к. из-за заведенного на него дела, он был лишен офицерских званий...

Он родился на Севере, но очень боялся холода... Поэтому он говорил маме, что боится воевать зимой из-за холода. Так он и погиб – зимой на Дону (Н.А.Старцев был убит 13 января 1943 г., похоронен в Ворошиловградской обл. в районе д. Селявино – И.М.). Этот вывод сделала мама, т.к. последнее письмо она получила от него со словами: «Нахожусь на твоей родной реке (название он не имел права писать, иначе письмо было бы аннулировано). А так как родная река мамы Дон, то она сделала вывод, что он погиб там, в 1943 г. зимой... Так погиб этот удивительно способный человек, преданный марксистской идее. А вообще, их жизнь достойна более подробного изучения, как иллюстрация того времени и эпохи».

За свои, и по меркам сегодняшнего дня, очень смелые высказывания пострадал брат жены А.А.Старцева Алексей Попов. Судьба А.П. Попова является очевидным примером в оппозиции выставки «герой–антигерой». Во время учебы в Усть-Вымском педтехникуме Алексей Попов состоял членом редколлегии стенгазеты, был три раза премирован за хорошую учебу и активное участие в жизни школы (последнюю премию – собрание сочинений В.И.Ленина на коми языке – получил в канун ноябрьских праздников 1934 г.), сразу после октябрьских праздников был арестован. В феврале 1935 г. пятнадцатилетний учащийся педтехникума А.П. Попов был осужден по 58 ст. УК РСФСР на 5 лет за распространение контрреволюционных стихов собственного сочинения. Тетрадь со стихами, ранее подшитая к делу А.П. Попова, хранящемуся в архиве УФСБ по РК, передана в фонды музея его сестрой Л.П.Старцевой. Когда читаешь стихи Алексея Попова, и особенно стихотворение «Тиран», то удивляешься свободомыслию и дерзновенности этого юноши:

*Эй, слышишь злой тиран,
Где ж та сулимая свобода,
Ведь ты ж нанес немало ран
Для труд любящего народа.
Они под лапой властелина
Мрут с голоду и мрут от ран,
А ты как идол, распростерши
Берешь последний грош крестьян.
Недавно ты свободных гениев
Сто двадцать душ перестрелял.*

*И чтоб народ не знал про это мщение
Ты их врагами называл.*

Читая это стихотворение, написанное в 1934 г., осознаешь, как зачастую однобоко оценивается ментальность советского человека, и невольно задаешься вопросами: «Что мы знаем о Человеке того переломного времени? Как осмыслили происходящее в стране рядовые люди?». Одним из ответов на этот вопрос является лозунг-записка, написанный на ткани Верой Дмитриевной Голубевой в Ухтпечлаге НКВД СССР. Текст его гласит: «Смерть Сталину – азиатскому дипломату, насильно навязывающему коллективную жизнь. СССР – родина проституции и преступников». Это письмо на ткани, долгие годы хранящееся как вещественный документ в архивном уголовном деле В.Д. Голубевой в УФСБ по РК, также представлено на выставке. В.Д.Голубева, уроженка Санкт-Петербурга, была осуждена 4 марта 1933 г. на 10 лет лагерей. Письмо-транспарант, которое она, находясь в лагере, бросила в одну из тюремных камер, можно расценивать как акт самоубийства доведенной до отчаяния женщины. 20 ноября 1937 г. по ст. 58 п. 8, 10 УК РСФСР она была приговорена к расстрелу [3].

Вернемся к Алексею Попову. Свидетели по делу А.П. Попова дали показания, что он был недоволен арестом Блюхера, которого считал легендарным героем, раскулачиванием крестьян, решениями XVII съезда КПСС, арестом некоторых партийных деятелей. Наказание А.П. Попов отбывал в Верхнечовской тюрьме, затем был этапирован в п. Чибью Коми АССР, где находился до конца заключения. 22 июля 1942 г. А.П.Попов был мобилизован на фронт. 29 января 1944 г. за боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды. 13 февраля 1944 г. командир саперного взвода младший лейтенант А.П. Попов был убит в бою.

Второй сюжетной линией выставки «Между строк...» является судьба Елены Владимировны Марковой, доктора технических наук, сотрудничество музея с которой началось в январе 2002 г.

В 1944 г. Елена Владимировна, вернее тогда девятнадцатилетняя Лена Иванова, оказалась в воркутинских лагерях. Несмотря на трудности Воркуты, переезды, неустроенность первых лет жизни в Москве после Воркуты, Елена Владимировна сохранила уникальный архив лагерных писем. О существовании этого архива мы узнали почти случайно, на Вторых Налимовских чтениях, посвященных математике и философу с мировым именем В.В.Налимову, проходивших в Сыктывкаре осенью 2001 г. Елена Владимировна, проработавшая с Василием Васильевичем 25 лет в Научном совете по кибернетике АН СССР, была специально приглашена на эти чтения. Во время наших первых встреч с

Еленой Владимировной мы больше разговаривали о Василии Васильевиче Налимове и его отце, известном этнографе Василии Петровиче Налимове, внесшем значительный вклад в изучение традиционной культуры народа коми. Елена Владимировна была дружна с Василием Васильевичем, знала и о его жизненных перипетиях. В разговоре мы неизбежно затрагивали тему репрессий, так как обоим Налимовым, также как и Елене Владимировне, пришлось на себе ощутить «жернова сталинских лагерей». Вместе с тем Елена Владимировна стала рассказывать о своей судьбе, о войне, о Воркуте... О себе она говорила мало, больше о людях, которые были с ней рядом, которые своей духовной поддержкой помогли ей преодолеть испытания каторги и ссылки.

Уже при встрече в Москве Елена Владимировна стала показывать письма того, «воркутинского времени». В первую очередь она показала письма Бориса Сократовича Баскова, одного из руководителей плана ГОЭЛРО, арестованного в августе 1945 г. «за шпионаж в пользу Германии». В декабре 1946 г. Б.С. Басков был уже в Воркуте. «Мой духовный учитель», – называет его Елена Владимировна.

О чем могли писать люди, находясь в лагере, в ссылке? Зачем они писали эти письма, ставя на карту свою собственную жизнь, передавали эти листочки из зоны в зону? В своих воспоминаниях Елена Владимировна [4] неоднократно говорит о роли писем в мире лагеря: *«На вопрос: „Что читали в Воркутлаге?“ с уверенностью можно ответить: „Письма читали, письма, запретные, письма долгожданные, в которых можно было поделиться своими мыслями, переживаниями и горестями!“ Эти письма заменяли отсутствующую печатную продукцию, эти письма служили окошечком в другой мир – мир человеческих чувств, в мир возвышенных порывов и размышлений. Кусочки серой бумаги, исписанные карандашом, имели неоценимое значение для многолетних узников. Они были своего рода символами духовного спасения. Именно поэтому нелегальная почта существовала, несмотря на все запреты. Она была неистребима, как и лагерные стихи... Узники относились к письму как к важному праздничному событию. Письма имели очень высокую цену. С этой ценой могли сравниться разве что письма с фронта».*

Первое письмо Бориса Сократовича, которое показала Елена Владимировна, – это, скорее, даже не письмо, а философская импровизация на тему «судьба»: *«Судьба. Что и говорить, судьба бывает разной. Но очень часто мы называем жесткой судьбой просто неоправданные надежды. Вообразит себя человек артистом и идет на сцену и жалуется на судьбу. А дело не в судьбе, а в опережении судьбы. Может быть, и есть талант, который надо еще холить и растить, а человек уж гонится*

за успехом и терпит крах – жалуется на судьбу. (Ужасно неудобно писать на тычке, терпеть не могу. Ну все равно, напишу и на тычке). И это еще чаще в жизни, чем на сцене. Конечно, далеко не всегда человек кузнец своего счастья. С туберкулезом позвонка много не нарезвишься. Бывает судьба, преследующая человека. Тогда на сцену выступает вопрос о том, как относится к судьбе по Баху или по Бетховену». Смысл этих строчек начинаешь понимать в полной мере только тогда, когда знаешь, что человек, их написавший, живет в ссылке, а тот, кому они адресованы, только, что освободился с каторги, и оба осуждены за то, что знали немецкий язык.

Больше всего письма Б.С.Баскова удивили нас прорастающей сквозь строки жаждой жизни, желанием насытить опустошенность, скудность быта словом, красотой. Многие из прошедших через лагерь, отмечают, что единственной возможностью в тех условиях сохранить себя как человека мыслящего и чувствующего было – создавать другую реальность: через стихи, трактаты, письма... Письма Баскова, как считает сама Елена Владимировна, были для нее именно возможностью обретения вновь того мира, чувств и знаний ее долагерной жизни. Мысли Баскова о музыке, литературе становились тем другим миром, противовесом, противочувствием, помогающим ей преодолеть страх, безысходность воркутинских дней и ночей. *«Есть у композитора. С.С.Прокофьева, – пишет Б.С.Басков только освободившейся из лагеря Елене, – ныне покойного, сочинение «Мимолетности». Мимолетности Прокофьева не имеют поверхностного характера, а представляют собою ту тонкость восприятия, которая позволяет судить о человеке, например, по мимолетно скользнувшей улыбке, по взгляду, брошенному вскользь. Бывает так, что глубоко в подсознании в области эмоций вне хода обычных впечатлений и даже вне нормальной логики, живет какое-то впечатление, какие-то настроения, какая-то, быть может, неосознанная вполне мысль. Судя по внешним проявлениям, все проходит, не оставляя следа. Но то, что попало в конце луча, бросаемого этой эмоцией, получает реальную видимость и оставляет неизгладимый след. Вот об этих мимолетностях, реализующих эмоциональную жизнь, спрятанную обычно от внешней обыденности, но составляющую стержень творческой жизни говорит Прокофьев в своих «Мимолетностях».*

Другое письмо, от 4 февраля 1954 г., Басков посвятил Куприну: *«Куприн один из самых любимых мною писателей. Я был с ним знаком в давние годы начала этого столетия. Он уже не был военным, но военная выправка, несмотря на круглый пузик, в нем чувствовалась. Он очень любил бывать в студенческой среде. Я тогда учился в Петербургском электро-*

техническом институте. Куприн часто приезжал в наш институт. Великолепно читал свои произведения, что редко встречается среди писателей. В “Поединке” есть описание парада и он любил читать это место. Он изображал все трубные сигналы, командные кличи, топот ног строя солдат. Делал это удивительно образно, ярко, увлекательно. Обладал огромным артистическим талантом. Нет, это даже не артистический талант, а нечто особенное, присущее только ему...».

Осознавая ценность и уникальность писем Б.С.Баскова, как и в целом архива Е.В.Марковой, было принято решение об их представлении в научных и публицистических изданиях. Поддержала это решение и Елена Владимировна. Началась работа по подготовке писем к публикации.

Одновременно музеем разрабатывалась новая концепция выставочной деятельности музея по проблемам истории России в XX в. Антропологическое направление было определено как лидирующие и при комплектовании фондов, и при разработке выставок. Как одна из особо притягательных идей рассматривалась идея представить один из сложнейших периодов истории России 1929–1953 гг. через памятники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания. Именно памятники личного происхождения помогают увидеть другую, неофициальную сторону действительности, которая, как правило, и является «жизнью-историей» для обычного человека.

Личностный характер писем и дневников и их непосредственная близость к историческим событиям дают возможность историку раскрыть истинное отношение человека к событиям, проникнуть в человеческое сознание и подсознание, понять духовный мир индивидуальности. В определенной степени акцентирование внимания на человеке, на индивидуальности рождалось и из желания создать диссонанс со столь характерным для представляемой эпохи понятием «масса». Известное положение И.Сталина: «Краеугольный камень марксизма – масса» стало и алгоритмом эпохи. Личность, существование которой игнорировалось официальной историей, утверждала себя в противостоянии, через общение с себе подобными.

Поэтому авторам выставки виделось, что при выявлении Эпохи, для высвечивания ее противоречий, необходимо сконцентрировать внимание на индивидуальной судьбе и своеобразным девизом выставки стали слова А.Битова: «Когда умирает Человек, умирает целый мир».

Знакомство с архивом Е.В.Марковой еще в больше укрепило желание сотрудников музея показать историю через личность, ее частное осмысление, ощущение, прочувствование эпохи.

Первоначально предполагалось представить на выставке как можно больше писем и дневников, чтобы как можно более разнообразно, более емко отразить все коллизии столь сложного времени для России как период 1929–1953 гг. Была определена и основная идея выставки — показать Человека в эпохе и эпоху в Человеке. В пространстве выставки хотелось представить уникальные дневники А.А.Цембера и И.С.Рассыхаева, письма Л.П.Карсавина, письма из лагерей и письма с фронта, фотографии того времени. Сотни писем... Музейщики знают, как трудно в выставочном пространстве раскрыть ценность этих источников, как сложно создать выставку, определяя основным ее экспонатом письма. Поэтому изначально огромная роль отводилась художественному решению.

Для рождения выставки во многом поворотным стало согласие художника Игоря Дубинина подготовить художественный проект выставки. Именно его идея — через обыгрывание шрифта, строчек писем создать в рамках выставочного пространства ситуацию погружения в текст писем и в текст эпохи — во многом определила будущее, по терминологии К.Гирца, «насыщенное описание», смысловую, визуальную и эмоциональную наполненность экспозиции.

Первое условие, которое было выдвинуто художником после знакомства с материалом, — ограничиться в количестве материала, выбрать одну, две персоналии и выявить время, эпоху через их письма и письма их друзей, родственников, коллег.

Выбор представления на выставке судьбы Е.В.Марковой определился и тем, что в музейных экспозициях до недавнего времени все, что было связано с репрессиями практически не показывалось, и тем, что сохранившиеся лагерные письма — явление редкое, тем более, что в данном случае сохранился целый архив, позволяющий соприкоснуться с судьбами целого ряда людей и реконструировать лагерную культуру того периода в целом.

Вторую смысловую линию выставки, как уже упоминалось выше, решено было связать с именем Алексея Старцева.

Когда стал отбираться материал для выставки из архива Е.В.Марковой, необходимость обращения внимания на роль цензуры в культуре человека и общества, свободы и несвободы эпистолярного жанра, об этом также упоминалось выше, обозначилась еще острее. Следует отметить, что Елена Владимировна во многом сама определяла, какие письма из ее архива будут представлены на выставке, в том числе и письма глубоко личного характера, хотя, в первую очередь, при отборе материала преобладало стремление раскрыть, как определила она сама,

«духовный мир каторжан и ссыльных». Многие из этих писем были нелегальными, и содержание этих писем, сама форма их написания определялись внутренней цензурой. В этих письмах почти нет описания тягот и ужаса лагерной жизни, если это и «прочитывается», то между строк, как, например, в письме Елены Владимировны, каторжанки «Е-105», к ее маме от 15 декабря 1946 г.: «Поздравляю с Новым Годом!

Моя мамочка!

Где ты? Что с тобой? Я кричу в холодную тьму полярной ночи и не слышу ответа. Неужели даже скромное желание получать твои письма неосуществимо для меня? Судьба становится чрезмерно жестокой... Но самое для меня главное — во сне и только во сне, я могу видеть вас, во сне я могу играть на пианино. Действительность мне не может дать этого. Вот почему так часто хочется жить сном, а не действительностью.

Мамусенька! Сообщу тебе то хорошее, что еще дает мне жизнь. Я пытаюсь заниматься литературой, пишу стихи. Ведь это единственное, что я могу делать. Математика и иностранные языки требуют пособий. Жаль, что нет возможности изучать иностранные языки!»

Непосредственная работа с материалами из архивов в определенной степени повлияла на уточнение хронологических рамок проекта — период Второй мировой войны. При этом изначально предполагалось представление документов до- и послевоенного времени. Решающую роль в изменении хронологических рамок проекта сыграл и тот факт, что выставка стала частью международного проекта по созданию CD-ром «Тысяча писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах», инициатором которого выступил Национальный музей Республики Коми осенью 2002 г. (руководитель проекта — зам. министра по культуре и национальной политике Республики Коми С.А.Беляева) [5]. Участие в проекте зарубежных стран предопределило обращение к понятию «Вторая мировая война», а не «Великая Отечественная война». Необходимость фокусирования внимания на периоде Второй мировой войны подсказывали и сами документы.

Концентрирование внимания именно на периоде войны определялось и тем, что война, с ее сложным переплетением понятий добро-зло, правда-неправда, герой-антигерой, миф-реальность, выдвинула на первый план именно Человека во всей сложности его мироощущения и мировосприятия. Ситуация войны, когда Разлука с близкими и родными стала частью жизни миллионов и миллионов, письмо стало единственной возможностью преодоления опустошенности, «момента Пустыни», страха и обретения надежды на будущее.

Изменение хронологических рамок потребовало и уточнения сценарного плана выставки. Две смысловые линии выставки, две стороны, стены, образовавшие в итоге на экспозиции своеобразный коридор, определялись судьбами Е.В.Марковой и А.А.Старцева. Отбор уже самого материала и персоналий, чьи судьбы взаимосвязаны с жизненными перипетиями главных героев, во многом определялся фокусированием внимания именно на Второй мировой войне, в том числе и на ее «предистории» и «послесловии». Более жесткое обозначение хронологических рамок заставило по-новому осмыслить значение архива Е.В.Марковой. Письма из ее архива рассказывали о тех, кто в годы войны был обвинен в «измене Родине» и осужден на каторжные работы. Через эти письма вырисовывалась та сторона войны, не «героическая», которую, если и представляют в музейных выставках и публикациях, то отдельно, в рамках тем о репрессиях, о ГУЛАГе. Это позволило показать и историю самой главной для России войны, и историю лагерей этого же времени, выявляя при этом взаимосвязь фронта и лагеря — двух экстремальных мест, определявших судьбы людей.

Именно сам материал архивов, и архива Е.В.Марковой, и архива А.А.Старцева, подталкивал усилить на выставке звучание темы «герой-антигерой». Значимость этой темы заключалась и в том, что в судьбе многих персонажей выставки происходили превращения из героя в антигероя, и наоборот. Такова судьба и Е.В.Марковой, спасшей в 1943 г. раненных красноармейцев, а в 1944 г. уже оказавшейся на Воркуте. «Перевертыш» из антигероя в героя был и в судьбе уже упоминавшегося Алексея Попова, в 1936 г. осужденного за стихи, а в 1943 г. награжденного орденом Красного Знамени и героически погибшего на полях сражений.

Работая с материалами архивов, мы вновь и вновь вспоминали слова А.Солженицына: «Если б это так просто! — что где-то есть черные люди, злокозненно творящие черные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит свое собственное сердце? И перед ямой, в которую мы уже собирались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они...». На выставке размышления А.Солженицына получили почти иллюстративное воплощение, когда (не запланировано!) одним из персонажей выставки стал начальник воркутинского лагеря Михаил Митрофанович Мальцев. В архиве Е.В.Марковой сохранилась фотография М.М.Мальцева, идущего по лагерной стройке. Решено было обязательно показать эту фотографию, тем более, что через

письма и архив А.А.Маркова, одного из героев выставки, стало возможным рассказать о легендарном воркутинском театре, «крепостном театре Мальцева». В настоящее время многие, не знающие жизненных перипетий боевого генерала М.М.Мальцева, участвующего в обороне Сталинграда, а в 1943 г. назначенного возглавлять один из крупнейших центров ГУЛАГа, оценивают его как «антигероя». Совершенно другую оценку М.М.Мальцеву в своих воспоминаниях дают сами заключенные. Актер воркутинского театра Алексей Алексеевич Марков в своих воспоминаниях пишет: *«Неправдоподобным было и наше отношение к Михаилу Митрофановичу Мальцеву. Мы были исполнены к нему чувством благодарности. Мы почти любили его, начальника страшного концлагеря! Он был нашим спасителем и благодетелем. И он всячески поддерживал нас, “врагов народа”. Он ценил нас за то, что мы создавали, пусть на подмостках, иной прекрасный мир»*.

Для авторов выставки было очень важно уйти от выставления оценок поступкам, фактам, событий, важным стало представить эпоху и человека в контексте исторических событий. В создании образа эпохи, усиливая принцип художественного решения – «обыгрывание текста, шрифта, строчек», было решено использовать газеты, центральные и региональные, 1939–1945-х гг. Выбранные газетные материалы, рассказывающие о важнейших событиях тех лет, стали основой при создании банеров, определивших конструктивное решение выставки.

Использование газетных материалов позволило проговорить еще раз в рамках выставки тему сочленения официального и неофициального в советской культуре, высветить роль идеологии в формировании мировосприятия советского человека. На фоне масштабной официальной прессы еще более высвечивается интимный характер писем, ценность и неповторимость индивидуального мироощущения.

Желая создать условия для работы с письмами исследователям, преподавателям, учащимся, была подготовлена электронная версия выставки (программист – Денис Костылев, подготовка материалов – Ирина Моисеева, Ирина Котылева). С электронной базой данных, в которой все экспонаты представлены в отсканированном, а письма еще и в набранном варианте, можно было познакомиться на самой выставке уже в момент ее открытия. Электронная версия выставки представлена и на сайте музея.

«Вспоминает рассудок, помнит душа», – отметил С.С. Аверенцев в своей статье, посвященной проблемам музеев. Одна из перспектив в развитии музеев, по его мнению, – это обращение к личностному, индивидуальному потенциальных посетителей. Перспективность такого под-

хода доказала и выставка «Между строк», о чем свидетельствуют и первые отзывы посетителей. Выбор в качестве героев выставки «рядовых эпохи» предопределил отклик каждого пришедшего на выставку, его обращение к своей собственной истории, истории его семьи, а через это – к истории его Родины.

Особо следует отметить, что и в подготовке и строительстве выставки участвовали студенты Сыктывкарского государственного университета и Коми государственного пединститута, они стали и одними из первых посетителей выставки.

В отзывах первых посетителей отмечается современный уровень построения выставки, достигнутый в значительной степени за счет использования технических средств, которые применялись как для оформления выставочного пространства, так и для создания виртуального варианта экспозиции (Э. Кабишев, Сыктывкарский технический лицей: «Мне понравилась организация экспозиции. Та необычайная атмосфера, созданная в столь обычных условиях является (должна являться!) предметом чрезвычайной гордости как создателей экспозиции, так и ее посетителей (ведь далеко не всем доведется такое увидеть!)»). Для авторского коллектива это особенно важно, так как подача материала на высоком художественном уровне выражала наше отношение к материалу и теме, а также понимание, что нельзя воспитать уважительное отношение к прошлому, взрастить «культуру памяти» без должного отношения к памятникам, какого бы уровня и масштаба они не были.

Работа над этим проектом, сопричастность архивам Е.В.Марковой и А.А.Старцева заставили по-новому осмыслить, что такое «культура памяти». Сами письма и история их бытования, сохранения убедительно доказывали, что «культура памяти» взаимосвязана с нашим личностным началом, с нашим личностным «Я», и само существование индивидуального «Я» невозможно без «культуры памяти».

Находясь в лагере в Абези, в одной из бесед со своими соседями по Стационару историк и философ Лев Платонович Карсавин поделился своими размышлениями, что есть человек: ««Я» каждого из нас индивидуально, но вместе с тем и сверхиндивидуально, может осознать себя как «я» социальных личностей, образующий обширную иерархию от «я-свой-семья» до «я-всего-человечества»...Человек в самосознании и в своих действиях выступает от лица актуальных в нем социальных личностей» [6].

Опыт работы над проектом показал, что несмотря на произошедшие изменения в последние десятилетия в российской культуре, сложившаяся уже к концу 1920-х гг. традиция понимания концепта «человек» как

составной части понятия «масса» продолжает существовать в нашем менталитете, понятие «личность» еще не обрело должного осознания. Поэтому, на наш взгляд, реализация проекта «Между строк...» значима не только как еще одна попытка осознать, что значила Вторая мировая война для России, как возможность представить для широкой общественности ряд уникальных документов и свидетельств, как своеобразный памятник всем, кто смог достойно перенести все испытания, но, прежде всего, как стремление понять Человека того времени и как возможность увидеть самих себя.

Литература и источники

1. Выставочный проект «Между строк...» реализован при поддержке гранта Президента РФ № 12-05/4-3995 и при поддержке Министерства культуры и национальной политики Республики Коми.
2. Частью выставочного проекта является научно-практическая конференция «XX век: Человек в Эпохе. Эпоха в Человеке», посвященная историко-антропологическим проблемам изучения и преподавания истории и культуры России в XX в. Конференция состоится 15–16 ноября 2005 г. в Национальном музее Республики Коми.
3. Большая помощь в подборе архивного материала для выставки «Между строк...» была оказана сотрудником архива УФСБ по РК О.Н. Бабиковой.
4. В рамках проекта при поддержке Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» издаются воспоминания Е.В.Марковой «Воркутинские заметки каторжанки Е-105».
5. Проект по созданию CD-ром «Тысяча писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах» был поддержан Комитетом по культуре стран БЕАР в 2002 г. По концепции, в создании базы данных писем периода Второй мировой войны участвуют Норвегия, Финляндия, Россия (Республика Коми, Республика Карелия, Архангельская область).
6. Ванеев А. Два года в Абези // Арт. – 2003. – № 3. – С. 78.

И.Ю. Моисеева

МЕЖДУ СТРОК... ГЕРОИ И ИХ ПИСЬМА, ПИСЬМА И ИХ ГЕРОИ...

Проблема объективного освещения Второй мировой войны, как и российской истории минувшего века в целом, требует выявления и изучения источников личного происхождения. Прежде всего, данное условие определено тем, что история XX в. в России несет на себе отпечаток

тоталитарного строя, в условиях которого человек мог фиксировать свои личностные проявления только в источнике, который исходил непосредственно от него. В этой связи чрезвычайно важным представляется обращение к письмам.

Главными экспонатами выставки «Между строк...» стали письма – уникальные свидетельства, повествующие о восприятии Человеком своей эпохи, об ощущении себя в потоке времени, водовороте событий конца 1930 – начала 1950-х гг. Авторы выставки, представляя период Второй мировой войны 1939–1945 гг., намеренно расширили временные границы – десятилетие «до» и десятилетие «после» войны, поскольку сегодня становится очевидным, что факты и события периода войны нельзя рассматривать вне контекста советской истории.

Героев выставки объединяет то, что все они жили, творили, воевали, любили, страдали, выживали в одно и то же историческое время. Однако, в истории России эпоха Второй мировой войны и эпоха сталинских лагерей совпали, наложились, усилили друг друга, а потому и судьбы этих людей разные.

Письменные свидетельства, созданные людьми в один из самых драматичных периодов XX в. – войны и лагерей, говорят сами за себя. Понять Человека того времени и попытаться ощутить себя в той Эпохе – задача, которую ставят перед посетителем, читателем, исследователем авторы выставки «Между строк...».

Алексей Александрович Старцев родился в 1911 г. в дер. Шорйыв Кунибского с/с ныне Сысольского р-на Республики Коми. С 1925 г. – комсомолец, с 1940 г. – член КПСС. В 1931 г. окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена, в 1933 г. там же окончил аспирантуру. С 1933 по 1934 г. служил в армии. С 1934 по 1937 г. работал ассистентом кафедры истории СССР в Коми пединституте. В 1938–1940 гг. был преподавателем и завучем Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школы. С декабря 1940 по май 1941 г. работал директором Коми республиканского краеведческого музея. 7 мая 1941 г. призван на 3-месячные курсы переподготовки комсостава запаса в г. Могилев. В Могилёве встретил войну. С мая 1941 по февраль 1946 г. служил в рядах Красной Армии на офицерских должностях: заместитель командира и командир роты связи, командир штабной роты, начальник связи. Принимал участие в обороне Москвы и Сталинграда, участвовал в боях по освобождению Ленинградской области и Эстонии. Награжден орденом Отечественной войны II ст., медалями. С 1946 по 1971 г. работал в Коми пединституте старшим преподавателем, зав.

кабинетом и ассистентом кафедры марксизма-ленинизма, проректором по заочному обучению. Вел активную общественную работу. Умер в 1986 г.

Жена – Старцева Людмила Петровна (1916 г.р.), три дочери – Эльвира (1937 г.р.), Лидия (1941 г.р.) и Татьяна (1949 г.р.).

Автобиография

Я, Старцев Алексей Александрович, родился 12 марта 1911 г. в дер. Шорйив, Кунибского с/с* Сысольского района Коми АССР в семье крестьянина-бедняка. Отец и мать работают в колхозе. Имел двух братьев, которые оба погибли в боях за Родину в Великой Отечественной войне. Есть сестра, она работает председателем колхоза.

Я сам до 1933 г. все время учился. В 1931 г. окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена, а в 1933 г. там же окончил аспирантуру по истории СССР. С 1933 г. по 1934 г. служил в Красной Армии. После Красной Армии с 1933 г. по 1937 г. работал ассистентом по истории СССР в Сыктывкарском педагогическом институте. С 1938 г. по 1940 г. работал преподавателем и завучем Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школы. С декабря 1940 г. по май 1941 г. работал директором Коми республиканского краеведческого музея.

С мая 1941 г. по февраль 1946 г. служил в рядах Красной Армии на офицерских должностях. Участник Великой Отечественной войны. Принимал участие в обороне Москвы и Сталинграда, участвовал в боях по освобождению Ленинградской области и Советской Эстонии. За боевые подвиги был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и двумя медалями.

С 1925 г. по 1939 г. был членом Ленинско-Сталинского Комсомола. В Комсомоле постоянно вел большую пропагандистскую и общественную работу. В сентябре 1937 г. исключался из рядов Комсомола. Были приписаны ложные обвинения: «Связь с враждебными элементами и либеральное отношение к ним». Через некоторое время я был восстановлен в комсомоле без всякого взыскания.

С декабря 1939 г. по 1940 г. был Кандидатом в Члены ВКП(б). С декабря 1940 г. по октябрь 1941 г. был членом ВКП(б). 10 октября 1941 г. в г. Саратове был похищен мой партбилет. Это дело было обсуждено на партсобрании Куйбышевского военного училища связи, где я работал преподавателем. На собрании было вынесено постановление: «За утерю

* Сельсовета.

Партбилета объявить строгий выговор, и просить Парткомиссию выдать новый партбилет». Но ввиду того, что я в октябре 1941 г. был откомандирован в действительную Армию, я в Саратове не успел получить новый партбилет. И таким образом механически выбыл из Партии.

Попав на фронт, я в 1942 г. снова поступил в Партию, сначала Кандидатом, а потом в члены ВКП(б). Находясь в рядах Партии, тоже всегда вел большую партийную и пропагандистскую работу. Руководил кружком по изучению краткого курса «Истории ВКП (б)», работал парторгом войсковых частей, и был Членом Партийных Войсковых соединений.

Данное время работаю старшим преподавателем по истории СССР в Сыктывкарском педагогическом институте.

12.12.46 г. Старцев.

16 мая 1941 г. (письмо на коми языке).

Живёшь-бываешь Люся.

Вот исполнились сутки, как я живу на курсах. Прибыли мы на курс 14/V около 15 часов. Сразу же повели в баню и поменяли нашу одежду. Одели так же, как и в Архангельске, только вот дали сапоги. Учить начали очень твёрдо. Очень хорошо, что я не курю, а то курить надо лишнее время. Люся ты не беспокойся, выпивку мне на этом сборе придётся забыть. Я вообще решил не пить. Очень мне самому не нравится в Москве на дурака походить. Я решил потом никогда на дороге не пить. Это я прямо говорю. Живём в казарме. Казарма очень хорошая, и вообще с любой стороны курс. Очень хорошо оборудована. Дисциплина тоже железная. Живём от города в стороне, на возвышенности. Вряд ли успеем курсом сходить в город. Сегодня был медосмотр, и меня освободили из-за болезни сердца от кроссов. Здесь кроссы почти каждое воскресенье будут идти. Хожу каждый день на перевязку, по пути из Часа в Усть-Вымь протёр ногу, и всё ещё не выздоровел. Я свои сапоги поменял с Пашей, которые я сейчас сдал в склад. Нахлупину скажи поклон, что я ему сейчас ничем не могу помочь. Мы работаем с 6 часов утра и до 12 часов ночи. Чересчур много (слишком много) приходится учиться. ... Знакомых никого нет на курсе, хотя народа очень много, со всего СССР, пожилых и молодых. От тебя и от Элечки очень уже соскучился. побыстрее присылай, Люся, карточку, где вместе сняты. Это письмо целых два дня пришлось писать. Коля пока здоров. Мой адрес такой:

БССР Могилёв, Пашково № 1

почтовый ящик № 48/12.

Алексей.

29 июня 1941 г.

Здравствуй, Люся!

Сегодня 29 июня, 9 часов утра. Уже неделя, как началась война с Германией, война крупная, с большими жертвами, война, которая обязательно должна кончиться нашей победой. Я теперь уже четвертые сутки нахожусь на поле боя и выполняю долг по защите родины. Город Могилев частенько навещается германскими бомбардировщиками, которые успели сделать, будто бы, большие разрушения г. Минску. Могилев в ночь на 27/VI подвергся бомбардировке со стороны немцев. Прекрасная выучка, смелость и геройство советских летчиков вынуждает немецких насильников обратно удирать. Вообще, Красная армия с честью справляется со своей задачей, она упорно сдерживает немецкие полчища вдоль государственной границы от Балтийского моря до Черного. Особо ожесточенные бои идут в Минском направлении.

Немцы сильно практикуют высадку диверсантов по 50-10 человек. Этих диверсантов ловят и расстреливают. Их порядком выловлено в районе Могилева, причем они одеваются в наши формы, то в форму милиционеров, то работников НКВД, то красноармейцев и т.д. Вчера в Могилеве сбили немецкий самолет, где находились 4 немецких офицера, из которых 3-е кончили самоубийством, а 4-й был пойман живым в плен, и он сказал, что сорок раз слетал на Англию и все удачно, 41-й раз (1-й раз) полетел на СССР и сразу неудача. Имеются случаи перехода немецких солдат на нашу сторону.

Заодно против нас, т.е. вместе с Германией, выступают Румыния, Финляндия и Венгрия, причем последние две, кажется, свои войска на нашу территорию не посылали, но готовятся к этому.

Люся, ты, наверное, скучаешь без меня. Но ты пойми, что в таком положении не ты одна, а миллионы, пожалуй, нет ни одного дома, откуда не были бы мобилизованы на разгром немцев.

Я думаю, что и Коля и Пашка тоже уже мобилизованы. Мне Коля посылал письмо, написанное в 11 часов ночи 22 июня, где он очень сожалеет, что в августе месяце не состоится встреча в Москве. Он также пишет, чтобы ты берегла себя и никуда на большие дороги не выезжала, учитывая твоё положение. Люсь, ты мне пока ничего не покупай, покупай только себе и Элочке, кто знает, что может случиться со мной. Может и случится самое страшное – смерть, которая стережет нашего брата на каждом шагу. Я, конечно, зря свой лоб под немецкие пули выставлять не буду, буду стремиться жить сто лет и все вместе с тобой. Жертвы здесь есть и не малые. Вчера одного нашего слушателя вблизи Минска убило, а ведь он тоже жить хотел.

Люсенька, нужно на вещи смотреть прямо, ничего не скрывать от себя. Это я пишу на поле боя, под бесконечным гулом моторов, которые сеют смерть. Люсь, береги себя и Элю. Пока все, крепко, крепко целую обоих.

Адреса не могу дать, нет его. Привет твоим родителям и братьям. Алексей. Высылал 25/VI 100 руб. в Сыктывкар, нужно тебе получить.

30 июня 1941 г.

Здравствуй, Люсенька!

Сегодня 30-е июня, 8 часов утра. Только час тому назад по радио слушал последние известия. Наверно, ты тоже послушала. Сообщалось, что за 8 дней войны Красная армия потеряла около 15 тыс. человек, временно немцами заняты наши города Брест, Белосток, Гродно, Каунас и Вильнюс. Конечно, с течением времени, когда подойдут туда силы Красной армии, то будут обратно взяты. Немцы больше действуют авиацией и мотомехчастями. Нападая со своими самолетами на наши мирные города, они не жалеют ни женщин, ни детей, ни стариков. Но, конечно, за все эти зверства, фашисты должны расплатиться своей подлой шкурой. Красная Армия своими героическими подвигами уже сорвала план Гитлера о молниеносном ударе, ведь он за неделю рассчитывал уже захватить Киев, Смоленск.

Теперь, когда основные силы нашей Красной армии уже сконцентрированы, нужно надеяться, что поражения немецкой армии должны увеличиться.

Я, Люсенька, с утра 26 июня нахожусь на поле боя по обороне города Могилева. Над Могилевым довольно часто, почти ежедневно и каждую ночь летают немецкие самолеты, но наши советские летчики, сталинские соколы, их беспощадно бьют, в результате чего им приходится удирать. Значит, я пока в Могилеве. Это я подчеркиваю в связи с твоей телеграммой от 27/VI, которую я получил только вчера, т.е. 29 июня.

Люся, ты, должно быть, получила мою телеграмму от 28/VI, где я писал, что я жив и здоров. Кроме этого я тебе, начиная с 22/VI, ежедневно писал то ли открытку, то ли письмо. Только 27/VI не смог ничего тебе написать, не было бумаг и конвертов, на почту было ходить некогда.

Люсь, я в дальнейшем буду стараться также ежедневно, хотя бы очень кратко информировать о себе. Труднее будет тебе информировать меня, ибо я сейчас не знаю, где и когда буду находиться, мой адрес может за день несколько раз меняться. Когда будет более постоянный адрес, я тебе сразу же сообщу телеграммой.

Теперь мы постоянно находимся на улице, спать приходится, где попало, ну конечно, просто на земле. Ночью бывает сильно холодно. Умываться также не все время представляется возможным. Война это ведь война, она стирает всякие различия между людьми, для всех: и для колхозника, и для инженера приходится выполнять одни и те же порядки, испытывать одни и те же бытовые и прочие условия. Здесь все равны. Ушли мы с казармы быстро, чемодан с вещами я так и оставил (также и все), теперь не знаю, увижу ли я эти вещи еще или нет – не знаю. Питаемся больше сухарями, супом, воблой, кашей. Кормят хорошо.

Ну, Эля меня простит, что ей меньше отделено место в этом письме. Мамочка расскажет ей своими словами, как живет и где находится Элечкин папа. Элечка, живи, играй, расти и не скучай, я скоро приеду. Люсь, передай привет своим родителям и братьям. Алексей.

1 июля 1941 г.

Здравствуй, Люсенька!

Сегодня 1 июля, 7 часов утра. Пишу из города Могилева, который мы обороняем. За вчерашний день несколько раз появлялись немецкие бомбардировщики общей численностью 9 штук. Они успели сбросить лишь несколько бомб, как были окружены нашими истребителями. В воздушном бою наши истребители сбили 8 германских самолетов: успех блестящий. Если бы не было истребителей, эти 9 бомбардировщиков могли бы очень много разрушений сделать. Был момент, когда над моей головой полетели 5 германских самолетов, в эту минуту было довольно жутко, но когда поднялись в воздух наши, то сразу веселее стало. Люся, здесь мне приходится видеть и слышать о войне очень многое, например, рассказывали, что фашистские летчики беспощадно бомбят мирное население, в частности, в районе Белостока они уничтожили несколько машин, занятые женами и детьми начсостава. Один командир рассказывал, что у него на глазах на машине от бомбардировки погибли жена и дочка. Имея такое отношение фашистов к населению, бойцы Красной армии еще более решительно ведут борьбу с немцами.

Вчера я получил новое белье и под гул моторов помылся и искупался в реке Днепр. Стало сразу хорошо, чисто. На Днепре купаться хорошо, вода холодная и чистая. В эти дни я стал прикупать кое-что к завтраку, обеду и ужину. Каждый день продают колбасу за 22 р. 50 к. кг. Ее уже покупал 1 S кг. Можно покупать ситро, пряники, сухари. Раньше деньги старался беречь, хотел купить в Москве кое-что, теперь, не зная, когда буду в Москве, решил улучшить питание.

Люся, я сейчас хожу без волос. 3 июня я обрил себе голову. ... Сегодня ночь была теплая, и спал я хорошо, особенно не мерз.

Люся, наверное, Сергачев с началом войны сразу уехал с отпуска, и Александр наверно не приедет к 5/VII. Война касается всех, мобилизуются мужчины с 1905 года рождения по 1918 год включительно. Пашка наш тоже подлежит мобилизации и, наверное, уже взят. Призван ли в армию твой брат Алеша?

Интересно, взяли – нет Аксенова и Агей Изозима?

Люся, я тебе письма начал писать в Усть-Вымь, думал, что ты, как говорила, с 5 чисел июля будешь в Усть-Выми. В Усть-Выми, конечно, вам лучше, веселее. Вообще говоря, вы должны жить весело, нисколько не беспокоиться за меня. Надо все время смотреть за Элечкой, чтобы она не болела и не повредила себя. Себя и наследника нашего ты тоже должна беречь. Ну, Люся, все на этом сегодня. Привет твоим домашним и Анне Ивановне. Алексей. г. Могилев.

2 июля 1941 г.

Здравствуйте, мои дорогие Люся и Эля!

Сегодня 2 июля, 8 часов утра. Вот уже 10 дней как фашистская Германия нарушила наш мирный труд, начала войну против нас. Как видно, война эта является крупной и потребует много жертв. За эти 10 дней война все более разрасталась, фронт войны стал охватывать с побережья Ледовитого океана до Черного моря. Здесь в Могилеве война все более суровой становится. Фашистские стервятники начинают все чаще посылать свои самолеты, бомбардируя город. Вчера было сбито три германских самолета в черте города. Всю ночь и все утро здесь шел ливень (дождь), но, несмотря на ливень, вот опять в сию минуту появились фашистские самолеты и начали бросать свои бомбы. Как орлы поднялись наши сталинские соколы на своих машинах-истребителях. В воздухе сейчас идет упорная борьба. Самолеты ушли за город, надо надеяться, что наши уложат германских.

Жители города ведут себя образцово, нет никакой паники, все ходят задумчивые и взволнованные. Более трусливые из горожан ушли за город. Порядок в городе образцовый. Жизнь идет нормально.

В газетах «Известия» и «Правда» от 29/VI помещены хорошие передовицы о роли советских женщин – патриотов. Прочти.

Я свои казенные сапоги оставил в казарме и сейчас хожу в своих, которые взял в Усть-Выми. Нога лучше чувствует в этих сапогах, они легче, чем казенные.

Спать сегодня на улице было не так удобно, так как шел проливной дождь. Но ничего, надо же все испытать.

Война – это, Люся, огромное движение, движение прямо колоссальное, то едут, то идут бесконечной вереницей люди, кони и машины. Кругом шум, гам – такова картина войны.

Мое самочувствие хорошее, пока ни в чем не чувствую недомоганий. Здоров. Сыт. Готовлюсь к рукопашной схватке с коварным врагом.

Люся, я 25/VI отправлял тебе денежный перевод на сумму 100 руб., адресованный на Сыктывкар. Получала ли, если нет, то надо получить. Если обратно перевод мне пошлют, то меня не найдут, и деньги могут пропасть, т.к. у меня может поменяться адрес.

Ну, пожалуй, на сегодня хватит. Желаю вам с Элечкой счастливой, радостной жизни. Вы, Люся, ходите и гуляйте с Элей, ни о чем не беспокоясь, как будто ни в чем не бывало, как будто я нахожусь с вами. Привет твоим родителям и братьям. Остаюсь жив и здоров. Папа.

г. Могилев БССР.

7 июля 1941 г.

Здравствуй, Люся!

Сегодня 7 июля, 8 час. Утра. Вот уже двое суток, как я покинул Могилев и еду на поезде в центр СССР, точно пока не знаю куда, будто бы на Волгу куда-то, где будут продолжаться курсы.

Ехать довольно трудно, приходится на каждой станции по несколько часов стоять. Сейчас находимся в Смоленской области, проехали город Рославль. Все..... Ночи довольно прохладные.

Пока жив и здоров, самочувствие хорошее. Как приеду на место, подам телеграмму. Алексей.

15 июля 1941 г.

Люсенька! Здравствуй, моя дорогая жена!

Элечка! Здравствуй моя большая хорошенькая дочь!

Привет вам обеим от папочки. Сегодня 15 июля исполнилось два месяца моего пребывания на курсе. Через месяц я мог бы быть дома, с вами, мои дорогие.

Но фашистская сволочь нарушила наш план встречи. Наша встреча состоится после, как враг будет окончательно разбит. Хочу сказать, что я пока жив и здоров, чувствую себя прекрасно.

Я сейчас нахожусь в городе Сердобске Пензенской области. Здесь природа прекрасная, степная. Стоит знойная жара. Зная, что жар костей

не ломит, я свободно переношу жару. Вчера ходил в баню, это почти через месяц, и я сейчас чувствую себя хорошо, ровно снял сто пудов.

Чемодан, за который я до некоторой степени беспокоился, привезен и находится здесь. Люсенька, здесь со мной служит брат Сани Политовой, звать, кажется, Владимир, 18 года рождения. Он довольно забавный. В армии, говорит, 4 года и за это время, говорит, совершенно научился говорить по коми. И он говорит по-русски. Правда, слабовато получается.

Люсь, ты наверно читала последние указы, надо их выполнять. Письма можно писать, не касаясь военных, политических и хозяйственных вопросов и размером не больше четырех страниц письменного формата. Поэтому ты должна писать более убогим шрифтом, мелким и писать письма почаще.

Я от тебя последнее письмо получал от 18/VI, а после нет, пиши, что было после 18/VI. Я тебе посылаю 25 письмо, включая и телеграммы. Дай в письме даты полученных от меня писем, т.е. когда они мною написаны. Я проверю, все ли письма ты получила от меня. Сердобск – город небольшой, как наш Сыктывкар, только очень пыльный. Около нас скверик, и с наших окон можно смотреть на публику.

Люсь, пиши пока по адресу: город Сердобск Пензенской области. Почтамт, до востребования. Алексей.

5 декабря 1941 г., г. Мелекес.

Здравствуй, моя милая жена, моя дорогая Люсенька!

Здравствуйте, мои дорогие деточки Элечка и Лидочка!

Мой срок пребывания в г. Мелекесе кончился. Хотя больше месяца здесь был, но не удалось получить ниоткуда ни одного письма. Особенно хотелось получить от вас, но, к сожалению не удалось. Я ежедневно ходил на почту справляться о письмах и телеграммах, но тщетно. Сам писал довольно часто, не знаю, получали ли вы.

Я уезжаю туда – на фронт. Буду бить фашистскую сволочь. Одели нас великолепно. Я нисколько не жалею, что не получил твою посылку. Денежный аттестат я выслал на твое имя в Сыктывкар. Будешь получать по 500 руб. в месяц.

Ну, все. Остаюсь жив и здоров. Целую всех вас, жду писем.

Мой адрес будет: «Действующая армия. Полевая почтовая станция № 1610. Батальон связи». Алексей.

7 января 1941(2) г.

Здравствуй, моя дорогая жена!

Люся, с 20 декабря я проживал в Москве. Два раза повстречался с братом. Сегодня, 7 января, я уезжаю из Москвы на фронт. Это уже окончательно. Как пойдут дела пока, конечно, не знаю, но думаю, что все будет благополучно. Конечно, впереди для меня предстоят большие испытания.

Остаюсь жив и здоров. Целую, Алексей.

7 января 1942 г.

Здравствуй, моя милая, дорогая жена Люсенька!

Здравствуйте, мои хорошие, милые деточки Элечка и Лидочка!

Я, ваш папа, посылаю вам горячий новогодний привет. Сегодня 7 января 1942 г. Ну, Люсенька, я сегодня уезжаю из города, где встречал новый год и еду туда, куда готовился в последние 8-м месяцев. Это определено и окончательно. Как пойдут мои дела пока трудно сказать, но думаю, что все кончится благополучно.

Конечно, впереди будут большие испытания и большие трудности, но, как известно, большевики не боятся трудностей. Все может быть, может быть и то, что случилось с Александром Дементьевым, а то может и еще хуже.

Но ничего. Все это закономерно. Мужайся, дорога Люсенька. Не падай духом. Держи надежду на нашу скорую встречу.

Да, Люсенька. Сегодня исполнилось ровно 8 месяцев, как я уехал из дому, а это время порядком соскучился по вас.

На днях выслал фотокарточку, снялся 2 января. Как получишь ее, извести. Получила ли аттестат. Как с деньгами?

Я остаюсь жив и здоров. Любящий вас папа.

Мой адрес: Полевая Почтовая Станция № 1610 Батальон связи Старцев Алексей Александрович.

20 февраля 1942 г.

Действующая армия

Здравствуйте, мои дорогие Люся, Эля и Лида!

Привет вам от папочки, воюющего с гитлеровскими разбойниками. Вот уже 20 дней как я нахожусь на фронте, на передовой. Для меня началась новая жизнь. Она нисколько не похожа на гражданскую, мирную жизнь. Был несколько раз в бою. Чудеса храбрости и героизма проявляют воины Красной армии по выполнению наказа нашего любимого вождя тов. Сталина об истреблении всех немецких оккупантов. Близится

час нашей радостной встречи. Я жив и здоров. Нахожусь в той области, в каком городе я обучался в течение 5 лет.

Люся, я в последние дни получал более десятка писем от тебя, которые тобой были отправлены в ноябре в Мелекесс. Одно письмо получил адресованное в Саратов.

В письмах ты пишешь, что тогда имела нужду в деньгах, но я очень рад, что ты сейчас получила все мои переводы и аттестат и больше не нуждаешься в деньгах. Относительно посылки кое-каких продуктов тебе моими родителями, я написал специально своему отцу, чтобы он отправил вам картошки, капусты и молочных продуктов. Думаю, что отец это сделает. Сапоги потребуй, они вышлют. День рождения нашей прекрасной дочери я не забыл. 1 февраля я по этому случаю написал специальное письмо. Пусть моя Элочка знает, что я ее очень и очень люблю. На этих днях получил несколько писем от брата Павла. Он поехал лейтенантом в Горький, как сообщает от 1/II. От Коли писем не получаю от отца получил, написано 5/I. Комнату не отдавай Нине. Она слишком много захотела. Посылок и карточку не получал. Пока все. Привет Рудаковым, Мамонтовым, Выборовым.

Адрес старый. Любящий вас папа.

6 марта 1942 г.

Здравствуй, моя милая, дорогая жена Люсенька!

Здравствуйте, мои дорогие деточки,

моя прекрасная Элочка и маленькая Лидочка!

Боевой фронтовой отцовский привет вам. Вот уже второй месяц, как я нахожусь на фронте, на передовой и участвую в истреблении ненавистных фашистских оккупантов. Да, Люсенька, фронтовая жизнь - есть суровая жизнь. Война для людей - это величайшее испытание. Дела наши идут хорошо. Близится час нашей счастливой радостной встречи. И уже тогда мы поласкаемся! Пока же, Люсенька, держись, мужественно переноси нашу временную разлуку. Я пока нахожусь в той области, в каком городе учился 5 лет.

Люся, я в последнее время регулярно получаю письма от всех: от тебя, от отца и от братьев Коли и Паши. Коля все еще в Москве, Пашка сейчас в Кировской области. Так отец и братья живут хорошо, просят чаще писать меня.

Люся, ты просила выслать дополнительно к аттестату деньги. Я на днях тебе отправил почтовым переводом 200 руб. О дне рождения Эли я, конечно, не забыл. Еще 1 февраля написал поздравительное письмо.

Пусть наша Элечка знает, что папа ее очень и очень любит. Пусть она цветет и растет на радость нам так же, как росла.

Люся, ты в последних письмах выражаешь некоторое недовольство в связи с тем, что я в последнее время редко пишу письма. Но пойми, Люся, что мне сейчас особенно писать нечего, да и некогда. Учти, что в феврале я все время был на свежем воздухе.

Потом спрашиваешь, как я попадал в тот город, который упомянут в моей открытке. Но я там был проездом сюда.

Ну, я пока жив и здоров, а поэтому прошу не беспокоиться за меня. Люся, на войне может быть все, и даже смерть. Если я погибну в бою, то прошу тебя, моя дорогая Люсенька, знать, что это должно было быть так, значит, я могу погибнуть, только любя вас и любя родину. Если я погибну, то ты, Люся, Обращайся с нашими детьми также хорошо, как до сих пор. Чтобы они не чувствовали мое отсутствие. Все это, конечно, не обязательно, т.е. не обязательно погибнуть. Я буду стараться жить долго. Ибо жить в нашей прекрасной стране – одно наслаждение. Как сказал наш незабываемый Киров: «А жизнь так хороша, и хочется жить и жить!». Вот, любя эту прекрасную жизнь в нашей прекрасной стране, мы должны с презрением относиться к смерти, быть готовым пойти на самопожертвование.

Ты, Люсенька, в таком духе и должна воспитывать своих детей.

Ну, мои дорогие Люся, Эля и Лида, я сегодня на этом кончаю. Всего хорошего. Крепко вас обнимаю и целую. Папа. Адрес старый. Привет друзьям и родственникам.

21 марта 1942 г.

Действующая Армия

Здравствуй, моя милая, дорогая, хорошая жена, моя Люсенька!

Здравствуйте, мои дорогие, родные детки, моя любимая Элечка и маленькая Лидочка!

Это я, который больше всех вас любит и который мысленно постоянно с вами, ваш муж и отец. Посылаю вам горячий, боевой, фронтовой привет. Я жив и здоров. Продолжаю бить и уничтожать фашистскую мразь. Люся, мое здоровье оказалось довольно хорошим, и организм довольно легко переносит суровый фронтовой климат. Люся, ты можешь себе представить, что мне неделями приходится находиться на вольном воздухе круглосуточно, и хоть бы что, как будто я вечно жил так. Повторяю, я здоров, только голос немного огрубел, а в остальном все в порядке. Одет я тепло и ежедневно получаю «горючее» – водку 100 г. Кормят хорошо. Люся, я здесь второй раз вступил в партию, на днях

приняли кандидатом. Дело в том, что в свое время в Саратове у меня вытащили вместе с бумажником мой партбилет, и я т.о. механически выбывал. Сейчас пришлось снова вступить. Люся, я твои письма получаю теперь регулярно, также получаю от своих братьев и родителей. Последнее письмо от тебя получил от 21/II. Очень жалею, дорогая Люсенька, что у вас нет дров. Попросила бы Рудакова и Выборова Я.И. помочь достать дрова. Почему же Тютюнник не снабдил тебя дровами, ведь деньги ты внесла своевременно. С деньгами ты должна жить теперь лучше, так как сейчас сверх аттестата тебе послал 600 руб. в три письма по 200 руб. В дальнейшем тоже буду посылать все свои деньги вам. Здесь мне они не нужны, и я здесь их не расходую совершенно.

Люся, 12/III мне исполнилось 31 год, и в связи с этим получил поздравительные письма от тебя, от Коли, от паши и от Кати.

День рождения прошел удачно. В этот день я ходил в баню и очень хорошо помылся, ребята дали мне немного водки, в тот день я выпил 400 грамм. И в тот день я сразу получил письмо от Коли и от Кати.

Ребятам здесь дал обещание, когда меня поздравляли, жить долго - 100 лет. И действительно, ведь жизнь так прекрасна, что нам нужно жить и жить. Но это, конечно, не значит, надо быть трусом, а наоборот, любя жизнь, нужно не жалея себя защищать нашу прекрасную родину.

Люся, передай привет Рудакову, Шамахову и Лишакину. Люсенька, посылаю тебе вырезку из газеты – статью «По смоленским дорогам». Я прочел эту статью, и на меня она произвела сильное впечатление. Прочти и напиши свое мнение.

Ну, все, на этом сегодня кончаю. Любящий вас папа.

1 мая 1942 г.

Здравствуй, моя дорогая, моя нежная жена!

Здравствуйте, мои дорогие, мои родные деточки, моя умная, большая Элочка и Лидочка!

Ну, дорогая Люсенька, сегодня 1 мая 1942 г. Поздравляю вас с великим праздником 1 мая, праздником, приближающим час нашей радостной и счастливой встречи. Вот через 7 дней будет год, как я уехал из дому. Не думал я, и в голову не приходило, чтобы так долго нам пришлось быть в разлуке. Но ничего, Люсенька, время военное. Нужно мириться всем. Наша встреча состоится тогда, когда подлый и вероломный враг будет полностью разбит. А наш любимый нарком сегодня пишет в своем приказе, что 1942 год будет годом окончательного разгрома гитлеровской Германии. Мы, бойцы и командиры, выполним этот

приказ. Вот и сейчас я слышу как наши летчики, артиллеристы, минометчики, пехотинцы выкуривают вшивых немецких бандитов.

Люся, ты спрашиваешь, что за гр-ка, которая отнесла мою открытку. Она советская патриотка, у ней мы останавливались на пути, когда шли к месту назначения. Она нам тогда выстирала белье и приготовила тогда воды, а потом мы у нее хорошо помылись. Вообще же ты не должна волноваться, я человек постоянный и на всю жизнь остаюсь верным своей семье.

Да, относительно покупок всяких для меня пока ты воздерживайся. Мне ничего не покупай. На фронте, Люся, может все случится. Что за жизнь на фронте, ты можешь узнать в газетной вырезке под портретом отважной санитарки Анастасии Малышевой.

Ты вот своих детей, Люсенька, воспитай по образу и подобию этой смелой советской девушки. Я сам тоже следую ее примеру.

С участком тебе, мне кажется, не нужно возиться. Только вот, если ты привезешь семена из дому, то тогда, пожалуй, можно.

Люся, я сегодня получил сразу шесть писем: 4 от тебя, одно от сестры Кати, и одно от невестки Марии Петровны. Письмо Марии Петровны посылаю тебе, там есть упоминание о дяде Паше. Он, оказывается, тоже уехал на фронт бить фашистскую сволочь. Теперь мы, два брата, будем соревноваться по истреблению двуногих зверей, принесших много горя нашему советскому народу.

Люся, я от тебя получил сегодня письмо от 14/XII – 41 г., оно было отправлено еще в Мелекесе, там ты сообщалась о смерти Ярославлева. Ну, что ж, Ярославлев пал смертью героя при защите родины и этим выполнил свой долг. Конечно, жалко, когда гибнут свои люди, но, Люсенька, войны без жертв не бывает. Я сам видел, когда стоящие со мной рядом товарищи падали от фашистских пуль. Я дал слово мстить фашистам за все это. Я работаю командиром роты, звание мое – лейтенант. Работы много. Одет я хорошо. Питаюсь вполне нормально. Куревом снабжен. Курю крепко, но кашля нет. Второе письмо тобой написано 6/IV, третье – 9/IV, четвертое – 12/IV. Спасибо за письма. Я сам стараюсь тоже часто писать, но здесь, конечно, можно писать не всегда, я все-таки на фронте, а не в тылу где-либо.

Пока все. Крепко целую, Алексей.

Да, последние переводы делал не я, а начфин, он же отправил аттестат новый, который будет с мая по декабрь 42 г. Сумма та же – 500 руб.

Привет твоим и моим знакомым.

30 мая 1942 г.

Здравствуй, милая жена, моя дорогая Люсенька!

Здравствуйте и мои дорогие деточки, Эля и Лида!

Посылаю вам горячий привет и самые лучшие пожелания. Сегодня 30 мая 1942 г. Я жив и здоров, мысленно всегда с вами. Деньги с майской полочки вам отправил уже две недели тому назад. Последнее письмо от вас было 1 мая. Сейчас я редко получаю письма, видимо сказалась распутица. На днях получил письмо от вас, которое было написано 8/X – 1941 г. еще в Саратов. Из Саратова хозяева это письмо переслали 18/XII – 41 г. в Мелекесс на почту до востребования. Оно там и находилось, а потом в мае по моей открытке переадресовали сюда. От Коли получил открытку. Его тоже забрали в армию. Сейчас он поехал в военное училище в В-Устюг, об этом он написал 19 мая. Брат Павлик уже давно на фронте, последнее письмо от него было от 1 мая.

Я сейчас не на передовой, отдыхаю. Но, конечно, не бездельничаю, ибо работы много. Я, конечно, здесь не могу распространяться. Во всяком случае, все в порядке.

Люся, я получил новое воинское звание. Отныне я уже старший лейтенант. Ношу по три кубаря. Сколько я не нахожусь на фронте, но земляков не удавалось встречать. Из Котласа есть со мной ст. политрук Власов. Я уже его считаю земляком. Что пишет Маланьин. Были ли в Кунибе.

Пока все. Привет всем твоим и моим родным и знакомым. Целую, Алексей.

16 июня 1942 г.

Здравствуй, моя милая, дорогая жена, моя любимая Люсенька!

Здравствуйте, мои дорогие, родные, хорошие деточки Эля и Лида!

Шлю вам горячий, пламенный, сердечный привет и самые лучшие пожелания! Я хочу, чтобы вы были здоровы и счастливы. Вчера я получил от тебя, моя дорогая Люсенька, два письма. Оба датированы 29/VI – 42 г. Письма, полные самых нежных чувств, при чтении которых я испытал огромное удовлетворение. Письма, воскресившие в моей памяти лучшие дни нашей совместной супружеской жизни. После чтения писем вечером, лежа на спине, закрыв глаза, я долго вспоминал самые запечатлевшиеся эпизоды нашей жизни. Какое блаженство и счастье вспомнить нашу счастливую жизнь. Ведь мы с тобой, Люсенька, жили очень и очень хорошо. Я считал и считаю себя счастливейшим человеком, благодарю судьбу, которая помогла нам встретиться и завести дружбу на всю жизнь. Я исключительно доволен своей семейной жизнью. Без

конца люблю я тебя, Люсенька, и всех наших дорогих, умных деточек. Если бы я сейчас каким-либо образом попал домой, то это было бы доказано делом. Хочется так крепко-крепко поласкать вас всех. Но это еще можно будет показать. Война кончится, и я опять буду с вами. За эти 1,5 года я почти не изменился. Чувствую в себе достаточно сил и чувствую себя абсолютно здоровым. Мне кажется, что я даже как будто помолодел, живя постоянно на воздухе. Пока я нахожусь в тылу, готовлюсь для фронта, работы много. Ты, Люсенька, спрашиваешь, какая у меня сейчас зарплата. Сообщаю: 775 руб. в м-ц. 500 я высылаю вам, а остальное – себе. Через недели две она должна увеличиться на рублей 200, тогда я опять буду вам высылать дополнительно к аттестату рублей 200-250. Письма от братьев получаю, от родителей тоже. Родители готовы тебе помогать и дальше продуктами. Ну, все. Живите весело. Целую, Алексей. Привет нашим знакомым.

5 августа 1942 г.

Моя дорогая жена Люсенька и мои дорогие деточки Эля и Лида, здравствуйте!

Это я, который постоянно в мыслях живет с вами. Моя дорогая Люсенька, вчера вечером от тебя получил открытку, написанную 20/VII.

Вы там спрашиваете, почему я не побывал дома во время отдыха. Но я должен сказать, что это нельзя так просто сделать. Я, конечно, с удовольствием бы приехал. Я по вас очень и очень соскучился, также сильно, как и вы по мне. Вот война кончится, и тогда мы с вами сойдемся и вечно будем жить вместе. Дней пять тому назад я вам сделал перевод на сумму 400 рублей. Это сверх аттестата. На днях получил письма от Драчевой М.П., от братьев Коли и Паши. Паша сейчас на фронте. Его адрес: ППС 2030, 220 ОДСБ. Коля был в последнее время в г. Слободском. Сейчас оттуда он выехал, куда не знаю. Хотел написать. Я думаю, что его отправили тоже на фронт. Я пока нахожусь в 20 км в лесу от того города, где я был в последнее время. Жду отправки на фронт. Чувствую, что мой адрес должен измениться.

Люся, я посылал тебе фотокарточку. Получила нет, если получила, то, как понравилось.

Люсенька, я сегодня получил кандидатскую карточку, вступал я в партию в феврале 1942 г. Сейчас я сижу и составляю расписание занятий для своей роты. Продолжаю командовать ротой.

Самочувствие хорошее. С питанием благополучно. Курево тоже имею. Но свободного времени очень мало. Много приходится недосыпать. Здоровье – ничего.

Пока письма пиши реже. Меня, кажется, на днях переведут куда-то в другую часть, а потому адрес должен быть другой. Целую, Алексей.

13 августа 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие Люся, Эля и Лида!

Дорогая, моя хорошая Люсенька, позавчера от тебя получил два большущих письма, написанных 29 июля с/г. Письма очень и очень трогательные. Мне они очень понравились и принесли большую радость. Я рад, что наша дружба растет и крепнет, что наша любовь друг к другу изо дня в день становится сильнее и глубже. Я с удовольствием вспомнил все эпизоды, которые ты, Люсенька, упоминала в письме. Вечер, проведенный в саду санатория, я отлично помню. Да, это был настоящий вечер. Жизнь в Кисловодске и все это лето было самым сильным в нашей совместной жизни. Жили мы тогда на славу. Уже лучше некуда. Помнишь, какой был банкет, когда приходил Водопьянов. Да, славные были денечки. Будем надеяться, что судьба нас опять столкнет, и мы снова будем вместе, будем вместе наслаждаться благами жизни.

Я был бы очень рад встретиться в Иванове с твоим братом. Сейчас у нас Николай тоже в Ивановской области - он готовится на истребителя танков. Повидаться с ним не представляется возможным. Ибо я и он ждем ежеминутно отправки на фронт.

Павлик на фронте. От него вчера получил письмо. Очень интересуется вами, особенно Элочкой. Павлик, как и я, говорит, очень соскучился по Элочке.

Пусть Элочка простит мне, что я не могу удовлетворить ее желание приехать к ней. Война виновата. Вот кончится война, разгромим ненавистного врага, и я сразу приеду к вам. Открытку твою, моя милая Люсенька, от 26/VII я получил тоже. Привет всем родным и знакомым. Целую крепко всех вас троих. Алексей.

6 сентября 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие жена и деточки – Люся, Эля и Лида!

Привет вам о вашего дорогого человека – папы. Вот я опять на фронте. Нахожусь недалеко от города, где я работал в прошлом году в сентябре и октябре. Мои дела идут пока не плохо. Теперь характер работы у меня немного другой, работаю помощником командира отдельной роты. Работы стало больше, ответственности тоже. Здоров.

Целую крепко. Алексей.

Привет всем родными и знакомым.

12 сентября 1942 г.

Здравствуй, моя дорогая жена Люсенька и здравствуйте, мои родные и дорогие деточки Эля и Лида!

Прошло 1 1/2 года, как мы с вами расстались, но это было как будто вчера. Я мысленно всегда с вами, и постоянно ваш образ стоит перед моими глазами. Я ежеминутно вспоминаю о вас. Вспоминаю до мелочей все из нашей совместной жизни. Большое удовольствие приносят для меня ваши фотокарточки, которые я постоянно таскаю с собой в полевой сумке. Я их очень часто просматриваю. Большую теплоту и нежность порождает в моем сердце тобой, Люсенька, положенные вещи в мой чемодан, в частности, у меня до сих пор лежит отрез твоего белого шелкового платья с розовыми цветочками. Это платье ты в последнее время все одевала после бани, а при отъезде в нем были свернуты тобой мне продукты на дорогу. На память лежит в моем чемодане и моя белая верхняя рубашка очаровательной белизны, ибо она, Люсенька, была выстирана тобой. Есть у меня и ваши письма, которые я тоже берегу и время от времени их просматриваю. Я часто вспоминаю нашу квартиру, все вещи и обстановку в них, весь распорядок выходных и рабочих дней. Я с нежностью вспоминаю все места, где мы с тобой, Люсенька, бывали вместе: фельдшерскую школу, театр, наши посещения Рассыхаевых, Малыгиных, Рудаковых, Жеребцовых и др. Как много хорошего и радостного пережили мы вместе с тобой. Это было блаженство. Но... война коренным образом изменила положение вещей. Мы с тобой, как миллионы других совет. людей, оторваны на некоторое время друг от друга. Приходится испытывать все тяготы войны. За нашу дружбу и счастливую жизнь, плодами которой мы пользовались, сейчас приходится воевать, не щадя своих сил и жизни. Кто знает, Люсенька, что может случиться со мной. На фронте все возможно, даже смерть. Но я смерти не боюсь, я готов ее принять за священные цели по истреблению фашистской заразы – коричневой фашистской чумы, за истребление банды проклятых гитлеровских мерзавцев, этих бандитов и убийц, принесших нашему великому народу столько горя.

Люся, трудное уже позади, победа все ближе, уже близок час окончательного разгрома немецкой граб. армии, и наши народы Советского Союза снова заживут счастливой, радостной, зажиточной жизнью.

Я сейчас, Люсенька, опять на фронте, по местности фронт этот не похож на тот, где я был первый раз, а противоположная.

Ну, ты, конечно, должна догадаться, ибо я по дороге тебе отправлял письма.

Живу я так, как положено жить на фронте. Состояние здоровья нормальное, ...под открытым небом. Настроение хорошее, питание тоже, табаком снабжают нормально. Бреюсь через каждые 2-3 дня. Обмундирование все новое. Так что у меня все в порядке. Надеюсь, что и у вас тоже дела идут хорошо. Живите, не скучайте. Ждите радостную нашу встречу, она близка. Привет твоим и моим родителям и нашим знакомым. Целую, Алексей.

10 октября 1942 г.

Здравствуй, дорогая жена, моя милая Люсенька!

Вчерашний день был знаменательным днем в моей фронтовой жизни. Вчера после долгого перерыва я получи первое письмо. Я целый месяц ежедневно и ежечасно ждал его. Так хотелось и на этом фронте ... связаться с вами.

Письмо меня удовлетворило во всех отношениях. Оно полно самых честных и нежных чувств, полно правдой жизни. И так я был обрадован им, что еще сегодня чувствую приподнятое настроение.

Не смотря на осенний холод, я вчера и сегодня чувствую большую теплоту. Больше того, я всю ночь не спал, и вот, сегодня даже дремота не берет. В общем, Люсенька, твое письмо меня очень и очень задело за живое, я хожу под сильным впечатлением его. Я рад, что вы все, и Эля, и Лида здоровы. Желаю, чтобы и дальше вы были здоровы и счастливы. Я живу хорошо, здоров. Получил на днях открытку от Павла и письмо от Коли. Их я вам отсылаю. Познакомьте ими моих родителей. Привет всем родным и знакомым.

Крепко целую и обнимаю. Алексей.

4 ноября 1942 г.

Здравствуй, моя жена, моя прекрасная, моя милая Люсенька!

Здравствуйте, мои дорогие, мои хорошие деточки Эля и Лида!

Сегодня получил от вас письмо от 21.9. В письме вложено письмо от Элечки. Текст письма Эли: «Папе на фронт от Эли привет! СССР», и ниже помещены два рисунка: домик с двумя трубами и весьма красивый цветок. Эля, оказывается, умеет красиво писать и рисовать, стало быть, она уже хорошо умеет ухаживать за своей сестренкой.

Да, Люсенька, уже 1 1/2 года с лишком мы в разлуке. Очень и очень долгий период. Не думал я, что нам с тобой так придется жить. Ну, Люсенька, разлука должна скоро кончиться. Скоро должна состояться наша радостная и долгожданная встреча.

И мы снова заживем так же хорошо, как и раньше. Люся, я остался по-прежнему таким же нежным и внимательным к вам. Здоров. На счет валенок я напишу отцу, чтобы он их скатал для тебя.

Люся, что делает и где находится Маланьин. Как Изъюрова, ходишь ли к ней. Я очень часто вспоминаю вечера у Рудакова, Маланьина и Рассыхаева. Какие чудные были эти вечера. Вспоминаю музыку, особенно «Мой костер», «Любила очи голубые». Сколько хороших вечеров устраивались в школе. Постоянно вспоминаю, как мы с тобой проводили выходные дни, и все это порождает сладостное удовлетворение. Все это говорит, что я страшно соскучился по вас, особенно по тебе. Когда мы сойдемся, ох и хорошо мы заживем. Ну, все. Целую, Алексей.

25 ноября 1942 г.

Моя хорошенькая, дорогая Люсенька, здравствуй!

Люся, я очень беспокоюсь, что ты, не имея от меня адреса, не знаешь, куда писать мне письма. Я все ждал постоянного адреса, и вот, он, наконец, есть: Полевая почта 2181. Часть 958. Прошу и очень прошу, чтобы ты как можно чаще писала по этому адресу. Ох, и соскучился я по вас крепко! Но ничего, скоро уже наступит желанная встреча. Живу я сейчас хорошо. Здоров. Настроение хорошее. Толь вот давно не получаю ни от кого писем. Как живут мои доченьки Эля и Лида. Крепко целую. Алексей.

17 декабря 1942 г.

Моя дорогая, хорошая Люсенька, здравствуй! Здравствуйте и мои дорогие, мои милые деточки Эля и Лида!

Скоро 1 января 1943 г., день нового года, а посему поздравляю вас с новым годом. 1943 год должен стать годом нашей долгожданной, счастливой и радостной встречи. Встреча! Какое милое и великое это слово. Как я жажду ее. Ведь 19 месяцев прошло, как выехал из дому. Уже очень я соскучился по вас. Ну, ничего, уж потерпим. Разобьем фашистскую гадину, и опять заживем мы счастливой зажиточной жизнью.

Я, дорогая Люсенька, живу пока хорошо. Здоров. Работа идет нормально. Самочувствие хорошее. Одно плохо, что с изменением адреса я лишился временно связи со своими родными. Давно не было писем ни от кого. Хочется знать, как живете вы, родители, и мои братья как живут. Знакомых и близких со мной нет никого.

Одет я, Люсенька, очень хорошо, по-зимнему. Питаюсь тоже хорошо. Из ноябрьской и декабрьской полочки я сделал вам переводы денежные по 300 руб. Аттестат на 1943 год еще не оформил, т.к. оформление не

производится. Поэтому ты, Люсенька, должна экономнее расходовать свои деньги. Переводы, если со мной все будет в порядке, я буду делать, безусловно. Ну, пожалуй, все. Крепко, крепко целую. Алексей. Мой адрес: ППС № 2181, часть 958.

5 января 1943 г.

Здравствуй, моя дорогая, моя большая и умная девочка, моя прекрасная Элечка!

Ну, доченька, это я – твой папа, который тебя очень любит и постоянно вспоминает. Скоро два года, как я не вижу около себя тебя, моя душенька. Вероятно, ты за это время очень выросла, стала совсем-совсем большой. Мне мама твоя писала, что ты уже одна ходишь в кино и магазин, что ты ей много помогаешь по хозяйству, нянчишь свою маленькую сестренку Лиду. Так и надо, доченька. Надо любить свою сестренку, не обижать ее и во всем помогать своей мамочке.

Я от тебя получал несколько писем и рисунков. Все они у меня хранятся. Ты, оказывается, умеешь хорошо писать и рисовать. Пиши, как у тебя нынче прошла елка, какие ты стихи читала на елке. Кому ходила на елку и кого приглашала к себе. Крепко целую и обнимаю. Папа.

Моя Люсенька, здравствуй!

Сегодня 5 января 1943 года. Решил сегодня написать письмо нашей дочери. Это, вероятно, будет первое письмо, которое она получит за свою жизнь.

Люсенька, у меня пока все в порядке. Я совершенно здоров. Имею хорошее настроение. На днях видел одного земляка. Он оказался из Чукайба, учился он в Визинге. Мы с ним довольно долго беседовали. Все. Пиши письма, а то давно не получал. Целую.

8 января 1943 г.

Здравствуй моя дорогая жена, моя прекрасная Люсенька!

Здравствуйте мои милые и дорогие деточки Эля и Лида!

Люся, я сегодня от тебя получил два большущих письма, написанные 18 декабря прошлого года.

Из писем я узнал много о вашей жизни и рад за вас, что ты и мои дети живете хорошо, что вы все здоровы.

Но я до глубины души поражен страшной вестью, что моего дорогого и любимого брата Павлика уже нет живых? Неужели это правда? Неужели я больше никогда не увижу этого замечательного человека? Люся, как могло случиться, что такой нежный, честный, отзывчивый,

трудолюбивый, скромный и умный человек, каким был мой брат Павлик убит, как могла его сразить вражья пуля? Ведь он должен был жить, жить и жить. Ведь он по существу только вступал в жизнь, он еще не успел воспользоваться всеми благами жизни, даже он не успел по-настоящему влюбиться в молодую девушку. Все это он отодвигал на задний план. Он всем своим горячим темпераментом поддался к учебе, желая быть культурным и образованным человеком.

Этот солидный ростом, красивый по внешности, всегда чересчур скромный, обаятельнейший человек от всего своего пламенного сердца готов был помочь любому нуждающемуся человеку. Сколько ласки, внимания, чуткости он проявлял к детям безвременно погибшего Раевского. Как он старался ослабить горе своей сестренке. Как хорошо, внимательно, любовно он относился к нашей дочери Эльвире. Как много раз он водил ее гулять на улицу. Сколько раз он приходил в баню за нашими деточками, чтобы помочь нам. Сколько он мне писал великолепных по содержанию писем.

Он мне писал, что Алеша, если что с тобой случится на фронте, то за детей, говорит, своих не беспокойся. Он хотел их вывести в люди. Он хотел вывести в люди и всех детишек у сестрички. Сколько он внимания уделял своим престарелым родителям.

И вот этого человека, хрустально чистой душой, потерять очень и очень тяжело. Прямо не хочется верить, что его уже нет. Хотелось бы узнать подробности гибели Павлика.

Да, будут прокляты на веки веков его убийцы. Чумовые фашистские бандиты. За смерть Павлика я буду мстить всей своей пылающей ненавистью немецким палачам.

Я сам пока жив и здоров, очень соскучился по вас, уж так хочется побыть вместе с вами.

Карточку вашу я не получал, хотелось бы конечно получить ее. Очень хочется посмотреть на Лиду и вообще на всех вас. очень жалко мне, Люсенька, твоего папашу, что ему одному безусловно тяжело, но пока что я ничем ему не могу помочь. Ну Люсенька, я сегодня на этом кончаю. Остаюсь жив и здоров. Привет супругам Туркиных, Рассыхаевой, Рудаковым и другим твоим подругам. Целую. Алексей.

14 января 1943 г.

Здравствуй моя милая, дорогая жена, Люсенька!

Здравствуйте мои дорогие деточки Элечка и Лидочка!

Привет вам от Папочки. Сегодня 14 января. Я жив и здоров и по-прежнему я нежно люблю вас.

Я сейчас нахожусь там, где совсем недавно находились гитлеровские скоты. Смерть и мщение гитлеровским бандитам! Ты, Люсенька, оттуда не можешь представить, какие ужасающие разрушения... Грабежи совершают в захваченных советских районах гитлеровские палачи. Вчера я объехал несколько десятков сел, которые на днях освободились героической Красной армией от фашистского ада. Все эти села сожжены дотла, оставив лишь торчащие трубы. Я вчера имел возможность поговорить с населением, которые пережили кошмарные дни под властью гитлеровских людоедов.

Три раза по 500 рублей я сделал перевод в Усть-Вымь.

Люди превращались в нищих, т.е. ограблены до последнего рубля. Решительно обобрали их фашистские скоты. Вырезали в этих деревнях лучших людей наших колхозных сел. Обесчещены сотни и тысячи наших советских девушек. Как только вошли фашисты в деревню, сразу же жителей прогнали на улицу, на голод. Отобрали у них все теплые вещи. Одна старуха колхозница мне сказала, что хуже ... немецких головорезов нет никого на свете. Что если ей попадет в руки немецкий бандит, она своим единственным зубом загрызет горло этому зверю. Как вернусь, я более подробно расскажу о чудовищных зверствах фашистов. А сейчас я буду им мстить за все эти разрушения советских сел, за издевательства над советскими гражданами, за кровь и слезы невинных советских людей. О себе я недавно писал в нескольких письмах.

Целую вас всех. Алексей.

12 февраля 1943 г.

Здравствуй моя дорогая жена, моя милая Люсенька!

Здравствуйте мои дорогие, мои хорошие деточки – Эля и Лида!

Люся, приближается 23 февраля, знаменательная дата нашей жизни. 7 лет назад судьба соединила нашу жизнь в прочный семейный союз. Да, Люсенька, прошло 7 лет с того дня, как ты переехала ко мне на Советскую, 5, кв. 1. 7 лет! И как будто это было только вчера. Как быстро идет время! Первые пять лет мы с тобой были все время вместе. Сколько прекрасного было пережито за эти чудесных пять лет. Правда, последние два года мы живем раздельно друг от друга, не имея телесного общения и жгучих и нежных ласк. В это суровое время в таких условиях приходится жить не только нам с тобой, а миллионам. Война скоро кончится полным разгромом чудовищной и преступной гитлеровской грабармии. Война кончится и мы опять вместе заживем счастливой и радостной жизнью. Мне кажется, что мы Люсенька сумеем наверстать все упущенное.

Люсенька я только что вернулся с командировки. Ездил по Дону. И вот тебе хочу рассказать, как я жил там.

Вспоминая листы из книги «Тихий Дон» Шолохова я стремился внимательнее присматриваться за бытом и нравами жителей «Тихого Дона». Вообще, я остался очень довольным исключительным гостеприимством казаков. До чего же хороши колхозницы казачки. С воинами Красной Армии они обращаются чисто материнской сердечностью. Вот позавчера я ночевал у одной казачки. Живет она одна. Имеет довольно большой дом. В доме абсолютная чистота. И за это время я очень хорошо отдохнул. Нас она угощала всем. Особенно много поели мяса, молока и овощей. Не то что много, а столько, сколько нужно было чтобы представить себе мирную жизнь, например, во время пребывания нас у твоей мамы. На ночь она мне отвела прекрасную койку с мягкой периной и подушками. В первый раз за время войны я имел возможность вспомнить свою домашнюю койку. А сама она спала в другой комнате, а со мной спал мой адъютант.

Ну, Люсенька, я на этом кончаю. Адрес пока старый. Жду ответ. Здоровье пока ничего. Горю желанием быстрее встретиться с вами. Привет твоим и моим родителям.

Целую. Алексей.

1 марта 1943 г.

Здравствуй, моя милая, хорошая, моя любимая Люсенька! Здравствуйте, мои дорогие деточки Эля и Лида. Вот сегодня уже 1 марта. Это уже второе первое марта, как я один провожу его вдали от вас. Придется ли еще раз мне провести 1 марта вдали от вас, пока трудно сказать. Но признаться, хотел бы я уже сейчас побыть хотя бы несколько дней вместе с вами, а как кончится война – уже быть все время только возле вас.

Чем больше я нахожусь в разлуке с вами, тем больше мне скучней становится по вас. Если бы ты, Люсенька, знала, как я соскучился по вас. Но пока что есть дела по важнее: нужно громить и громить ненавистную немчуру, гнать и гнать их с нашей священной территории, чтобы и духу у них не было, а сейчас наша доблестная Красная Армия крепко бьет поганых фашистских людоедов. Ох, и крепко этим бандитам досталось под Сталинградом! Это я сам видел. Я сам их бил здесь чуть не полгода. Под Сталинградом я был до тех пор, пока там не был уничтожен последний гитлеровец. Они здесь оставили сотни тысяч своих трупов и уйму техники.

За эту блестящую победу мы все получили личную благодарность от нашего великого вождя тов. Сталина.

После этого я более двух недель был на отдыхе. Причем отдых с работой.

Вчера ходил в баню. Хорошо помылся. Одел чистое белье и чувствую себя легко и хорошо. Здесь уже весна вступает в свои права. Солнышко уже хорошо греет. Сейчас здесь погода стоит такая, какая у нас бывает в начале апреля.

Люся, ты спрашиваешь, получил ли я носовые платки. Нет, я их не получал. Когда ты их отправляла? Фотокарточку получал я только раз, о которой уже писал. Вторую я не получал.

Твою просьбу, Люсенька, насчет желания получить кое-что из Куниба, я выполнил. Написал отцу, чтобы он отправил Элечке гостинцев: молока и овощей. Если они получали мое письмо то, конечно, исполнят мою просьбу. Но почему то я из дому от родителей совершенно не получаю писем. С лета еще не получал. Может, им не доверят мои письма. Не получаю также давно письма от Николая. Где он и что с ним не знаю. Писал несколько писем Марии Петровне, но она только в январе месяце посылала маленькую открыточку, в которой она сообщала скорбную весть, что убит Павлик.

Недавно получил письмо от Людмилы Алексеевны Нечаевой. Перед этим ей сам писал, хотелось узнать кое-какие новости.

Молодец она, сразу ответила. Недавно в «Правде» и «Известиях» прочел телеграмму Гороненко, Ветошкина и Турышева к тов. Сталину о сборе средств в фонд обороны. Ну, пожалуй, на сегодня хватит. Жду ответа. Привет твоей мамаше и папаше.

Целую. Алексей.

4 апреля 1943 г.

Здравствуй, дорогая жена Люсенька!

В последнее время я тебе, моя Люсенька, пишу довольно часто, хотя от тебя уже очень давно не получаю писем. Последнее письмо от тебя было от 1 февраля. Теперь мне с письмами явно не везет. Из дому и от Коли уже с лета не получаю. Ума не приложу – почему так все решили молчать. Люсенька, несколько дней тому назад я тебе сделал довольно сносный перевод – 2000 руб. Нужно будет постараться их получить и известить меня в получении. В середине марта на твое имя в Сыктывкарский горвоенкомат отправили мой аттестат. Нужно будет по нему получить тебе деньги там. Первый раз ты должна получить сразу за четыре месяца – за январь-апрель месяцы.

Люсенька, я пока живу неплохо. Здоров. После разгрома Сталинградской группировки немецких войск я был на отдыхе. Отдых провел

на Дону. За это время прочел изрядное количество художественной литературы.

Ну, как вы живете, как Эля и Лида. Признаться, я крепко соскучился по вас.

Люсенька, я тебе посылаю вырезку из газеты «Красная звезда» со статей писателя Павленко: «Письма домой». Когда я ее прочел, то она мне очень понравилась. Напиши свое мнение.

Люсенька, прошу передать большой привет твоей мамаше. Пока я на этом кончаю. Целую. Алексей.

П. Павленко. Письмо домой.

Ночью немец крепко бомбил. Мы плохо спали, и сейчас, по утру, сидя у окна хаты, в которой вылетели за ночь стекла, говорили о своих семьях.

Опасность обостряет нежность к близким. Никогда так не дороги они, как после пережитых испытаний, никогда человек не бывает и так правдив с самим собой, как в эти часы заново начинаемой, напоминающей молодость, жизни.

Собеседник мой, лейтенант артиллерии, – боксер по всем замашкам, драчун по характеру, любивший, рассказывая, иллюстрировать дело приемами бокса, – они всегда оказывались самыми нужными и даже, можно сказать, неизбежными по ходу лейтенантских переживаний, – сегодня был молчалив. Ну вот он полез в карман кителя.

– Я хочу, – сказал он, – прочесть вам письмо от жены и мой ответ ей. Можно? Смеяться не будете?

– Прочтите. Я тоже прочту свое. Он слегка покраснел, рука его задержалась у сердца.

– Я, знаете, пишу плоховато... Ну, да ладно.

Вот что писала ему жена из далекой Сибири:

«Котя, родной мой.

Когда я подумаю, что ты еще не видел нашего мальчика, мне делается так грустно, что я каждый раз плачу. Уж лучше бы я тогда не рожала. Но потом я начинаю утешать себя и думаю, что тебе на фронте лучше, когда ты знаешь, что в Сибири тебя ждут двое – я и Сережка, и что Сережка, несмотря на свои десять месяцев, – самый близкий мой друг. Он все понимает и во всем согласен со мною, и мы оба одинаково любим тебя. Я его теперь так приучила, что когда скажу «папа», он, негодяй, сейчас же оборачивается в двери. Я толком так и не знаю, на кого больше похож он: на тебя или на меня. Одно знаю, что в нем заложены и твои, и мои черты, и я никогда так хорошо не разбиралась в тебе, как сейчас, когда

могу часами наблюдать за Сережкой и находить в его поступках ответы на многое, чего я не понимала в тебе.

Сын наш, скажу тебе с гордостью, очень храброе существо и, как ты, страшно задиристое, драчливое, но отходчивое. И, как ты, болтлив. С возрастом он станет, конечно, мягче, потому что в нем, как я тебе уже сказала, есть и мои черты. Среди тех хороших, которыми ты сам гордился, есть и моя дурная – ужасное самолюбие. Я всегда хотела, чтобы ты был самым лучшим мужем, чего бы тебе это ни стоило, и сама старалась быть самой лучшей женой и обижалась, если у нас это не выходило. Но в общем мы хорошо жили. Правда, Котя? И вот я иногда думаю: что было бы, если бы ты, Котя, погиб? Сердце мое так сжимается, что кажется, вздохну разок – и смерть. Ты мне больше, чем муж, ты мне – товарищ и друг. И всё же скажу тебе: воюй, как надо, не жалей ни себя, ни нас, чтобы, когда вернешься, не пришлось скрывать от меня и Сережки чего-нибудь плохого.

Знай – нам без тебя будет плохо, но с тобой плохим – еще хуже. Ты будешь не тем, кого мы крепко и честно любим. И если тебе придется погибнуть, Котя, – знай, что этим ты навек свяжешь меня с собою. Мертвому тебе не изменю, всегда буду твоей, и наш Сережка никогда не будет знать другого отца. Пусть так и знают все меня, как твою вдову. Может, это опять из самолюбия, но я такая и не хочу меняться. Не щади себя ты, и я не пощажу себя.

Ну, расписалась... Пора кончать письмо. Ночь. Завтра надо рано вставать – дежурю в госпитале.

Сережка и я здоровы, живем хорошо...

Навеки твоя жена Людмила».

Прочитав письмо жены, лейтенант потряс руками, точно пробовал силу плеч, на которые предстояло принять ему непосильную тяжесть, и, не глядя на меня, приступил ко второму письму.

Он отвечал жене так:

«Людмила!

Прочел твое письмо и долго в ту ночь не спал – боялся, как засну – заплачу. А утром был в бою и только на следующий день нашел время ответить тебе. Пишешь, что если я погибну, то ты навек останешься вдовой. Не делай такой глупости, Мила! Скажу тебе прямо, ты чересчур была для меня хорошая, и я часто думал, что ты меня всё равно бросишь за всякие глупости, но ты сделала меня другим. В твоих руках я был, как Сережка десятимесячный. Сама скажи: разве я теперь не другой стал? Так что вот слушай, Мила. Гибнуть я, вообще-то говоря, и не собираюсь. Я сильнее любого немца, а весь наш народ сильнее Германии, мы их добьем.

Верь мне. Если же меня не станет, выйди замуж за хорошего человека и прибавь к его характеру свой. Ты слишком большая душа, чтобы быть одной. Мне жалко, если ты будешь одна и никто не узнает, какая ты замечательная, и не получит от тебя того, что получил я. Пусть те живут одни, у кого ничего нет за душой, а ты не должна, Мила. Это я приказываю тебе, как командир и товарищ.

Пребывая в опасности, я хочу знать, что жизнь твоя поднимается выше и выше. Но если так произойдет, что выйдешь ты замуж, Сережке всегда напоминай, что отец его был черноморский моряк, севавтополец, воевал в Крыму, на Кубани, под Новороссийском. Подрастет – свежи его в эти места. Тут меня и живого все знают, а если погибну – тем более. Слава есть все-таки кое-какая и сейчас. Пусть Сережка знает, кто такой его отец. Сделаешь, Мила? А если будет у тебя второй сын, прошу назови его Константином, в мою честь. А если дочка будет, то Джалитой. Ты знаешь, почему я прошу об этом.

Вот только не ездй со вторым мужем в те места, где мы бывали с тобою. Что мое, пусть моим и останется. И что твое было со мной, пусть так и сохранится в памяти и не повторится. Конечно, если выйдешь за моряка, так это невозможно не быть ни в Севастополе, ни в Балаклаве, но ты сама поймешь, где не надо бывать, и если на тех местах, где мы встречались, новые цветы выросли, так уж пусть и растут в мою память. О самом главном пишу в конце. Живется тебе с Сережкой трудно, ты меня не обманывай. Мы тут все письмами делимся, как табаком или хлебом, и я знаю, – все жены пишут, что живут отлично, вроде как и войны нет. Знаю, что врешь, но спасибо тебе, так и надо. Советская женщина, Мила, всё понимает. Это только немецкие стервы могут унижаться, просят своих шелудивых прислать чулки или трусики, – русская душа не способна на это. Мы тут с Володькой Берзелем как-то смеялись, что было бы, если б мы прислали вам домой краденые чулки и туфли. Не знаю, какая у него жена, а, ты бы меня из дому выгнала, это точно. Так вот о самом главном хочу сказать: за меня не опасайся, я на компромиссы не пойду и с позором к тебе не вернусь. Если встречу смерть, обходить стороной не стану, а мой характер ты, кажется, знаешь. Твой Константин».

Лейтенант откашлялся и, царапая ногтем стол, спросил, глядя в окно:

– Ну, как? Я сказал:

– Дайте мне ваше письмо. Я никогда не сумел бы написать лучше.

Лейтенант встал и, продолжая глядеть в окно, через плечо отдал мне листик письма.

– Возьмите, – сказал он просто. – Я не послал его почтой. Кто ее знает, почту... А сейчас такое начнется...

И вот я посылаю письмо его Людмиле, и своей Наталье, и вашей Нине, и всем вашим подругам, потому что действительно трудно написать письмо лучше.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

6 апреля 1943 г.

Здравствуй, моя дорогая Люсенька! По делам службы я вчера приехал в Сталинград, в великий город, где происходила самая крупная битва в мире и в истории. Город произвел большое впечатление, а также и река Волга. Здесь уже тепло. И вот я, таким образом, по Волге видел все крупные города – Сталинград, а прежние годы – Саратов, Куйбышев, Ульяновск, Горький. Люся, так что если Эля будет спрашивать, где ее папа, в каких городах бывал, то ты можешь это показать ей по карте.

Я пока живу хорошо, как вы живете. Я тороплюсь и на этом сейчас кончаю. Целую Элю, Лиду и тебя, дорогая. Алексей.

9 апреля 1943 г.

Здравствуй, моя дорогая доченька – Элечка! Элечка, ты интересуешься моей биографией. Что ж, я могу рассказать.

Месяц тому назад мне исполнилось 32 года. Я родился в 1911 г. В бедной крестьянской семье. Временами приходилось питаться соломой. Однажды от соломы у меня получился запор. Если бы не вмешательство твоего деда, я мог бы тогда умереть. Летом 1922 г. я в течение трех месяцев был в батраках в с. Вотча у кулака Мальнов Николая. Он мне ни на минуту не давал покоя. Я работал от зари до зари, и даже в праздники.

Тогда от чрезмерного физического напряжения я получил серьезное увечье – грыжу. Весной 1923 г. я пешком добрался до Сыктывкара, чтобы попасть на операцию в больницу.

Одет был я в лохмотья, и никто меня не впустил в дом ночевать, и я пошел на пристань, забрался под лодку и там тревожно дожидался утра. Утром пошел я в больницу, в ту самую каменную больницу, где твоя мама «покупала» первую Лидочку.

Через неделю меня положили на стол и вот врач – старенький, низенький с острой бородкой человек – начал спрашивать кто я: мужчина или женщина. Спрашивал он по-русски. Я ему по-русски же отвечаю, что – мужчина. Тогда говорит, усыплять тебя не буду.

И так он начал мне резать живот и вынимать мои кишки. Временами были сильные боли, и если я начинал стонать или скрежетать зубами, то этот старичок мне начинал читать нотацию, что-де сам назвался мужчиной, а начинаешь вести себя как баба. Я, конечно, сразу же прекращал стонать... Потом меня на коляске повезли в палатку и аккуратно положили на койку. Более суток я чувствовал сильные боли и не мог шевельнуть ни одним мускулом и заснуть на одну минуту.

Через месяц я уже был дома. В 1923 г. я поступил в Визингскую школу II ст. Там в течение 5 лет пришлось быть на одном хлебе, и каждую субботу приходилось бегать домой за хлебом. Зимой было холодно, а я всегда был одет худо — в холщевых штанах, и от этого я тогда получил ревматизм.

Весной 1927 г. я слег. Заболел острым хроническим суставным ревматизмом. Меня уложили в Визингскую больницу и там пролежал около месяца. Принимал уколы и электрванны, и я стал на ноги. В мае 1928 г. я окончил вторую ступень. После окончания школы была устроена экскурсия в г. Архангельск, куда мы приехали на п/х «Пушкин».

В августе 1928 г. я поехал в г. Пермь держать экзамены для поступления в университет. Экзамены я выдержал и был зачислен студентом общественно-экономического факультета. Проучился две недели и поехал в Ленинград, и поступил в пединститут им. Герцена. В мае 1931 г. кончил институт и был оставлен в аспирантуру. В 1933 г. кончил аспирантуру и был направлен в Сыктывкарский пединститут, через месяц был взят в РККА и демобилизован обратно в ноябре 1934 г.

С января 1935 г. по сентябрь 1937 г. работал ассистентом Сыктывкарского пединститута. С марта 1938 г. по декабрь 1940 г. был завучем Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школы. С декабря 1940 г. по май 1941 г. — директор Коми республиканского краеведческого музея. С мая 1941 г. по настоящее время нахожусь в рядах Красной Армии. Вот пока все, дорогая моя доченька. Живу хорошо. Здоров. С приветом твой папа.

26 мая 1943 г.

Мой милый друг, моя нежная жена, дорогая Люсенька, Здравствуй! Здравствуйте мои милые, хорошие деточки — Эля и Лида!

Горячий поцелуй и массу наилучших пожеланий посылаю я вам от чистого своего сердца. Люсенька, последнее время я от тебя получил четыре больших письма, дышащих горячими чувствами ко мне. Спасибо, Люсенька, большое тебе спасибо за эти письма. С большим удовольствием я их читал и много раз перечитывал. И в правду, сколько

в них вложено душевной теплоты и ласки. Наконец-то я дождался, что тебе удалось поправить свои денежные дела, столь волновавшие меня. Значит, ты получила ... и аттестат. Прекрасно.

Живи Люсенька! Не скучай! Пока будет биться мое сердце, я в нужде тебя и своих дорогих, умных деточек не оставлю. Письма твои датировал за 30.4.43, 2.5.43, 6.5.43 и еще раз за 6.5.43.

Люсенька, я, безусловно, буду стараться, чтобы в это лето состоялась наша встреча. Ведь, по правде говоря, я тоже очень и очень соскучился по вас. При первой возможности я обязательно постараюсь побывать дома. Но время военное, и особенно не приходится рассчитывать на получение хотя бы кратковременного отпуска. Вот разобьем подлого и коварного врага, и тогда уж мы обязательно встретимся навеки веков. Мы тогда все наверстаем. А пока надо терпеть тяжесть разлуки и прочие невзгоды. Но я не хочу сказать, чтоб ты, Люсенька, вела замкнутый образ жизни. Живи весело, общайся с подружками и не смотри на всяких ..., которые навряд ли научатся понимать жизнь. Жизнь человеку дается один раз, а потому нужно пользоваться всеми ее благами.

Я в восторге, что у тебя много друзей, с которыми ты можешь делиться всеми своими мыслями; такие люди, как Люся Нечаева, прекрасные товарищи, могущие понять все.

Я был благодарен Нине Федоровне, что она продолжает дружить с тобой, также благодарен Щукиной, Рассыхаевой и другим, которые относятся к тебе, как хорошему человеку. Интересно, что за Агнюша с тобой живет, знаю ли я ее? Спасибо Сане Юркиной за привет и что она продолжает помнить, как Есева, светлый образ нашего обожаемого Павлика...

Люсенька, судьба жестоко ударила по нашей семье. Очень тяжело узнавать, что после Павлика, ушел на веки от нас наш любимый Николай Александрович. Вечная память нашим смелым богатырям – Павлику и Кольке, сложившим на поле битв свои ясные головы за счастье нашего народа. Они герои, и их светлый образ будет вечно жить в наших сердцах. Фашисты жестоко просчитались. Они получают должное наказание за смерть, за гибель наших дорогих патриотов – Павлика и Кольки. За каждую каплю священной крови наших родных будет спущено море черной фашистской крови немецким людоедам. Вскипает беспредельная жгучая ненависть немецко-фашистским мерзавцам, внесшим в наш дом смерть и разрушения.

Люсенька, мне очень жаль твоего доброго папашу, что смерть скосила его. Он был замечательный старик, настоящий труженик! Жалко

его, что мне больше не удастся видеть этого скромного, молчаливого, но весьма доброго и трудолюбивого старика.

Постарайся, Люсенька, смягчить тяжкое горе твоей мамаше. Конечно, ей тяжело, но пусть она мужается и верит в тебя, что ты и я не оставим ее одинокой.

Насчет твоей работы я целиком доверяюсь тебе, поступай так, как совесть подсказывает. Безусловно, ты должна проявить максимум заботы Элечке и Лидочке. ... Пожалуй, Элечке будет неплохо у моих родителей побыть некоторое время, только, конечно, ты должна быть в курсе дела, как она будет себя там чувствовать.

На днях я был в Москве. Москва прекрасна. Смотрел там замечательный фильм «Она защищает родину». Жил у М.П. Жилось прекрасно. Ну, пока все. Остаюсь жив и здоров, целую крепко и люблю. Алексей.

7 июля 1943 г.

Моя милая Люсенька, здравствуй!

Дорогая Люсенька! Вот только что от тебя получил письмо: видимо, оно написано 23 июня с/г, ты забыла проставить число, а на штемпеле указано 23.6.43 г. Приятно получать такие письма, в которых ты пишешь, что у вас все в порядке и что мои дорогие деточки Элечка и Лидочка здоровы. Я радуюсь, что детишки там хорошо кушают, много гуляют и не скучают. А это ведь, в конечном счете, для нас с тобой, моя Люсенька, самое главное.

Очень хорошо, что ты помогаешь моей мамаше ухаживать за ее огородом. Безусловно, ты должна время от времени ездить в город и держать под наблюдением свою квартиру и огород.

Очень хорошо также, что ты навещаешь мою сестричку и ее детишек. Весели их всех Люсенька, своим присутствием. Ведь всем моим родным сейчас тяжело после получения столь горьких известий о гибели моих дорогих братишек. Пусть они мужественно переносят известия о гибели наших дорогих орлов Павлика и Коли, они честно сложили головы за счастье нашего народа. Мы их никогда не забудем. Пусть наши богатыри спят спокойно. Близок час победы над коварным врагом, лишившим жизни наших Павлика и Коли.

Люсенька, я пока живу хорошо. Здоров. Самочувствие хорошее. Жажду встречи с вами. Люсенька, вчера я получил награду – медаль «За оборону Сталинграда». Сейчас я хожу с медалью. Они украшают мою грудь. Сейчас ходил в баню. Хорошо помылся. Был в парикмахерской: постригся и побрился. Третьего дня знакомые ребята угостили водочкой.

Питаюсь я хорошо. Словом, стараюсь жить так, как подобает жить любящему жизнь и семью свою.

Я сейчас нахожусь не на самой передовой. Стою на квартире. Имею шикарную койку, так что отдохнуть после работы можно хорошо. В комнате всегда тихо и очень чисто. Я нахожусь все еще там, куда я приехал 17 мая.

Вот так обстоят мои дела на сегодня. Насчет твоей поездки ко мне я уже писал, что сейчас нет никакого расчета выезжать тебе ко мне. Конечно, не потому, что я этого не хочу, а ты знаешь сама, что я в любую минуту могу оказаться в другом месте, т.е. могу быть отправленным на фронт.

Люся, я тебе для сведения посылаю письмо Марии Петровны, ты побереги его.

Ну, все. Крепко-крепко целую вас всех. Любящий тебя твой муж Алексей.

8 февраля 1944 г.

Моя дорогая Люсенька! Здравствуй!

Здравствуйте, мои дорогие, мои хорошие деточки – Эля и Лида!

Родные мои! Шлю вам горячий поцелуй и мои наилучшие пожелания, впрочем, вот я опять нахожусь на фронте. Иду по пятам отступающего противника. Перед моими глазами прошли десятки сел и городов, где в течение двух лет шествовал проклятый немец, грабил и насиловал наших советских людей. Я на каждом шагу вижу их черную, разрушительную, бандитскую деятельность. Я нахожусь недалеко от того города, где я обучался в 1928–1933 гг.

В течение с 1 по 4 февраля я участвовал в совершении большого марша, что даже не имел возможности поздравить нашу красотку, нашу умницу Элечку с днем рождения, поэтому я ее поздравляю сейчас и желаю ей доброго здоровья. Я живу хорошо. Кормят великолепно, дают масло, печенье, сахар, папиросы – дают все, что душе угодно. Пока я здоров, мысленно всегда с вами. Пишите. Целую и люблю, Алексей. Адрес: ПП 45297-б.

30 июня 1944 г.

Дорогая Люсенька, здравствуй!

Шлю тебе и нашим детям – Элечке и Лидочке мой привет, горячий поцелуй и массу наилучших пожеланий – счастья и здоровья.

Люсенька, вот июнь на исходе, а я от тебя не получал писем с апреля месяца. Я очень волнуюсь за вас, хочу скорее знать, как вы живете, как здоровье детей. Интересуюсь также новостями городскими.

Я опять нахожусь на фронте. Пока живу хорошо. Радуюсь великим успехам Красной Армии, освобождающей нашу прекрасную родину от коричневой фашистской чумы. Близится час нашей долгожданной и радостной встречи.

Ну, пока. Остаюсь жив и здоров. Крепко целую, Алексей.

9 июля 1944 г.

Милая, дорогая Люсенька. Здравствуй!

Шлю тебе и нашим дорогим деточкам – Элечке и Лидочке – мой горячий поцелуй и массу наилучших пожеланий, а главное счастья и здоровья.

Дорогая жена и мои хорошие деточки, я опять на фронте, нещадно уничтожаю двуногих немецких зверей, разлучивших нас на такой длительный срок. Часто приходится участвовать в жарких боях и в больших походах, но пока что чувствую себя отлично. Пока совершенно здоров. Самочувствие отличное. Испытываю огромную радость по случаю изумительных успехов наших войск на белорусском фронте. ... Люсенька, почти за 10 дней освободили чуть не всю Белоруссию. Это громадная победа Красной Армии, которая приближает час нашей радостной встречи.

С питанием у меня дело обстоит хорошо. Постоянно есть масло, консервы, печенье, сахар. В баню хожу часто. Всегда имею чистое белье. Через день меняю подворотничок в гимнастерке. Через день же бреюсь. У нас есть замечательный парикмахер. Хожу всегда бритый и хорошо постриженный. Сейчас здесь стоит замечательная жаркая погода. Я частенько купаюсь.

Вот, видишь, Люсенька, я живу вполне нормальной жизнью. Мне только одного не достает – это то, что от тебя давно нет писем. Ведь я целых три месяца от тебя не получаю писем. Хочется быстрее узнать, что у вас там дома все в порядке. Пиши, Люсенька, у меня адрес теперь постоянный. Люсенька, я неделю тому назад сфотографировался – шлю тебе карточку. Посмотри и оцени, какой я стал. Вот пока все. Крепко целую, Алексей.

15 июля 1944 г.

Здравствуй, моя милая жена, моя дорогая Люсенька!

Шлю тебе и нашим дорогим деточкам – Элечке и Лидочке мой привет, горячий поцелуй и массу наилучших пожеланий в вашей жизни, а главное – счастья и здоровья.

Дорогая Люсенька, живу пока хорошо. Настроение отличное. Погода стоит дождливая, но теплая.

Каждый день по радио слушаю последние известия. Радуюсь по случаю блестящих успехов нашей славной Красной Армии и горжусь, что я сам являюсь участником этих беспримерных исторических побед нашей героической Красной Армии. Освобождены от немецких оккупантов города Петрозаводск, Минск, Вильнюс и тысячи других городов населенных пунктов. Красная Армия подошла к рубежам нашей государственной границы. Стало быть, близок час полного очищения всей советской территории от ненавистного врага. Все это означает, что в скором времени должна состояться наша радостная встреча, после чего мы можем с тобой зажить полной жизнью и наверстать всего того, что было упущено нами за эти три года разлуки. Я думаю, что по приезду я помогу заработать тебе орден «Материнская слава» или орден «Материния». Смотри, планы у меня хороши, вероятно, таковы и у тебя.

Люсенька, от тебя все еще нет писем. Скучаю. Беспокоюсь за вас, особенно за детей. Все ли у вас там в порядке? Пиши чаще письма. Как живут родные? Пишут ли твои братишки с фронта? Привет всем твоим родным и знакомым и, прежде всего, твоей мамаше, Володе, тете Лизе, Туркиным, Рассыхаевым, Изьюровым, Люсе Старцевой, Лиде Бызовой и Рудаковым.

Я сейчас в той области, где кончал институт.

Целую и люблю, Алексей.

13 августа 1944 г.

Здравствуй, дорогая жена, моя милая, хорошая Люсенька!

Люсенька, шлю тебе и нашим деточкам – Элечке и Лидочке боевой, фронтовой привет и пожелания счастья и здоровья. Моя красавица, сегодня на поле боя получил от тебя большущее письмо, написанное 28 июля с/г. За письмо большое спасибо. Оно мне принесло великое удовлетворение.

Во-первых, разреши поздравить тебя с днем рождения и пожелать в связи с этим наилучшие пожелания в твоей жизни. Твое письмо, моя роднulenька, наполнило мне ряд счастливых моментов. Мне так захотелось опять быть вместе с тобой и повторить все то хорошее и прекрасное, чем богата была наша супружеская жизнь.

Я с тобой согласен, что ты сможешь меня осчастливить и в дальнейшем. Во время отпуска я в этом убедился.

Люсенька, ты сказала Верке Есевой, что я ее брата видел, причем ее брат произвел на меня очень хорошее впечатление во всех отношениях. Молодец он, такой толковый и умный, даже симпатичный стал.

Вчера получил очень дружественное письмо от своего бывшего ученика Вишератина.

Люся, я пока здоров. Воюю неплохо, я теперь действую в км 100 западнее той области, где обучался в 28–33 гг. Часто о нас сообщается в сводке Совинформбюро.

Люся, напиши, получаешь ли ты мои переводы. Ты зря не сообщаяшь об этом мне. Пока все. Целую, Алеша.

11 ноября 1944 г.

Здравствуй, дорогая жена, моя милая, хорошая Люсенька!

Люсенька, шлю тебе и нашим умным деточкам – Элечке и Лидочке мой фронтовой сердечный привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни, а главное – счастья и здоровья.

Милая Люсенька, вот прошло уже больше месяца, как я перестал получать твои дорогие письма. Но, думаю, что в этом ты не виновата, а дело в том, что мы в последнее время весьма удачно продвигаемся вперед, и письма нас не могут догонять. Рассчитываю в скором времени сразу получить несколько твоих писем.

Отсутствие твоих писем я сейчас особенно болезненно переживаю, так как я сейчас все время нахожусь под сильным влиянием сладких воспоминаний тех счастливых дней, что мне удалось пережить год тому назад. Ведь я ровно год тому назад в эти дни переживал великое блаженство, находясь вместе с тобой. Буду вечно благодарить судьбу, что мне тогда удалось повстречаться с тобой и жить полнокровной жизнью в кругу самых близких, родных и дорогих для меня людей, а именно тебя, моя дорогая Люсенька, и наших любимых детишек – Элечки и Лидочки.

Сейчас я нахожусь очень далеко от вас, попал туда, куда и не думал никогда попадать. Только война могла бросить меня в этот далекий край, где люди говорят на непонятном языке, и где вся природа непохожа на нашу. У нас там, наверно, уже стоят морозные дни, а здесь все еще идут дожди, а подчас сопровождающиеся громом и молнией.

Недавно мы справляли великий праздник 27 годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Праздник провел хорошо. 6 ноября сделал доклад на торжественном собрании о великих успехах Красной армии, которая к празднику вышибла немецко-фашистских захватчиков с территории нашей страны и громит сейчас врага на территории Германии.

7 ноября был на торжественном обеде. Обед был с водкой и пивом. 8 числа тоже изрядно веселился, имея в достаточном количестве вина и пива. Было похоже на то, что бывало со мной на праздничные дни.

В общем, Люсенька, твой муж все еще такой, какой он и был раньше. Сейчас сижу и читаю газеты за праздничные дни, знакомлюсь, как прошел праздник в Москве, в Ленинграде и по всему Союзу.

Нам выдали новый, очень красивый костюм. Нас вообще очень хорошо кормят и одевают. Курим постоянно бесплатно папиросы «Беломорканал».

Но зато и много приходится работать, в общем, ты должна представлять, что из себя представляет солдатская жизнь, она бесспорно нелегка.

Вот так, Люсенька, я живу. 24 октября случайно встретился со своим бывшим учеником с Валентином Потаповым, он в очках. Ты его должна знать. Встречались мы с ним на море. На этом я пока кончаю. Привет передай от меня Туркину, Терентьеву, Нечаевой, Бызовой, Изъюровой, Выборовой Наде (если она вы городе), и твоей мамаше, и твоим братишкам. Целую, Алексей.

24 января 1946 г.

Родная Люсенька, здравствуй!

Шлю тебе и нашим милым и дорогим деточкам – Элечке и Лидочке свой привет, горячий поцелуй и массу наилучших пожеланий, а главное – счастья и здоровья.

Дорогая Люсенька, это письмо пишу в Ленинграде, в том городе, где прошли мои юношеские годы. Ты знаешь, Люсенька, 17 января я покинул Выхму, и, надеюсь, навсегда. 14 января покинул город Курессаре и в тот же день попал на Большую Землю. 20 января я уже был в Таллине, но так как в тот день было воскресенье, а 21 января – день смерти Ленина, то я только 22 января в Таллине мог решать свои вопросы. Два дня (20 и 21 января) я знакомился с Таллином. Он тоже большой город, масса народу. Жил я у Лыткина, он моряк. Когда-то учился и кончил Сыктывкарский рабфак. У него жена тоже коми – Вишератина, сестра у фельдшера Вишератина. С фельдшером Вишератиным мы случайно встретились в Таллине на вокзале, и он мне посоветовал пойти на квартиру к своему зятю. И не напрасно, Лыткин и его жена оказались очень хорошими людьми. Я, как следует, погостил у них.

22 января я был на приеме у одного большого начальника. Я ему сказал, что я плохой вояка, что мне следует быть дома. Он мне сказал, что этого вопроса он не может решить, что этот вопрос может быть решен только в Ленинграде, и меня направили в Ленинград. В Ленинград приехал 23 января, назначен на прием на 26 января, тогда предстоит

серьезный разговор, не знаю, чем кончится. Хотелось бы, чтобы демобилизовали.

Сегодня весь день ходил по Ленинграду, по тем местам, по которым ходил в 1928–1933-х годах. Ленинград по-прежнему прекрасен с его высокими домами и широкими проспектами. Народу тоже очень много. Был в магазинах. Товару много, только нужны большие деньги.

Остановился на квартире у одного знакомого офицера, он тоже служил на о. Эзель. Люсенька, в день отъезда получил от тебя письмо. Оно было написано 27.12.45. Насчет телеграммы я отвечал письмом. Меня не отпустили. Плохо, что Эля долго болеет. Единственное утешение, что она имеет отличные показатели в учебе.

Вот все. Как пойдут дела, буду своевременно информировать. Целую, Алексей.

1 февраля 1946 г.

Здравствуйте, мои родные – Люся, Эля и Лида!

Шлю вам привет из Ленинграда, горячий поцелуй и массу наилучших пожеланий, а главное – счастья и здоровья.

Завтра у нас большой семейный праздник. Нашей Элечке исполняется 9 лет. Разреши, дорогая Элечка, поздравить тебя с днем рождения и пожелать тебе всего наилучшего. Думал попасть к вам на этот праздник домой, но не удалось. Долго задержался в Ленинграде. Пока нахожусь в резерве. Ожидаю приказа о демобилизации. 26 января был на приеме в отделе кадров, там один из ответственных работников обещал удовлетворить мою просьбу, т.е. сказал, что можно надеяться на демобилизацию. Он спрашивал, куда я поеду после демобилизации. Я сказал, что поеду в Сыктывкар.

Почему-то меня тянет на родину и никуда больше не хочется ехать.

В Ленинграде жизнь хорошая. В магазинах все есть. На всех перекрестках продают пиво и водку. Я здесь раза два уже крепко выпивал. Два раза ходил в баню, причем в бане тоже есть буфет. Два раза ходил в кино. Первый раз смотрел «Разгром Японии», и второй раз «Великий перелом». В театре еще не был. Думаю тоже сходить. Вот и все мои новости. Остаюсь жив и здоров. Целую, Алексей.

Из аспирантской диссертации «Классовые корни национал-шовинизма» А.А. Старцева (1935 г.)

...События последнего года в Коми области характеризуют об усилении контрреволюционной деятельности национал-шовинистов группы Коюшева, Вежева, Осипова и К°.

Эти отъявленные буржуазные националисты, верные последователи, контрреволюционеров Латкина, Попова и Батиева, сомкнувшись с контрреволюционными остатками троцкистско-зиновьевской оппозиции группировки Попвасева, Чугаева, Завьялова и К°, вели гнусную подрывную работу.

***Дмитрий Александрович Батиев** родился в с. Гам (совр. Усть-Вымский р-н Республики Коми) в 1896 г. В 1917 г. окончил учительскую семинарию. В 1917–1918 гг. преподавал в школах Жешарта и Гама, организовал в Гаме эсеровскую ячейку, участвовал в создании уездного комитета партии эсеров. В 1919 г. вступил в РКП(б). В 1920 г. стал заведующим Зырянского отдела Наркомнаца РСФСР. Сыграл большую роль в создании Коми автономии. В 1921 г. его сняли со всех постов. По возвращению в Коми АО работал в профсоюзах, в 1924 г. возглавил Общество изучения Коми края, в 1925 г. – областной краеведческий музей. В 1928 г. его отстранили от руководства музеем и Обществом. В 1933 г. Д.А. Батиева арестовали, осудили за контрреволюционную деятельность, в 1937 г. арестовали во второй раз. В 1941 г. Батиев вновь был арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян в ноябре 1941 г.*

В президиум ЦИК СССР члену-секретарю т. Енукидзе
подследственного содержащегося под стражей в
г. Сыктывкаре специзоляторе Коми ОГПУ, первого
председателя зырянского Представительства в Москве
Батиева Дмитрия Александровича

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Товарищ Енукидзе, я к Вам обращаюсь данным заявлением как представителю Советского правительства, с которым мне пришлось ближе всего сталкиваться по национальному вопросу в 1921 г. во время организации Коми (зырянской) автономии. От Вас в то время я видел лишь одну поддержку и полное сочувствие моей работе при выполнении трудной задачи организации автономии, при полном противодействии великодержавного шовинистического крыла всех Губкомов и Губисполкомов, окружающих территорию с населением коми. Только при Вашей всемерной помощи, я в то время еще молодой коммунист (мне всего было 24 года) добился того, чего веками ждал Коми трудовой народ. Но прошло 12 лет с тех пор, Коми область живет и развивается, но я организатор этой области, отдавший всю свою молодость фактическому осво-

бождению... родного мне народа от векового двойного (капиталистического и национального) гнета в данное время сижу в специзоляторе Коми ОГПУ по 58 пп. 10 и 11 УК РСФСР как враг генеральной линии партии Большевиков и значит трудового Коми народа. Тут как будто имеется налицо полное противоречие и какая-то неясность, а посему ПРОШУ обратить при разборе дела серьезное внимание на все условия, при которых я совершил преступление против партии и трудового народа. Взвесить за и против все стороны дела и ДАТЬ МНЕ МИНИМАЛЬНОЕ НАКАЗАНИЕ в психофизическом отношении, и если даже я в данное время являюсь опасным элементом среди угро-финских народов, тормозящих проведение генеральной линии партии Большевиков среди них, то я тогда прошу ограничиться высылкой из пределов, краев и Областей населенных угро-финнами (Северного – Горьковского и Уральского) в любое место, в пределах СССР вместе с семьей, но ни в коем случае не помещать в концлагеря или в специзолятор, так как, тогда я буду разъединен с семьей, и вряд ли я выдержу такую потерю, а посему для совместного выезда с семьей прошу дать решение, куда бы меня ГПУ не выслало и освободить на 7 дней для сбора семьи и улаживания бытовых дел после получения на месте приговора Коллегии ОГПУ.

Настоящую просьбу обосновываю следующими причинами:

1. Происходя из бедной крестьянской семьи от малой национальной окраины, до революции я испытывал на себе двойной гнет, и особенно национальный. В школе я учился коми среди русских и постоянно вызывал среди них смех и издевательства своим незнанием русского языка и обычаев, и до 20 лет я был среди русских диким. Что породило во мне вражду ко всему русскому, и я стал страшным националистом, и все свои знания решил употребить на освобождение своего народа от национального гнета и тем самым приблизится сначала к русской, а потом и мировой культуре. Но для достижения равноправия народов я считал необходимым сначала освободиться от царизма, с каковой целью еще до Февральской революции вступил в нелегальный кружок с. р. в своей учительской семинарии в Костромской губернии. В Февральскую революцию принимал активное участие в Кинешемском районе, бывшей Костромской губернии, я был одним из организаторов фабрично-заводских комитетов и проводником арестов консервативных элементов. В 1917 г. по окончании семинарии приехал на родину в бывший Яренский уезд и тоже сразу принял живейшее участие в Октябрьской революции в качестве члена УИКА, а затем и Укома РКП (б), и во время белогвардейского нашествия на севере был членом военно-революционного

комитета в Яренском участке, и при ликвидации Северного фронта восстанавливал Советскую власть в своем крае. В 1921 г. был членом Обкома Коми и Зампредом Ревкома, и первым представителем в Москве, а далее все время на выборных должностях по профсоюзной, плановой, советской и национальной линиях. Еще в 1918 г. после объявления декрета о самоопределении народов, я вошел организацию Коми Котыр, цель которой была образование автономии коми народа. И с этого времени я не отступал от этой идеи, а в 1920 г. меня послали в Москву для осуществления самоопределения, где я, проработав два года, и осуществил вековые чаяния Коми трудящихся, и декретом от 5-го мая и 22 августа 1921 г. Коми народ фактически получил свою автономию в форме области. Но я не удовлетворился этим и лично вам на президиуме ВЦИК категорически настаивал на республиканскую форму правления, включив в нее всех Коми (зырян и пермяков), самоедов и даже вотяков. Думаю, вопрос был бы разрешен в положительном смысле, так как многие центральные работники и Наркоматы поддерживали эту идею. Но благодаря национальным склокам, на месте я был вовлечен в уголовное дело Зырянского представительства и снят с представительства, планы не осуществились и коми партийная организация и трудящиеся до 1929 г. не были спокойны, и все вновь и вновь ставили в центральных органах национальный вопрос в моем мышлении (вспомните борьбу Коми ОИКа с Северо-восточным бюро). Безусловно, в этой кампании я был основным застрельщиком и выступал в печати, и с докладами в ОБИКе, Облплане и в центре (все доклады о невхождении Коми Области в Северный край были написаны мной). И ВЦИК не раз постановлял в нашу сторону (считал целесообразным Коми край выделять в особую административную хозяйственную единицу в системе районирования. Но, в конце концов, в 1929 г. Коми Область была присоединена к Северному Краю и превратилась в обыкновенный район (как Устюг, Вологда и прочие). И теперь все отделы, подотделы и организации края диктуют жизнью коми народа во всех деталях, и значит Коми Обик — фикция, тот же РИК и не больше, и коми народ потерял всякие автономные права, и я, безусловно, не смог мириться с таким положением, отошел от лояльной надлинии и через краеведческую организацию, которую я возглавлял до последнего времени, делал ставку на разрешение нацвопроса уже не на центральное Советское правительство после присоединения Коми Области к Северному краю (я потерял всякое доверие к центру в разрешении данного вопроса), а на родственные по расе нам западно-европейские государства — Финляндию, Эстонию и Венгрию, и через них хотел добиться фактически полной автономии от русских,

веками нас закабаливавших. С этой целью были установлены связи с научными учреждениями Финляндии, Эстонии и Венгрии, путем обмена краеведческими нашими изданиями (где определенно проводилась эта идея самоопределения и видна была вся борьба в нацвопросе), и научных командировок в эти страны. И действительно, мы достигли цели, в 1926 г. и позже были напечатаны иностранными учеными в международных журналах соответствующие статьи, где была обрисована вся наша борьба за самоопределение и высказаны мысли и протесты против умаления прав угро-финских народов и в особенности коми народа Советским правительством в нацвопросе (см. статью Фукса на французском языке в Парижском журнале и финском международном журнале статья Сирелиуса). После 1929 г. официальные партийные круги на время умолкли, и я потерял надежду получить действительную автономию от Генеральной линии партии большевиков. В 1932 г. (после ликвидации краеведческой нашей организации) я стал вокруг себя собирать националистические элементы для подготовки отделения угро-финских народов от Советского Союза для образования самостоятельного демократического государства в случае интервенции, но прежде чем вести окончательно подготовку к отделению от Советов в угро-финский край, я думал еще раз поставить вопрос о центре, после нелегального вопроса населения, об образовании Советской республики в форме закавказской Федерации (объединив туда коми, пермяков, мари, мордву вотяков, самоедов, остяков, вогул). С территории от Северного ледовитого океана с островами до Казани, Уфы, от Мезени до границ Якутской республики, захватывая города Котлас, Пермь, Глазов, Ижевск, Краснококшайск и др., с населением не менее 4-х миллионов. Все предпосылки к самостоятельному существованию угро-финского объединения имеются: лес, горные богатства пушнина, речной транспорт и т.д. В таком же положении, как сейчас эта территория оставаться не может, так как в нашем крае ничего не видно, строили одну дорогу (в 275 км) и то приостановили, заводы не строятся, только пишут, кричат, а дело не идет, вся политика русского самодержавия нам давала только... Христианскую религию и больше ничего. Теперь кричат много и фактически дают тоже: непосильные налоги, принудительный труд, а о поднятии материальной и духовной культуры только кричат, и в данное время, как при Новгородском и Московском владычестве наш край остался сырьевой базой для Москвы, этому безусловно должен быть предел, и теперь каждый истый коми образованный человек не может мириться с настоящим положением, и ищем выход, и выход находим, именно в образовании самостоятельного государства. Таким образом, мое мнение не един-

ственное, и оно поддерживается всей угро-финской интеллигенцией, какую бы официальную окраску не имели. И я ничего плохого не видел в моей идеологии, так как самоопределение народов вытекает из самой Конституции Советского строя. Вот все вышеизложенное и довело меня до буржуазного национализма.

2. Я еще не могу считаться неисправным врагом Советского Союза потому, что я сразу чистосердечно признался во всем и выявил всю почву буржуазно-националистического течения в Коми Области (см. мои показания в деле). Всю свою жизнь работал в интересах трудящихся путем выявления неисчерпаемых богатств нашего края, ранее совершенно не изученного, собрал громадное количество научных материалов по краю и систематизировал их. Никогда не вредительствовал, а критиковал все недочеты правительственных органов в открытую, а не из-за угла. Об этом знают все коми ответственные работники.

3. Постоянная борьба между национал и великодержавным шовинизмами и нетактичные действия местной парторганизации (путем изоляции от общественно политической работы) развили во мне крайне националистическую идеологию.

4. Особенно в больших размерах наша организация последнее время в контрреволюционном себя не проявляла.

5. Все время работал на общее благо, ни с какими трудностями и личными интересами у меня никогда не было. Вспомните, товарищ Енукидзе, период организации Коми Области, с каким рвением я работал везде и всюду ... сам не спал ночей, не имея шапки, в Вятских лаптях заходил в Кремль, и так всю жизнь для себя ничего не заводил. Каким родился, таким и по сейчас остался. О моей прежней работе знают многие московские работники. Желательно их опросить, и тогда вы ясно представите меня в целом. Знают:

1. Митрошин Иван Петрович, адрес: Аэротехнический институт.

2. Минин Михаил Петрович, Коми представитель при ВЦИК.

3. Ноговицын, Нарком Сбезд РСФСР, вместе с ним организовывали области, он – Вотскую, а я – Коми.

6. Выйдя из буржуазно-националистической среды, я еще смогу принести довольно значительную пользу Советской власти по научной, экономической и юридической части как истый трудовой элемент, всю жизнь проработавший по найму.

В заключение заявляю, что наказания я не боюсь, заслуженную кару должен получить, но если, товарищ Енукидзе, Вы надеетесь еще, что из меня выйдет человек полезный для социалистического строительства, повторительно прошу дать мне возможность проявить во всей широте

себя как трудового элемента, что, по-моему, может быть только при высылке куда угодно с семьей, а не в политизоляторе или концлагере, так как иначе я не смогу показать свою преданность делу революции в полной мере. Особенно оторвавшись от любимой моей семьи, которая мне в трудные моменты давала всегда большую поддержку в работе, а лагерь и изолятор оторвут меня от семьи – базы энергии, и вряд ли я переживу такую потерю, это будет не нормальным, а физическим наказанием, что, по-моему, для меня в интересах же Власти Советов будет бесполезным.

Надеюсь, что Советская власть, в лице Вас, товарищ Енукидзе, правильно оценит положение вещей и даст мне просимые условия для доказательства на факте моих уверений в данном заявлении. При сем необходимо указать на прекрасное отношение ко мне сотрудников Коми ОГПУ, в лице его начальника Павлова Николая Александровича и начальника Щипалова Николая Ивановича, и главное – моего следователя Корнилова Павла Андреевича, во время следствия чем поддерживали мое настроение, иначе я бы, пожалуй, не пережил всю глубину расстройства нанесения мне этим делом и отрывом от семьи. За это перед Вами им приношу большую благодарность, так как своим сочувственным отношением ко мне возбудили во мне уже угасшую веру в силу и мощь Советской власти, и правильное разрешение национального вопроса для дорогого мне коми народа в Советской системе.

Дело мое направлено в Москву коллегию ОГПУ, и если еще туда не поступило, то, может быть, находится в Архангельске. Результат сообщите в Коми ООГПУ г. Сыктывкар.

Д. Батиев

15.08.1933 г. г. Сыктывкар.

Иван Григорьевич Коюшев родился 31.5.1901 г. в с. Додзь Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (совр. Корткеросский р-н Республики Коми). Окончил Усть-Сысольское высшее начальное училище (1917). Член РКП(б) с 1918 г. В 1918–1919 гг. – секретарь партийной ячейки, комбеда, Додзького волисполкома. В мае 1919 г. ушел добровольцем в Красную армию. В мае 1919 – январе 1920 г. принимал участие в гражданской войне в Сибири в составе 451-го полка 51-й стрелковой дивизии. В 1920 г. – агитатор в Омской и Тюменской губерниях.

В 1921 г. возвратился на родину, секретарь Визябожского волкома РКП(б), с июня 1921 г. – зав. организационным отделом и зам. Секретаря Усть-Сысольского укома РКП(б), член Коми ОК РКСМ, был делегатом Северо-Двинской губернской партконференции.

В 1922–1925 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова (Москва). В 1925–1926 гг. заведовал Коми областной совпартишколой. В 1926–1928 гг. – первый заместитель председателя правления треста «Комилес». В марте 1928 г. назначен заведующим организационно-инструкторским отделом и первым заместителем секретаря Коми ОК ВКП(б). В марте 1929 г. избран председателем Коми Облисполкома. С лета 1930 г. по июнь 1933 г. работал в Архангельске в Северном крайисполкоме зав. оргинструкторским отделом. Являлся членом Президиума Северного крайисполкома. В июле 1933 г. по решению оргбюро ЦК ВКП (б) направлен на руководящую работу в Коми АО и избран председателем Коми облисполкома. Занимал этот пост до 1935 г. Делегат 14, 15, 16 Всероссийских, 5, 6, 7, Всесоюзных съездов Советов, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Исключен из ВКП(б) 14 апреля 1935 г. «за буржуазно-националистическую деятельность». Выехал в г. Балахна Горьковской области, работал начальником ЖКО Балахнинского ЦБК. В 1937 г. переведен на ту же должность на Красновишерский ЦБК (Свердловская обл.).

Арестован 20 августа 1937 г. в г. Красновишерск, этапирован в Сыктывкар. 4 марта 1939 г. Верховным Судом Коми АССР осужден по ст. 58 п.10,11 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы. В заключении находился в Верхне-Човской ИТК, с конца 1939 г. – в Усть-Вымском ИТЛ. Освобожден в ноябре 1946 г. Вновь арестован в начале 1950 г. 22 июля 1950 г. по постановлению ОСО при МГБ СССР выслан на вечное поселение в Новосибирскую область. Освобожден из ссылки 12 августа 1954 г. Реабилитирован в 1956 г.

С 1954 г. проживал в г.Балахна, работал на Балахнинском ЦБК. С 1957 г. – на пенсии. Проживал в Сыктывкаре. Вел большую общественную работу. Умер 17 августа 1993 г. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1967), медалями, двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР, Почетной грамотой Коми ОК КПСС, Почетной грамотой Горьковского ОК КПСС и Горьковского Облисполкома и др.

Из воспоминаний И.Г.Коюшева «Странички жизни. Годы испытаний. 1935—1955».

...Написал письма И.В.Сталину и М.И.Калинину, которые хорошо знали меня. Но не получил ответа. Видимо, до них мои письма не дошли. Верховный суд РСФСР утвердил незаконное решение Верховного суда Коми АССР.

В Верхнее-Човской колонии заключенных, куда меня повезли после суда, встретил своих старых друзей, коми писателя Тима Вень (В.Т.Чисталева) и ученого-лингвиста Молодцова В.А., осужденных за «национализм».

...Когда заключенных в колонии стало слишком много, наиболее здоровых этапом отправили в Устьвымлаг...

С нами вместе были бывший второй секретарь Московского Комитета партии, бывший второй секретарь ЦК ВЛКСМ, бывший начальник штаба особой дальневосточной армии Богомяков Михаил Николаевич и другие бывшие партийные и военные работники.

Эльвира Алексеевна Старцева родилась в 1937 г. в Сыктывкаре. В детстве была чрезвычайно любознательным ребенком, любила читать книги. В 1954 г. окончила Сыктывкарскую женскую среднюю школу № 1 им. И.А. Куратова. С 1954 по 1960 г. обучалась на электромеханическом факультете Ленинградского политехнического института им. М.И.Калинина. С 1967 по 1972 г. заочно обучалась на Государственных центральных курсах иностранных языков (итальянский язык). В совершенстве владела также английским, немецким, болгарским и венгерским языками. В 1972 г. Э. Старцева также окончила полный курс Центрального института повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы по специальности «патентование». Работала инженером на Климовском машиностроительном заводе в Подмоскowie, затем главным специалистом отдела хозяйственной деятельности, прогнозирования, планирования и технической информации объединения «Интертекстильмаш». Умерла в 1992 г.

21 сентября 1942 г.

Папе на фронт от Эли привет! СССР.

Из письма-интервью первокурсницы Ленинградского политехнического института Эльвиры Старцевой (газета «Политехник», 1954 г.)

... Сейчас я еще острее почувствовала гордость за нашу славную Родину. Советская власть открыла двери в учебные заведения всем народам страны. У нас в Коми АССР работают сотни просторных, хорошо оборудованных школ, где прекрасные учителя кропотливо воспитывают молодежь. Получив прочные знания в школе, я успешно выдержала экзамен (прим. – все экзамены сдала на «отлично») в один из крупнейших вузов страны и стану впоследствии инженером-электриком.

Теперь передо мной стоит задача – упорным и настойчивым трудом завоевать почетное звание советского инженера. Я постараюсь овладеть

всем, что дадут мне в институте, чтобы затем отдать свои знания и силы любимой Родине, народу.

Николай Александрович Старцев родился в 1907 г. в с. Куниб ныне Сысольского р-на Республики Коми. Окончил педтехникум повышенного типа в Сыктывкаре. В 1925 г. направлен на работу в с. Летка заведующим избой-читальней. В 1928 г. назначен на работу в Летский районный отдел ВЛКСМ заведующим отделом пропаганды и агитации.

В 1928 г. уездный комитет направляет Н.Старцева на учебу в Московскую академию коммунистического воспитания имени Н.К.Крупской, где он окончил курс школьного отделения педолого-педагогического факультета. В 1930 г. Н.А.Старцев возвращается в Сыктывкар, где работает на ответственных постах (так, например, с мая по август 1930 г. он работал в качестве заведующего курсами по подготовке в ВУЗы и техникумы, был уполномоченным членом профгруппы ЦК). В 1932 г. он поступил, а в 1935 г. закончил Аспирантуру Высшего коммунистического института просвещения. Был допущен к защите диссертации на ученую степень кандидата педагогических наук «Роль наследственности и среды на развитие памяти». До защиты диссертации ему предоставлялось право преподавать педологию в высших учебных заведениях на правах доцента, а также занимать должность старшего научного сотрудника в научно-исследовательских институтах. Но защититься ему не удалось. В конце 1930-х гг. Н.А. Старцев был исключен из партии, на него было заведено уголовное дело «по политическим мотивам». Педология была объявлена лженаукой.

Н.А.Старцев (Тикон Коляй) оставил свой след в коми литературе. В 1929 г. в журнале «Ордым» были напечатаны его стихотворения «Черемуха» («Льбм пу»), «Весна» («Тулыс») и др. Позднее были напечатаны его стихи «Кто победит?» («Коді вермас?»), «Заплакал зверь» («Бёрддзис зверь»), «Засеем паровые поля» («Кодза кось выль»).

В 1938 г. Н.А. Старцев окончил физико-математический факультет МГУ. С сентября 1937 по октябрь 1941 г. работал в московской средней школе № 256 преподавателем математики. В первый год войны, несмотря на заявления Н.А. Старцева о добровольном зачислении в ряды РККА, его «как неблагонадежного» на фронт не призывали. В октябре 1941 г. он был послан исполкомом и отделом народного образования Советского района Совета депутатов трудящихся г. Москвы в город Алма-Ату Казахской ССР для сопровождения теплых вещей детям, находящимся в интернатах. 14.07.1942 г. Н.А. Старцев был призван на фронт. Служил в 303 СП 240 СД, по некоторым данным, в штрафном батальоне. Рядовой

(ранее он был лишен офицерского звания). Погиб в январе 1943 г. Захоронен в р-не д. Селявино Ворошиловградской обл.

31 июля 1941 г.

Телеграмма, посланная Марией Драчевой из Раненбурга в Москву мужу Николаю Старцеву. Мария Драчева с сыном Александром были эвакуированы из Москвы в Раненбург.

Доехали хорошо, устраиваемся, Сашек здоров. Целуем, привет Лахтиным.

10 августа 1941 г.

Письмо, посланное Марией Драчевой из д. Жабино Раненбургского района Рязанской обл. в Москву мужу Николаю Старцеву.

Раненбург. Ночь. Больница. 10.08.1941 г.

Дорогой мой, милый Колечка!

Какая жестокая судьба наша Наш родной сыночек лежит больной, тяжело больной, кто может поручиться за его жизнь, когда здесь даже врачей нет хороших, выехать нельзя, да и невозможно. Я с 8 числа нахожусь с ним в больнице в Раненбурге у него тактическая диспепсия, тоже самое, что и у Алешиных детей. Я, Коля, в такой тоске и ужасе, что не подлежит описанию мое состояние. Пишу на листке бумаги, которым играл Сашек, если ты жив мой родной Николай и получишь это письмо, сохрани лоскуток на память о нем.... Я долго колебалась, писать тебе или нет, т.к. не знаю, где ты и что с тобой. Я получила от тебя деньги, посланные тобой 25 июля, а мной были получены второго августа. С тех пор я от тебя не получила ничего. От Фасючки получена телеграмма, в которой она справляется обо мне у [Мудроновой?], а я тебе посылала телеграмму и открытку, на которые не получила ответ. Сейчас с Сашей опять было плохо, второй раз рвет его, весь исхудал, одни глаза с ресницами остались. Сегодня в 6.30 вечера была первая рвота, я стала просить врача, оказалось, что врача нет, она ушла в деревню, где живет ее семья.

Когда Коля ты едешь в армию, на фронт? Если ты не уехал, может быть, сумел бы приехать к Саше. Эх, да все бесполезно, никто не в состоянии изменить случившееся. Я только жалею о прошлом. Почему я не послушала тебя сразу, как только кончились занятия в школе, надо было ехать к твоим родителям и самой ухаживать за сыном. Какая злая, несправедливая судьба опять отнимает дорогое дитя наше. Как дорого достался мне Сашек, он стал напоминать Игруню, а теперь я не в силах жить без этой замены Игрининой. Если Саша умрет, то это и моя кончина

будет. Я буду тогда в Москве, а надо мою жизнь, пойду за тобой на фронт, не надо будет, оставляю ее на могиле своего сыночка.

Целую крепко, родной мой Николай. Перед тобой прошу прощения за те мучительные дни, которые ты провел со мной из-за моих родных. Я привыкла к тебе и любила тебя, а вторая сторона моя — это чувство привязанности к моим родным и жалость. Это все не дало мне спокойных дней на земле, это все, что можно сказать в письме. Прости и прощай. Навеки твоя Мария. Если получишь письмо, отвечай. Дай хотя телеграмму. Сегодня 11 августа, 5 часов утра, Саше 10 месяцев исполнилось.

Писать письма мне очень тяжело. Расскажи обо всем Лахтиным. Передавай им привет, также передавай привет Ольге Николаевне и Кире, Ольге...

Целую тебя. Мария. Вот уже 8.30 утра, а врача все нет и нет. Из госпиталя врачи сюда не идут, из консультации тоже.

Коля! Я Паше остаюсь должна 80 рублей. Чем буду отдавать я, право, не знаю. Что делать мне? Кто может помочь.

10 августа 1941 г.

Телеграмма, посланная Марией Драчевой из Раненбурга в Москву мужу Николаю Старцеву.

Сашурочка при смерти. Если можешь – приезжай.

11 августа 1941 г.

Телеграмма, посланная Марией Драчевой из Раненбурга в Москву мужу Николаю Старцеву.

Саша умер. Похороны четырнадцатого.

17 июня 1942 г.

Телеграмма Марии Петровне Драчевой от мужа Николая Александровича Старцева.

Из Устюга выбываю. Николай.

21 июля 1942 г.

Письмо Николаю Александровичу Старцеву от жены Марии Петровны Драчевой, посланное из Москвы в г. Слободской Кировской обл. На конверте надпись: «Адресат выбыл, переправить по наклеенному».

Мой милый, любимый Колечка!

Позавчера получила от тебя последнее письмо, где ты пишешь, что еще ни одного письма не получил от меня, а мне обидно, верно, что я пишу в пустоту.

Сейчас пишу шестое или седьмое письмо, а ответов на них не имею. Ну ничего, я рада, что хотя бы ты пишешь и не обижаешься на меня. Ты спрашиваешь, о чем я думаю вечерами, когда бываю одна? Я стараюсь скорее лечь спать, чтобы ни о чем не думать, т.к. у меня такая тоска, если я дома одна. Тебя, моего родного солнышка, нет, ты же один у меня, родной мой, а тут еще положение с моими родными очень плохое, и я ни один раз желала бы быть с тобой вместе, чтобы ты развеял всю мою тоску обо всем ужасе, который наполнил и сердце, и ум мой в отношении «павловцев». Ты, Колечка, одним своим словом сказанным, просто вселял в меня уверенность и наводил порядок в мыслях моих, я это тебе никогда не показывала, потому что я слишком самолюбива и горда, а сейчас я признаюсь тебе, что не хватает тебя мне, что одна мысль о твоём здоровье и возвращении ко мне всегда будет единственной...

Мне приятно слышать, что ты с удовольствием вспоминаешь нашу совместную жизнь и планируешь будущую... Да, голубчик мой, надо подумать о хорошей, спокойной жизни, пора нам действительно прекратить всякие ненужные ссоры, отравляющие жизнь. Я вполне разделяю твой взгляд на эти вопросы.

На могилке нашего дорогого первенца Игорюши я посадила настурцию, которую вырастила у себя на окне Фася и З.В. Кустиков на самой могиле ровно столько, сколько букв в именах наших деток: «Игорек и Саша», а у изголовья «Старцевы» (8). Ну, золотой мой, меня не забывают твои родители, такое хорошее письмо прислали, теплое, приглашают все к себе, да я видно буду сидеть на одном месте, чтобы ты меня не потерял из вида.

Недавно прислал и Алеша письмо очень хорошее, внимательное, так старается подбодрить меня в моем одиночестве. Один Павлик забыл меня.

Ну я им сегодня отвечу всем. Целую тебя крепко-крепко. Твоя жена Марочка. Жду тебя.

Книги, отосланные мной, еще не вернули мне обратно из Устюга.

21 июля 1942 г.

Телеграмма Николаю Александровичу Старцеву от жены Марии Петровны Драчевой.

Здорова, написала семь писем. Тебя жду, целую. Марочка.

24 июля 1942 г.

Письмо Николаю Александровичу Старцеву от З.Л.
Милый Коля!

Письмо твое мы с Фасечкой получили и очень рады были. Что касается свободных часов, то таковых у нас нет... очереди, очереди и всюду очереди или работа. Марочка твоя бывает у нас очень редко – ведь работа у нее без передышки, без свободных часов — чудеса, что хоть спать-то отпускают! А толковать нам не о чем – а главное, некогда. Хорошо, что хоть Марочка на готовом питании, а мы, спасибо Сереженьке, два раза приезжал в июле и кое-чего привез – но оба раза он был лишь по 3 дня – так как это было время паковки его казенных закупок; и приезжал и уезжал с речного Химкинского вокзала на пароходе «Хрущев». Хорошо хоть их питают хорошо, а население слабавато. Марочка тебе писала много писем, она, конечно, Коля без тебя очень скучает – и работа, конечно, ее очень выручает. Она удивляется, почему ты не получаешь ее писем, именно вероятно потому, что письма идут очень долго, а ты в это время переменяешь место жительства. Милый Коля, ты в пожелании советуешь «сытые обеды» – это, Колюшка, в прошлом или может быть лишь во сне!

Привет от тебя Сереже написала уже.

Собачонка наша жива и сыта лишь тем, что рабочие, получающие мясо, приносят ей косточки. Спрашиваешь, какие книги читаю — лишь которые беру из иностранной библиотеки. Все хоть какое-нибудь забвение от ужасных событий, происходящих на юге, да и кругом, на севере, юге, востоке и западе. Бедные наши павловцы, что они теперь переживают – ведь им и бежать-то некуда, да и бежать надо с деньгами, а у них откуда их? Привет дорогой, будь здоров, с Марочкой говорили о тебе. З.Л.

Дорогой Коля! Марка очень опечалена тем, что ты не получаешь от нее писем, а она тебе пишет. Сейчас она послала тебе деньги. Будь жив и здоров, дорогой наш Коля, все мы тебя любим и всегда помним, пиши же, не стесняйся, ты нас знаешь, все сделаем для тебя. Фася.

7 августа 1942 г.

Письмо Марии Петровне Драчевой от мужа Николая Александровича Старцева, посланное из Ивановской обл. п/о Золино.

Здравствуй, дорогая Марочка!

Я нахожусь в новом месте с 29 июля, вероятно, пробуду еще дней 20, а, может быть, и больше, кажется с очередной партией меня на фронт не посылают. Пока работаю политгрупповодом – помогаю политруку – выпускаю стенгазету и боевые листки и провожу политзанятия во взводе. Место здесь сухое, песчаное, дни стоят теплые, нахожусь в лагере. Питание неважное – малопривлекательное. Но острого голода не ощущаю.

Хлеба дают по 600 или 650 г в день. Точно не знаю, в обед и завтрак, так что на ужин у меня хлеба не остается. Сахар здесь дают нерегулярно и то – песком. Вчера я получил 100 гр., но после большого перерыва я весь песок израсходовал в полтора приема, то есть один раз напился досыта, а второй раз только на одну кружку хватило сахара. Газеты читаю регулярно, хожу слушать утренние передачи Совинформбюро. Сегодня исполнилось три месяца, как получил повестку о явке в военкомат. Было бы все неплохо, но не получаю писем, от Павла совсем не получал, а от тебя только одно. Больше всего получил от Алеши – 3. Я вроде передаточной радиостанции – всем пишу непрерывно, а сам ничего не получаю. Я сейчас совсем недалеко от Москвы, если бы не работа, то можно было приехать на день или два ко мне. Здесь хуже, чем в Устюге и Слободском – далеко от города и негде что-либо прикупить, хотя и денег сейчас тоже нет. Но вот в Слободском была мне возможность подработать на заводе – хорошо я там провел последние 5-6 дней. Ты мне пиши сразу же, напиши подробно о себе, надеюсь, что письмо твое получу, я уже отсюда писал, кажется 30 июля, уже жду ответа, не знаю, получала ли ты письмо и скоро ли я получу ответ. Меня больше всего интересует, как ты живешь и питаешься, только ли в столовой, или же кое-когда и дома удастся перекусить. Есть ли что в Москве из продуктов нового урожая – овощи и фрукты, и пробовала ли ты их уже. Третьего дня я впервые в этом году съел пол-огурца нового урожая, не знаю, удастся ли еще когда-либо съесть хотя бы другую половинку огурца. Как там у вас коммунальное хозяйство, работает ли водопровод и уборная? Не приезжали старые жильцы Городковы, Лаговские? Как тебе сшили новые кофты, и не удалось ли еще кое- что себе из платья исправить. Часто ли встречаешься с Лариными? Я им писал. Вероятно, они тоже ответили мне, к сожалению, по устаревшему адресу. Все тот же у нас комендант Сергей Николаевич, готовятся ли ... к занятиям? Мне можно посылать письма без марок. Не писал ли тебе писем наш лейтенант Павел Старцев? Алеша оказывается уже старший лейтенант. Как тебе нравится твоя работа, все ли, идет гладко? Что слышно о Кудряшовых, Косых, что нового у твоих знакомых – Половой Веры (?), Тамары Николаевны, Жени ... и др. Лахтиновы (?) еще в Рыбинске или нет. Святаша (?) как поживает, передай ей и Мише привет. Что ты сажала на Игоревской могилке? Поклонись ему в ноги и поцелуй за меня могилку. Я очень часто засматриваюсь его карточкой. Как-нибудь, организуй себе блинечную, съешь их, воображая, что с тобой вместе за столом Игорек, и я тоже наслаждаемся блинами. Ну, пока всего хорошего. Фасе и Зинаиде Владимировне привет, пусть мне пишут сюда и пусть передают

привет Сергею Сергеевичу. Напиши письмо моим родителям. Они меня спрашивают, где ты находишься. Их адрес: с. Пустошь, Коми АССР, Сысольского района, деревня Шорйыв Старцеву Александру Васильевичу.

Мой адрес: п/о Золино, Гроховецкого района, Ивановской обл. п/я №226, Литер «Г».

До свидания. Обнимаю и крепко целую. Николай.

29 августа 1942 г.

Письмо Марии Петровне Драчевой от мужа Николая Александровича Старцева, посланное из Ивановской обл. п/о Золино.

Дорогая Марочка!

Сегодня я получил твоё теплое, хорошее письмо от 20/VIII, за что горячо благодарю. Вчера выехал наш замполитрука сопровождать роту на фронт, и я с ним послал тебе письмо, но не знаю, побывает ли он в Москве и не забудет ли его передать тебе. Он пробудет в дороге, наверное, 2-3 недели, а за это время может многое измениться, возможно, меня пошлют отсюда, поэтому лучше ничего уже не посылай, в случае если заедет к тебе на обратном пути. Я очень рад, что ты живешь неплохо в смысле питания – это сейчас очень важно. Спасибо за джемпер, ты, значит, мне покупаешь уже второй джемпер, если буду, жив, верно, опять проношу лет 10. Если скоро поеду на фронт и побываю в Москве, я возьму, пожалуй, старый джемпер, а новый пусть пока хранится. Сашку я вспоминал, мне кажется, он умер 11 августа, а не 12-го. Конечно, их обоих жалко, помнишь, когда вы выезжали в прошлом году в Рязанскую область, при посадке в вагон Сашок спал, и я его специально разбудил и поцеловал, мне было с ним почему-то грустно расставаться – было нечто вроде плохого предчувствия. Но ведь ты сама понимаешь, что взбудоражить нашу жизнь смерть Саши, конечно, не смогла, как это произошло со смертью Игоречка. Игорек за свою жизнь всколыхнул все глубинные наши чувства и мысли, и его потеря, и его жизнь всегда будут затмевать все прочие горести нашей жизни. Вообще жизнь Игорька, он сам, в моей и нашей жизни – это самое великое и сильное событие, которое будет волновать нас всю жизнь. От Алеши получал открытку, пишет, что живет хорошо, больше писем ни от кого не получал. До чего хочется побывать теперь на родине и запастись там грибами, ягодами и прочими продуктами. В такие времена мысли о продуктах всегда бывают до предела переполненными и заостренными. Завтра у нас бригадный праздник, годовщина. Обещают лучше питание. У меня гимнастерка и брюки грязные, но сегодня пришил к гимнастерке подво-

ротничок из белой тряпки – праздник, так и одеваться нужно по-праздничному. Здесь мой земляк из Куниба, это он опять передал твоё письмо мне. Сейчас строят на обед. Придется сделать перерыв.

Интересно, значит, Арон Семенович жив-здоров, кем же он служит? Фасе спасибо за привет и поцелуй. Я думаю, что здесь пробуду уже недолго, но точно сказать не могу, все зависит от командира роты. Но писать ты продолжай, невелика беда, если часть писем пропадет, зато каждое полученное письмо добавляет большое удовольствие. Сейчас 7 час. вечера – настроение немного приподнятое. Интересно, Кудряшovy остались все в Павловске или выехали, я думаю, Нюся, по крайней мере, выехала, наверное. Когда ты поешь, как ты с Фасей обедала, с вином и как ты складывала блины – мне кажется, что и я участвую в этих трапезах.

Ну, родная Марочка, до свидания, целую много раз и обнимаю. Сильно распространяться сейчас не могу, кругом начальство, собираемся ужинать, делают сахар, в общем, масса дел и недосуг.

Привет Лахтиным. Николай. 29/VIII 42 г. Сегодня месяц, как нахожусь здесь.

15 декабря 1942 г.

Письмо с фронта Николая Александровича Старцева жене Марии Петровне Драчевой.

... Марочка!

Жив и здоров. Жаль, что не получала мои письма. Я просил прислать теплые рукавицы – можно 2 пары, ватные кальсоны и рубашки из старья. Новых вещей не надо. Мягких тряпок – носовых платков, бумаги, хороший карандаш и конверты (сделай сама) или открытки. Из дому просил сухарей – ничего не слышно. Любимого нашего Павлика убили. Я страдаю из-за холода и оттого, что нет с вами хорошей письменной связи. Привет Лахтиным. Будь здорова. Тысячу раз целую и крепко обнимаю. Николай.

Февраль 1943 г.

Письмо Старцевой Людмиле Петровне из Москвы от Марии Драчевой.

Дорогая Людмила Петровна. Получила я от вас открытку, за которую Вас благодарю. Ваше внимание мне дорого очень, но меня простите за молчание, я просто не могу выбрать время, чтобы писать всем аккуратно письма. Получила я очень давно от Алеши два письма в декабре месяце. Он все просил, чтобы к Новому году прислали маленькую

посылочку с горячим и с закуской, но, к сожалению, я этого сделать не смогла, я еле-еле Коле собралась отослать. Из вашего письма я не могла понять, что Вы сообщаете мне о гибели нашего любимого Павлика. Только прочитав письмо Колино, и вторично прочитав открытку Вашу, я поняла о постигнувшем нас горе. Сколько слез, сколько печали внесло в мою жизнь это сообщение. Недавно получила от родителей письмо, бедные-бедные старики вырастили деток, а теперь одинокие совсем. Жаль мне их ужасно, но что делать такова судьба многих. Я рада, что Вы сумели деток на ноги поставить, это ваше счастье, цените его. Целую деток и Вас. С приветом. Мария.

Павел Александрович Старцев родился в 1919 г. в с. Куниб ныне Сысольского р-на Республики Коми. Окончил Кунибскую начальную школу, затем – Межадорскую школу коммунистической молодежи. В школе был председателем учебного комитета, секретарем комсомольской ячейки, пионервожатым. После работал в райкоме ВЛКСМ секретарем по учету кадров. С 1935 г. по 1938 г. учился на педрабфаке в Сыктывкаре. Обучаясь на педрабфаке, вел большую общественную работу: был членом комитета ВЛКСМ, комсоргом и старостой группы. В 1938 г. поступил на факультет естествознания в Коми пединститут. После окончания 3-го курса пединститута в июле 1941 г. был призван в ряды РККА. Направлен в Горьковское военное училище. Получил звание лейтенанта. В 1943 г. погиб на Северном направлении.

24 апреля 1942 г.

Дорогая Эля!

Привет с фронта отечественной войны от дяди Паши. Я здесь уже 20.4.42 г. Настроение хорошее, питание хорошее. Спать приходится мало с 10 ч. вечера до 3 часов утра. Что пишет папа твой? У меня одно стремление – побыстрее закончить войну с победой и возвратиться в Сыктывкар к тебе, и погулять в парке, и по павильонам. Где находится дядя Александр Д.? Привет твоей маме, и Але, и ее маме. Твой дядя Паша.

Адрес: Полевая почтовая станция 1485 отдельный 167ДСБ 1я ДСР.

27 мая 1942 г.

Дорогая Эля!

Привет от дяди Паши с фронта. Вот уже больше десять месяцев, как мы с тобой попрощались в пристани Сыктывкар. Мне все кажется, что это было как будто только что вчера. Помнишь Эля, как хорошо нас тогда провожали с духовым оркестром, и все девушки нашего института,

я тогда перед посадкой на пароход дал даже один букет цветов, который мне подарили мои подруги по учебе. Я второй букет все время до Архангельска на пароходе хранил на столике в каюте.

Вот здесь уже живу больше месяца. Питание хорошее дают все, что полагается лейтенанту по норме.

Мне очень уж хочется с тобой побывать в парке культуры и отдыха днем, и играть у вас дома патефоном.

Я два письма уже получил от твоего папы. Он все живет хорошо и беспощадно уничтожает гитлеровских бандитов.

Как тебе Эля живет? Как в детском саду кормят? Часто ли ходишь в кино, и какие кинокартины тебе больше понравилась? Я живу хорошо здесь все время. Я тебе писал уже один раз отсюда письмо, получала нет ты.

Привет твоей маме, тете Нине, Дуне, Але, Вове, где сейчас у Али папа?

Твой дядя Паша.

Адрес: Полевая почтовая станция №1485,167 ОДСБ, рота, лейтенанту Старцеву.

28 июля 1942 г.

Дорогой брат Николай!

Сегодня я получил от тебя письмо. Недавно два мои последние тебе письма обратно возвратились.

Я, Николай, жил все время здесь хорошо. Сейчас работаю на той же должности, как и Алексей.

От Алексея и из дома три письма получил. Дома живут там ничего. Алексей мне послал от Марии Петровны... Ну, все на этот раз. Павлик.

Анна Фёдоровна Вехова родилась в 1902 г. в д. Старая Майна Мелекесского р-на Самарской губернии. С 1921 по 1925 г. работала воспитателем в детском доме г. Вологда. В 1925–1927 гг. преподавала в начальной школе с. Усть-Вымь. В 1931 г. окончила исторический факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена. С 1931 г. по 1938 г. работала преподавателем истории в Сыктывкарском педагогическом техникуме и средней школе № 1. С 1938 по 1957 г. была старшим преподавателем истории, деканом историко-филологического факультета Коми пединститута. Вела активную общественную работу.

Автобиография

Я родилась в с. Старой Майне Мелекесского уезда б. Самарской губ. (теперь Чердаклинский район Куйбышевской обл.) 1/XII 1902 г. в

семье крестьянина Вехова Федора Степановича. Родители занимались земледелием. В период 1910–1914 гг. пытались одновременно заниматься мелкой торговлей, но неудачно, проторговались. Я до 1914 г. училась в нач. школе, с 1914 г. по 1917 г. работала в с/хоз-ве отца и одновременно занималась самоучкой за 4 кл. гимназии. Весной и осенью 1917 г. сдала экстерном за 4 и 5 кл. гимназии и продолжала учебу самоучкой (родители не имели средств содержать в городе). В 1919 г. осенью открылась школа II ступ. в нашем селе Старой Майне. Я поступила в последний класс и весной 1920 г. окончила Старо-Майненскую школу II ступени. 1/IV 1920 г. умер у меня отец от воспаления легких, и я с 1/VI 1920, сразу после окончания школы стала работать библиотекарем, затем и зав. волостной библиотекой в Старой Майне. На моем иждивении была мать 51 года и брат 14 лет. Осень 1921 г. Старо-Майнинский волисполком командировал меня в качестве сопровождающей голодающих детей Поволжья в Вологду. С 26 сентября 1921 г. я стала работать воспитательницей в приемнике-распределителе детей Поволжья и перевезла в Вологду мать и брата. В Вологде мать умерла в 1922 г. от истощения, брата взяли в детдом. В 1923–1924 гг. работала воспитательницей в детдоме № 7, а в связи с его реорганизацией переведена была в 1924 г. в детдом № 3 (школа-коммуна), где работала воспитательницей-учительницей в начальных классах до весны 1925 г. В октябре 1925 г. я вышла замуж и из Вологды выехала в Устьвымский район Коми АССР. С 15/XII 1925 г. работала в начальных школах Устьвымского района. В 1927 г. осенью поступила учиться в Ленинградский педагогический институт им. Герцена на общественно-экономическое отделение. Педагогический Институт окончила в январе 1931 г. и через Северный краевой отдел нар. Образования была направлена для работы по истории в Сыктывкарский педтехникум. В педтехникуме за хорошую работу была премирована 4 раза. С 17/III 1935 г. была переведена Облоно в среднюю школу № 1 преподавателем истории в старшие классы. За хорошую работу в ср. школе № 1 была премирована 2 раза. С осени 1936 г. по совместительству со средней школой я вела методику истории в пединституте и руководила педпрактикой студентов истфака. С 1937 г. перестала работать в ср. школе, окончательно перешла в Коми пединститут преподавателем истории древнего мира.

Моя общественная работа началась с самого начала моей работы, назову важнейшие. В Вологде была делегаткой женотдела при горкоме ВКП (б) в секциях кооперативной и народ. отрядов, выполняла роль внештатного инспектора по обследованию жизни подопечных детей. В пединституте им. Герцена 3 года была старостой курса и представителем

в кафедре педагогики, работала по поручению факультбюро и т.д. В Сыктывкаре в период 1931–1935 гг. была членом м/к союза учителей при Педтехникуме и членом Коми Облпроса (1932 г.).

В период 1935–1937 гг. была председателем М/к союза учителей нач. и ср. школ в шк. № 1; 1937–1939 гг. – член М/к при Коми пединституте. С 1939 г. бессменно профоргом группы историков, включая 1943 г. В 1941–1942 гг. работала председателем Осоавиахим при Коми Пединституте. В 1942 г. работала летом руководителем агитмассового коллектива в Максаковской запани, затем ноябрь–январь 1943 г. на судовой верфи, февраль–май 1943 г. в школе механизации кадров с/х-ва.

В настоящее время в пединституте работаю старшим преподавателем истории древнего мира и методики истории, являюсь и. о. зав. кафедрой истории. По общественной работе являюсь председателем М/к союза работников В.Ш. и Н.У. За время пребывания в Сыктывкаре много выступала с лекциями и докладами на предприятиях и перед учителями города.

Родственников со своей стороны не имею, брат Геннадий Вехов убит на фронте Отечественной войны на подступах к Ленинграду. Муж, Попов Николай Викторович, с 3/II 1942 г. сражается в рядах Красной Армии на фронте с фашистскими захватчиками. Я и муж члены ВКП(б). Муж награжден медалью «За боевые заслуги».

1 февраля 1944 г.

Первомайский приказ т. Сталина (рукописные заметки А.Ф.Веховой).

Первом. приказ т. Сталина является новым документом Отеч. войны, документом, в котором дается анализ определенного периода войны, подводятся итог и намечаются перспективы дальнейшего хода Отеч. войны и задачи сов. народа в тылу.

Прежде всего, т. Сталин указывает, что Кр. Ар. со времени разгрома немцев под Сталинградом ведет непрерывное наступление и прошла с боями от Волги до Сережа, от предгорий Кавказа до предгорий Карпат, выметая фашистскую нечисть с советской земли. В ходе зимней кампании 1943–1944 гг. Кр. Армия выиграла историческую битву за Днепр и правобережную Украину. Возвращены Родине металлургия Донбасса, руда Криворожья, Керчи и Никополя, плодородные земли между Днепром и Прутом. Сокрушены мощные оборонительные укрепления немцев под Ленинградом и в Крыму. Почти вся Украина, Молдавия, Крым, Ленинградская и Калининская области, часть Белоруссии очищены от немец. захватчиков, что составляет $\frac{3}{4}$ захваченных немцами территорий. Освобождены десятки тысяч сел и деревень, и вызволены

из фашистского рабства десятки миллионов советских людей. Красная армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией на протяжении 400 км и положила начало полному изгнанию немецких грабителей.

В огне войны, в огне сражений закалилась Кр. Армия. Ее успехи – это результат правильной стратегии и тактики советского командования и славн. руков. т. Сталина, результат высокого морального духа каждого бойца и командира, борющихся за правое дело, за свободу и независимость своей Родины. Успехи Кр. Армии обеспечивались первоклассной советской военной техникой.

Все эти условия созданы сов. строем, и все победы возможны только при сов. строе, когда Армия получает полную поддержку тыла, когда тыл и фронт сплотились воедино. С 1-х дней Отеч. войны по зову т. Сталина поднялся сов. народ на борьбу за честь, свободу и независимость своего отечества.

Т. Сталин в первом приказе говорит: «Но успехи Кр. Армии могли бы оказаться непрочными, и они были бы сведены на нет после первого же серьезного контрудара со стороны противника, если бы Кр. Армию не подпирала с тыла весь сов. народ, вся наша страна.

Т. Кузнецов на XII пленуме ВЦСПС перечисляет, что сделано (рабочими) трудящимися за годы войны. I труд от 14/II 1944 г.

За последние годы в строй вступили сотни новых фабрик, заводов. Как иллюстрация к этому положению Сталина можно привести рост промышленности нашей Коми Республики. Воркута и Инта стали давать уголь в большом количестве, в 1943 г. дали более 1 млн. тонн угля, эшелоны угля получил Ленинград. За 1944 г. дадут стране 2,5 млн. тонн угля. Построена Сев-печорская магистраль в 1400 км. Миллионы сов. людей получили в пром. И овладели новыми специальностями, получили квалификацию в Коми более 200 новых квалиф. кадров.

Т. Сталин отмечает роль в успехах Кр. Армии колхозов, совхозов, советского крестьянства, дающего фронту и населению продовольствие, сырье промышленности. Сов. интеллигенция обогатила сов. науку и технику, культуру и искусство новыми достижениями, открытиями, дала возможность использовать те богатства нашей страны, кот. Были еще неизвестны до войны. Т. Сталин отметил и заслуги сов. женщин, самоотверженно вставших на защиту отечества в рядах РККА и в тылу на любые, самые трудные участки работы, заменяя ушедших на фронт мужчин.

В свете Сталинского первомайского приказа мы должны рассмотреть работу XII пленума Всесоюзного Центрального Совета профессио-

нальных союзов. XII пленум ВЦСПС проходил с 10/III по 15/III, как раз в те дни, когда радио ежедневно приносило нам весть о победе.

***Попов Николай Викторович (1897–1991).** Уроженец с. Падзеро Котласского р-на Архангельской губ. До войны работал учителем, воспитателем в г. Вологде, с. Айкино, в г. Сыктывкаре. Призван в армию в 1942 г. После войны работал в Республиканском лекционном бюро, в Коми отделении общества «Знание».*

Письма Н. В. Попова матери и жене А. Ф. Веховой.

7 июня 1943 г.

Дорогая мамаша!

Спасибо за частые письма, пока бумага есть, но так как я пишу часто, то и этой бумаге придет конец. Благодарю за поздравления с днем рождения. Живу хорошо. Питаюсь отлично. Время идет очень быстро. ... Что-то я его потерял из виду. Вот скоро будет два года войне. Пока бои идут не очень ожесточенные, но они с каждым днем делаются крепче. Немчуре жаль отдать обратно нашу землю, но нет сил, и постепенно сдаст, переходя в контратаки по нескольку раз. Есть у меня фотокарточка одна, которую присылаю тебе. Дорогая мамаша, здесь нет фотографии, я случайно снялся на документ и получил эту карточку храни. ...Разобью врага сам постараюсь приехать домой. Конечно, очень соскучился по тебе, моя дорогая мамаша. Еще много причем тяжких лет до нашей встречи. Привет Лене и Леле с семейством. Целую крепко, крепко. Любящий тебя Коля.

24 января 1944 г.

Дорогая Нюра!

Писать письма, к сожалению, писать при повседневном продвижении вперед не сможешь часто. Идет ожесточенный бой. Все время проводим на улице. Сегодня идет слякоть, сверху мочит, и с ног смочило, а просушить негде. Пишу письмо, а вдруг заиграла гармонь, и слезы появились на глазах, вспомнив то, как я жил с тобой и как живу сейчас, воюя. Нахожусь на передовой это – в 400 м от врага. Бьет артиллерия, сея смерть, а ты весь в грязи в мокрой, холодной землянке. Работы много надо подготовить к операции свой коллектив. Целую крепко, любящий Коля.

12 февраля 1944 г.

Дорогая Нюра!

Спасибо за письма. Живу хорошо. Наступаем все время, гоним немцев с нашей земли. Сегодня, освободив большую деревню, а вначале

перед этим отрезав железнодорожный путь, мы освободили около 2000 человек женщин, детей, мужчин, которые были очень-очень рады нас встретить, поговорить с нами, рассказать свое горе, как они жили у немцев. Старики нас целовали со слезами на глазах. Хотя мы на вид очень-очень грубы и неприглядны. Поговорив на дороге при встрече несколько минут, мы снова идем вперед освобождать угнетенных наших братьев и сестер. Живем в лесу, глубоко вкапываемся в землю, продвигаемся ночью. Пиши о себе, как живешь. Моя температура в землянке наполненной дымом в ... около 3-4 градусов тепла. Но мы к этому привыкли, хотя много грязи. До свидания, целую крепко. Любящий Коля.

15 марта 1944 г.

Дорогая Нюра!

Спасибо за частые письма. Мы ежедневно продвигаемся вперед. Гоним, бьем врага – приближаем победу ежедневно. Спасибо Вам, неутомимым работникам тыла, создающим все нужное для фронта своим непосильным трудом. Получаю письма часто от Мамаши, рад, что она живет ничего. Приближается весна, и тебе опять нужно беспокоиться об огороде. Конечно, садить будешь одна, а вот если, может и я подбеду. Передай привет Лене и Леле с семейством. Пиши о себе, как чувствуешь. Привет Ан. Кир. с семьей, твоим новым соседям. Целую крепко. Коля.

14 апреля 1944 г.

Дорогая Нюра!

Началась распутица, снег повсюду начал днем и ночью таять. В землянке сыро, не знаю, как избавиться от воды. Был целый день на учебе парторгов, где слушал интересные лекции на политические и международные темы. Лектор, капитан Ходжаев, грузин, читает очень интересно, живо, входит в такой азарт, что иногда и по плечу прихлопнет, когда рядышком сидишь. Прослушали три часа, а прошло незаметно. Мой доклад на тему «План партийного бюро батареи и как нам его выполнить» сделал удачно, много внес практического, все показывал наглядно. Семинар дал много хорошего и полезного, особенно в разделе обмена опытом своей работы. Живу хорошо, привет от парторга Бутырова. Пока до свидания, целую, крепко любящий Коля.

28 апреля 1944 г.

Дорогая Нюра!

Поздравляю с наступающим праздником Первого мая. Мы продвигаемся вперед, а в свободные минуты готовимся к празднику.

Хотим выступить с самодеятельностью. Много готовим песен, соло, плясунов, так что праздник встретим на отлично, а главное – победы Красной Армии. Почему-то Мамаша не получает от меня письма, напиши, что я живу хорошо. Здоров и обещаю со скорой победой возвратиться к своим родным. До свидания, целую крепко, любящий Коля.

28 мая 1944 г.

Дорогая Нюра!

Вчера был на большом собрании партактива, где были все офицеры и немного генералов. Был доклад генерала о выполнении нами в наступательных боях приказа товарища Сталина. Докладчик имеет 34-летний стаж армейской службы. Доклад был построен на фактах, проникнут глубоким чувством патриотизма, длился около полутора часов, все 200 человек слушали с большим вниманием. Мне пришлось выступить, рассказать, как проходила у нас работа. Нами получена 21 благодарность, 4 человека представлены к награде, и считаемся лучшей боевой оснащенной единицей, а в наступлении служим примером для остальных. До свидания, целую крепко, любящий Коля.

22 июля 1944 г.

Голос девушки

Раскинулись рельсы стальные,	Не забудем мы слез материнских,
По ним эшелоны летят,	Суровых бровей у отцов,
Они из России увозят	Которые нас провожали,
В Германию русских девчат.	Как будто живых мертвецов.
Прощай, дорогой городишко,	Не слышно нам русских здесь песен,
Прощай, дорогая страна,	Родных нам теперь не видеть.
И ты, черноглазый мальчишка,	Как вспомнишь, так сердце забьется,
Прощай, вспоминай про меня.	И громко кричишь: ты раба!
Прощайте, зеленые парки,	Раскинулись рельсы широко,
Мне больше теперь не гулять	Лишь лагерь чернеет вдали,
Я еду в Германию хмуро	Теперь мы, мамаша, далеко
Свой век молодой доживать.	От русской родимой земли.

Стишок найден в пустой избе за иконой. Написан 28.04.44 г.

От Коли.

28 июня 1944 г.

Дорогая Нюра!

Все время ежедневно наступаем, скоро ... будет нам. Вчера были под Витебском. Наши части работают замечательно. Неприятельской

авиации пока не видать. Наши ежеминутно десятками бомбят неприятельские пункты сосредоточения. В небе только шум стоит от работы моторов. Пока идут дела блестяще ... нет. Может письма, будешь получать редко, ведь мы все движемся. Остаюсь, любящий Коля. Целую тысячу раз.

6 июля 1944 г.

Дорогая Нюра!

Спасибо за письмо, которое получил в момент ожесточенных боев. Сегодня отбили семь вражеских контратак. Немцы были пьяные, идут, кричат что-то по-своему. Много легло, не добившись результатов. Работаем, круглые сутки, от быстроты нашего передвижения зависит успех. Если жив останусь, то, конечно, постараюсь, чтобы попасть на ... работать. Пока о переводе учителем на подработку и думать нечего. Тылы переполненные, и здесь не достает. Среди огня пуль и контратак пробив ... не всем хочется быть. До свидания, целую крепко, любящий Коля.

10 июля 1944 г.

Тучи над городом встали

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой
За далекой, за Нарвской заставой
Парень идет молодой.

Черные тучи метутся
Ветер нам дует в лицо
За счастье народное бьются
Отряды рабочих бойцов.

Далека ты путь дорога.
Выйди, милая моя.
Мы простимся с тобой у порога
И, быть может, навсегда.

Далека ты путь дорога
Выйди, милая, встречай!
Мы простимся с тобой у порога.
Ты мне счастья пожелай.

20 июля 1944 г.

Привет из Латвии!

Добрый день, дорогая Нюра! Мы вот уже несколько дней находимся в Латвии, пройдя Белоруссию и освободив ее от немецких захватчиков. На границе Белоруссии и Латвии останавливались, подготовились и двинулись вперед по-суворовски. Разница между отношением немцев к белорусам и латышам большая. Немцы все жгли, а жителей уводили в плен или убивали и только те остались, кто скрывался от немцев в лесу, голодая и проводя повседневно в землянках жизнь, ожидая освобождения.

телей, Красную Армию. Увидев нас, они не знали, как встретить, как выразить свой восторг. Иногда старые и молодые целовали бойцов, обнимали и со слезами радости на глазах рассказывали об ужасах, которые пришлось пережить им. Они приходили к нам на боевые в гости с детьми и делились с нами обо всем кошмарном прожитом за период пленения. Идем, десятки километров нет жилья, нет засеянных полей, посаженных гряд – все заросло высокой травой, всюду пусто, только из леса тайги выходят люди, не верящие в счастье и узнающие нас по разговору. В Латвии все цело. Хозяйство хуторное. Каждый дом обнесен огородом вокруг поля, огород, сады, луга, лес. Каждый живет как маленький помещик. Кто имеет две, три и до десяти коров; молока, масло сколько угодно. Нас встречают, как силу, которая непобедима. Обращение с виду вежливое, но недоброжелательное. Здесь никто нас не целует, а бывают случаи обратного действия. Дороги хорошие. Растут фрукты, но еще не спели. Все стремимся на Запад. Чувствую себя превосходно. Проводим марши по-суворовски. Конечно, каждое утро, день и вечер и ночь вспоминаешь о доме, который представляется сказочным, ведь от всего отвык, находясь все время на лоне природы. Привет Лене и Анн. Кирилловне. Пока, до свидания, остаюсь, любящий Коля. Вперед на Запад!!!

30 сентября 1944 г.

Дорогая Нюра!

Наконец, приехал в город Омутнинск, Кировской области, в 180 км от Кирова, в сторону Перми. От основной ж/д магистрали по ветке км 30. Находимся в здании пединститута. Мои раны осмотрела врач, в гипсе оставила, пусть нога в нем залечивается. Лечить правую ногу придется долго, пока берцовые кости обе срастутся. Лежат больные по 5, 6, 8, 10 и больше месяцев. Многие комиссией врачебной отпускаются домой на все время. Левая нога, где повреждены мягкие ткани, должна зажить быстрее. Через 2-3 дня делают перевязку. Все время лежу на спине, пока еще встать не могу, но силы начинают восстанавливаться быстро. О всех улучшениях напишу в следующих письмах. Сегодня утром выдали хлеба белого 200 г, масла сливочного 30-40 г, сахару 35 г, селедку с картошкой.

Мой адрес: Кировская обл., Омутнинск, часть 783, корпус 2, отделение 4, палата 9. Целую крепко, Коля.

Сегодня температура 36,9° утром.

23 октября 1944 г.

Дорогая Нюра!

Ты спрашиваешь, как меня ранило? Мы вели непрерывное наступление с 1 июня с/г. Освободили Калининскую область, Белоруссию и начали освобождать Латвию, освободили город Двинск, Ливан Круспельть, Мадану. Города чистые, очень благоустроенные, веселые, освободили сотни деревень. 18 августа продвинулись – 200 км. Шли всю ночь, и утром «туман», и 19 августа в 12 часов дня остановились на берегу озера в деревне, где имелся хлебозавод, пекарня. Хлеба около 300-350 тонн и сыроваренный завод. Заняли боевые места на прямой линии 500-600 метров от врага. Отбили контратаки. 20 августа с/г получили приказ двигаться вперед. День был солнечный, и наше продвижение около озера, было замечено неприятелем, и он подверг нас ужасному обстрелу, артиллерийским огнем из самолетов, которых было больше сорока. К нашему счастью потеряли лошадей и раненого одного бойца, отделались дешево. С 20 на 21 августа всю ночь двигались вперед. 21 августа сразу вступили в ожесточенный бой, 22.08 отбивали контратаки, противник подбросил новые силы. 23.08 мы были частично окружены, но вышли благополучно из окружения, потеряв часть лошадей. Бой усиливался, вывели оружие, я с товарищами пошел к оружию, которое вывели, а раненых лошадей ветфельдшер – Соскин А-др отвел в штаб. Дороги были разбиты, и все обстреливались, пули, осколки всюду летели. Мы все были целы, несколько товарищей вышли из строя. Ночью подвозили боеприпасы и меняли боевые позиции, а потом начали отбивать ожесточенные контратаки. 24.08 у нас не было командира, мне как парторгу приказали проверить работу на прямой наводке на линии орудий, так же кухни. Я проверил и сообщил в штаб сводку и обрисовал положение. Неприятель обстреливал усиленно из минометов и орудий. Всюду рвались снаряды, мины, строчили пулеметы. Всюду были раненые, у нас из строя выбыло несколько лошадей. Бой с каждым часом принимал все более ожесточенный характер. Мне приходилось все время ходить и наблюдать, как идет бой. Отбил несколько ожесточенных контратак, начали готовиться к отражению новых контратак, подсчитав боеприпасы, установили связь более прочную со штабом. Неприятель хотел нас отеснить, чтобы забрать более выгодные позиции, пошел в контратаку, открыв ураганный арт-огонь. Разорвавшийся снаряд осколками ранил меня в ноги и одного связиста. Я доложил о состоянии положения капитану по политчасти и сдал ему все дела парторга. Получив первую помощь от ветфельдшера был направлен под градом пуль и снарядов в

санчасть, а потом в санбат. Вот при каких условиях я был ранен. Приду, расскажу подробнее. Целую, Коля.

Адрес госпиталя: Г. Омутнинск, часть 783, корпус 2, отделение 4, палата 9. Попову Н.В.

Алексей Петрович Попов родился в 1919 г. в с. Усть-Вымь совр. Усть-Вымского р-на Республики Коми. Во время учёбы в Усть-Вымском педтехникуме Алексей Попов состоял членом редколлегии стенной газеты, был три раза премирован за хорошую учёбу и активное участие в жизни школы (последнюю премию – собрание сочинений В.И. Ленина на коми языке – получил в канун ноябрьских праздников 1934 г.), сразу после октябрьских праздников был арестован. В феврале 1935 г. пятнадцатилетний учащийся Усть-Вымского педтехникума А.П.Попов был осужден по 58 ст. УК РСФСР на 5 лет за распространение контрреволюционных стихов собственного сочинения. Свидетели по делу А.П.Попова также дали показания, что Алексей был недоволен арестом Блюхера, которого считал легендарным героем, раскулачиванием крестьян, был недоволен решениями XVII съезда КПСС, арестом некоторых партийных деятелей. Наказание А.П. Попов отбывал в Верхнечовской тюрьме, затем был этапирован в п. Чибью Коми АССР, где находился до конца заключения. После освобождения жил в Ухте, работал завхозом в Ухтинском ПТУ. В мае 1942 г. был принят на работу начальником отдела снабжения Управления Трудовых Резервов при СНК Коми АССР (г. Сыктывкар). 22 июля 1942 г. А.П.Попов был мобилизован на фронт. 29 января 1944 г. за боевые заслуги был награждён орденом Красной Звезды. 13 февраля 1944 г. командир сапёрного взвода 21 гвардейского сабельного эскадрона 17 кавалерийской дивизии гвардии младший лейтенант А.П.Попов был убит в бою. Захоронен в д. Рудня Мозырского района Полесской обл. Реабилитирован Верховным судом РСФСР 27 июня 1990 г.

Тетрадь для русского языка
ученика II Кл. Усть-Вымского п/т
Попова Алексея П.

Алёша – атаман

Там в степи, где ветер свищет,
Разгоняя вширь ночной туман.
Девочку из дряхлой деревушки,
Полюбил Алёша – атаман.

Ночью он в лесу видит разбой,
Шайку ловко водит за собой.
Как начнутся утренние зори,
Он с добычей мчится, как шальной.

Анечка Алёшу атамана
Полюбила очень горячо.
Как всегда поутру очень рано
Алёше опускалась на плечо.

Жизнь текла богато и с жеманством,
Как русалка Анечка жила.
И в любви с Алёшей – атаманом,
Как цветочек розы расцвела.

Жили так спокойно и богато,
Но пришёл предел такой любви.
Забрали Алёшу – атамана,
И в домзак надолго увели.

Повели, и Аня зарыдала,
С очь прекрасных слёзы потекли.
И уже Алёши с ней не стало,
Атамана ночью увели.

И скучала Аня по Алёше,
Даже ночи долго не спала.
Каждый день поутру у кургана
На степной дороженьке ждала.

Всё ждала и ночи провожала,
Горевала часто в тишине,
Атамана часто вспоминала
И ласкала лик его во сне.

Но пришли же ночи роковые,
С грустью ожидаемые дни,
Эти дни Анюту наградили
Счастье и свободу принесли.

Атаман вернулся из домзака,
На большом на белом рысаке.
И вместо изорванного фрака
Наряжен был в новом пиджаке.

Кинулася Аня к атаману
В руки словно малое дитя.
И сказала буйному тирану:
«Я ждала, Алешенька, тебя».

Ночь настала – первая от встречи.
Атаман с Анютой в пологу,
Спал покуда не зажглись печи
В маленьком Анютином дому.

И проснулись обое не рано
Платье было скомкано к груди,
Панталоны кем-то изорваны
И рубашка белая в крови.

Это атаман сыграл над нею
Счастье ее навек отобрал,
Сорвал панталоны и бюстгальтер
И рубашку кровью обмарал.

Разрешила Аня атаману,
И цветок не стал уже цвести,
Отдала всю молодость тирану
Что-то будет с нею впереди?

Бледная, румянец не играет,
На лице тревога и печаль.
Аня атамана ожидает,
И глядит в ликующую даль.

День прошел, второй, а атамана
Не видать у Ани в покровых
Нет Алеши – ярого буяна,
Он погиб в грабительских боях.

с. Усть-Вымь, 16 октября 1936 г.

К народу

Страна огромна и обширна,
Растут заводы и пути.
Про люд голодный и ограбленный
Я опишу вам по пути.
Есть люди, весело живущие.
Кому вся жизнь есть дар любви,
Но есть и голодно живущие
Работники рождающей земли.
Одни гуляют, веселятся,
Приказы шлют, да кровь сосут,
Кровь крестьянина оголтелого,
Который любит честный труд.
И сотни тысяч этих лодырей
Сидят на шее бедняка,
И кормятся, и одеваются
За счет простого мужика.
Но есть другие, раньше жившие
Свободно и легко,
Тиранам в руки угодившие
И из-за них им нелегко.
Есть власть, рабочей называется.
А для крестьян одна беда.
Крестьянин потом обливается,
Но денежки берет она.
Берет налоги неразумные,
Последнее несет народ.
Но будьте ж вы не столь....
Воспряньте против злых, народ.
Довольно вам работать и трудиться
На крыс бумажных и свободы палачей
Не время ль вам в одно соединиться
И свергнуть волю их идей.
И верьте мне, чернилу и перу моему,
Что придет время и народ
Власть кучки, и философов гуманных,
И подлых гадов разотрет.

с. Усть-Вымь, 16 октября 1936 г.

Тиран

Эй, слышишь злой тиран,
Где ж та сулимая свобода,
Ведь ты ж нанес немало ран
Для труд любящего народа.

Ты обманул народ свободный
И говоришь, что волю дал.
Нет, это ложь, ты врешь, проклятый.
Ты не уйдешь от них, тиран, шакал.

Они под лапой властелина
Мрут с голоду и мрут от ран,
А ты как идол, распростерши
Берешь последний грош крестьян.

Ты будешь пред судом народным
Ты им отплатишь за их кровь,
За ихний труд, за ихню волю,
И за свой, полный деньгами карман.

Недавно ты свободных гениев
Сто двадцать душ перестрелял.
И чтоб народ не знал про это мщенье
Ты их врагами называл.

Ты им морочишь темну голову,
Поешь про заграничные стран,
Поешь не верно, перевернуто,
Для вашей выгоды, тиран.

Ты лжешь бесстыже,
словно сивый мерин.
Ты кровь сосешь,
Моришь крестьян.

с. Усть-Вымь, 16 октября 1936 г.

6 января 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие сестра Люся и племянницы Эля и Лидочка! Шлю Вам горячий красноармейский привет и крепко целую.

Благодарю Вас за посылку, еще не получил, но скоро, наверное, получу. Открытку получил сегодня.

Передайте горячий привет и большую благодарность Нине, за оказанную помощь по снаряжению посылки.

Телеграмму Вашу тоже получил и написал домой письмо. Очень рад слышать такое происшествие.

Люся, срок обучения в училище нам продлили до 1944 года.

Живу и учусь также, как и раньше. С начала учебы все время в числе отличников.

Володе я писал много, но не знаю, почему он не получает. Он хочет бросать учебу. Повлияйте на него, чтоб продолжал учиться. Он приобретет неплохую специальность.

Вам я тоже пишу каждую неделю по 1 – 2 письма.

Пишите, как живете, как здоровье Эли и Лиды, здоровье Мама и Папы.

Пока у меня все.
Еще раз благодарю Вас и Нину за вашу заботу.
До свидания.
С приветом, жму руку. Алексей.

15 января 1942 г.

Здравствуйте, дорогие родители Папа и Мама. Шлю Вам горячий привет и крепко целую. Привет Сергею.

Папа, у меня изменений никаких нет. Все по-старому.

Получил с Ухты письмо, и мне сообщили, что Володя там позволяет лишнее. Я оставлял ему матрац, 2 подушки и новое одеяло, а сейчас он взял, находившееся на хранении второе суконное одеяло. Куда и для чего он его взял не знаю. Фотоаппарат тоже взял и продал. Куда он деваает деньги, ведь в магазинах сейчас особенного ничего нет. И потом, зачем он продает. Напишите ему, чтоб он подобного не творил.

От сестры тоже получил письмо. Особенного ничего не пишет.

Как живет Сергей?

Пока все. До свидания. Пишите.

Целую Вас. Ваш сын Алексей.

19 января 42 г. 23 ч. 30 мин.

Здравствуйте, дорогие сестра Люся и племянницы Эля и Лидочка! Шлю Вам горячий привет, а также привет Нине и всем остальным.

Дорогая сестра, сегодня я получил Вашу посылку, за что крепко-крепко Вас благодарю.

Передайте также большую благодарность Нине, за ее труды и заботу о бойцах Красной Армии. Все получил в порядке. И сегодня у меня праздник.

Проследите газеты: для нас будет новая форма – мундиры и погоны.

Ну пока, всё подробнее напишу в письме.

До свидания. Крепко Вас целую.

Алексей.

25 ноября 1942 г.

Красноармейский привет!

Здравствуйте, мои дорогие сестра Люся и племянницы Элечка и Лидочка! Привет Выборовым, Поповым, Нине и всем остальным знакомым.

Я нахожусь сейчас в Архангельске. И почему-то уже месяц, как я ничего от вас не получал, но писал вам очень много. Люся, пусть папа

обязательно побывает в Ухте и заберет там мои вещи. Потом, я в предыдущем письме просил прислать посылку, сделали ли вы это. Мне нужно было бы прислать: 1) носки шерстяные; 2) пару носовых платочков; 3) табак, 4) что-нибудь съестного и сухарей. Посылки принимают по 5 кг. Поспешите, принимают только до 1-го января.

Кроме того, положите карандашей цветных 4 шт., химических и простых. Обратитесь к Васе, он бумагой и карандашами поможет, да и хлебом и махоркой тоже. Нина, может быть, поможет, короче говоря, надо сделать.

Что пишет Алексей Александрович. Там, где он был, сейчас большие успехи.

Как учится Сергей, Володя, как Мама.

Устроили ли Элю в садик?

Пишите мне поскорее и шлите посылку. Жду. На фронте буду не скоро.

До свидания. С приветом Алексей.

Мой адрес: г. Архангельск часть 6650/6609. Попову А.П.

20 декабря 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие сестра Людмила Петровна и племянницы Эля и Лидя!

Шлю Вам горячий привет и крепко, крепко целую.

Поздравляю Вас с новым 1943 годом и желаю новых успехов и радостной, счастливой жизни.

Письмо Ваше, Люся я получил, за что изъявляю благодарность и так же благодарю за посылочку, которую вы, надеюсь, уже выслали. Какое счастье испытываешь, когда получаешь что-нибудь или от родных или от знакомых.

Но большее счастье, когда попробуешь что-нибудь из домашнего и вспомнишь про дом и про все.

Тут присылают товарищам часто, но у них родители ближе, да и родственников больше, а у меня же только Вы и больше почти родственников нет. Отец и ты, с которыми я могу переписываться и от которых каждый день ожидаю весточки.

От Тани я последний раз письмо получил недели две тому назад, после того не получал ничего.

Следующим письмом пришлю фотокарточку, снимался здесь.

Пока особенного ничего написать не могу да и писать не о чем, так как пишу часто. А Вы, Люся, напишите, как протекает жизнь в Сыктыв-

каре, какие новости. Как живут Выборовы и Поповы, Нина. Где работает Катя, Володя, не взяли ли Володю в армию.

Напишите, как проведете новый год.

Люся! Променяй мои ботинки на что-нибудь, мне они сейчас все равно будут малы, т.к. здесь у меня ноги выросли порядочно. Может быть, кто-нибудь дадут махорки.

Ну, у меня пока все.

Благодарю за вашу любовь и внимание ко мне.

До свидания. С приветом Ваш брат Алексей.

Мой адрес старый, т.е. на конверте.

Жду ответа.

25 декабря 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие сестра Люся и племянницы Эля и Лида!

Поздравляю Вас с новым годом и шлю горячий красноармейский привет. От Володи получил три письма и вместе пишу ответ и ему. Я каждый день жду от Вас ответа, но ответа нет. Встречаю новый год. Я думал, что к новому году получу хоть что-нибудь от Вас, но пока еще ничего не получил. Татьяна тоже обещают послать посылочку, главное махорку. Пишите мне, как проведете Новый год. Пишите, как живете. Жду.

До свидания. С приветом Алексей.

1 апреля 1943 г.

Здравствуйте. мои дорогие сестра Люся и племянницы Эля и Лидочка.

Шлю вам горячий привет, а так же спешу ответить на ваше письмо от 17.3.43 г., которое меня так огорчило. Жаль, очень жаль, что маленькая Лидочка заболела такой тяжелой болезнью, но будем надеяться на лучшее, т.е. на поправление.

В Вашем письме Люся я заметил отчаяние. Не надо отчаиваться, теряться и падать духом.

В самые опасные, в самые критические моменты надо быть здраво рассудительным, не терять присутствия духа.

Причиной ее заболевания, вероятно, послужило не вполне внимательный уход за ней, но отнюдь, я не хочу обвинять в этом Вас. Нет. Это могло получиться само собой, произвольно. Но факт остается фактом – Лидочка где-то простудилась.

Не убивайтесь горем, примите все меры чтобы спасти ее, но Папе пока ничего не пишите, не надо огорчать его раньше времени.

Люся, я уже писал, что меняю адрес, а поэтому пока на этот адрес мне не пишите, я пришлю новый.

Учиться буду еще долго. Передайте привет всем родным и знакомым.

До свидания.

Целую Вас. Алексей.

6 июня 1943 г.

Здравствуйте, дорогая сестра Люся!

Письмо Ваше получил 5.6. с/г. Жалко, очень жалко, что отца больше нет с нами. Ведь он еще был не так стар, он должен был еще жить.

Я представляю, как это могло случиться: он наверно простыл вдобавок к своему слабому здоровью.

Люся, сейчас нам надо подумать о Маме и принять какие-то меры. Если и она останется там, в Усть-Выми, то и ее постигнет какое-нибудь подобное несчастье. Почему, ты должна знать, зная Усть-Вымь, зная наших односельчан.

Я в армии. Сергей тоже. Володя еще молодой, а поэтому прямую помощь и воздействие в состоянии сделать только ты одна.

Навязывать какие бы то ни было советы по этому поводу я не хочу.

Есть два выхода: 1) продать дом, оставив нужное, и взять Маму к себе;

2) переехать жить в Усть-Вымь;

3) пусть мама будет жить у тебя, а дом сдаст кому-нибудь на квартирование.

Из всех – первый, по-моему, всех лучше. Но делать все это надо обдуманно и не спеша, посоветовавшись с родственниками и Алексеем Ал.

На средства, взятые за дом, вы можете приобрести домик в Сыктывкаре, хотя не такой большой, поменьше, но он будет свой. Алексею Ал. я написал. Написал и об этом.

Оставлять же хозяйство в Усть-Выми нельзя т.к.: все может превратиться в собственность колхоза без всякой на то компенсации. В общем, надо делать так, чтоб было лучше.

К осени я, наверно, учебу окончу.

Володя обижается, что я не пишу, но я мало от него получал писем, потом он пишет всякую чепуху, которая не нужна не ему ни мне, и может даже кое в чем повредить, ты должна это понять. Получаешь ли что-нибудь от Тани. Я не получаю ничего. Ты пишешь, что Володя Попов приехал домой по болезни, так он, наверно, и на фронте не был.

Ну у меня пока все. До свидания.

Целую Алексей.

Мой адрес: Юрга 3.
Кемеровская область, Мичуринское Военно-Инженерное Училище
4-й батальон 15 рота.
С-ту Попову А.П.

6 июня 1943 г.

Здравствуйте, уважаемый Алексей Александрович! С горячим приветом к Вам брат жены Вашей Люси – Алексей.

Меня лично вы не знаете, но обо мне вы не могли не слышать, как от Люси, так и от родителей моих.

22.7.42 года я был в Сыктывкаре мобилизован в армию. Там я работал вместе с Лютоевым, которого вы, наверное, тоже знаете, на должности Начальника отдела снабжения Управления Трудовых Резервов при СНК Коми АССР, оттуда и был направлен в Вологду.

В Вологде окончил курсы артиллеристов и вышел сержантом – командиром орудия противотанковой пушки. После чего меня направили учиться в Борисовское Военно-Инженерное училище, из которого после восьми месяцев учебы попал в..., в котором нахожусь и по сейчас.

Командую пока отделением, но скоро нас, наверное, выпустят средними командирами и приеду к Вам, чтобы отдать должное своей родине и своему народу. Вот все, что я мог описать за последние два года моей жизни в военный период.

Алексей Александрович, 6.6. с/г. я получил от Люси письмо, в котором она извещает о преждевременной смерти моего отца. Он умер 5.5.42 г.

Я так жалею, что мне мало пришлось с ним пожить, почему, Вы конечно знаете. Дома осталась одна Мама. Сережа тоже в армии, а младший – Володя учится в рем. училище. Поэтому мы не знаем, как быть с домом, с хозяйством, оставшимся после смерти отца.

Люся спрашивает меня, как быть, что придумать. Я ей не навязываю никаких советов, но не плохо было бы сделать так:

Дом она может продать и на эти средства купить дом в Сыктывкаре, тем самым Вы будете иметь свой уголок, т.е. не уголок в прямом смысле, а свой дом, что не будет лишним для Вас и в будущем, а если будет, то от лишнего избавиться никогда не поздно. Маму в этом случае ей придется взять к себе, и они будут в состоянии завести огород и небольшое хозяйство, без чего сейчас не так-то легко. А Маме одной, с хозяйством все равно не справиться, да и народ у нас в Усть-Выми дрянной. Маме тоже осталось жить немного.

Только, пожалуйста, Алексей Александрович не подумайте, что я навелеваю это Люсе нет. Ведь если Вы подумаете о моих родителях, а особенно обо мне, то вам станет ясно, что не имею права назвать не один гвоздик в доме отца моим. Я не заслужил этого и за свою жизнь почти не принес никакой пользы и поддержки своим родителям.

Люся же имеет на это полное право. А Володя и Сережа еще молодые и глупые. Доверяться на них нет никакого смысла.

Какое будет Ваше мнение и Ваши советы по этому поводу?...

Люся пишет, что когда Папа чувствовал себя очень плохо, он все время вспоминал Вас и меня. Он очень уважал, любил Вас. Алексей Александрович. А из нас из трех сыновей надежда у него была на меня, но обстоятельства сложились так, что он и умер с этой надеждой, не дождавшись ее. Когда я был дома, он мне рассказывал, как Вы бывали в Усть-Выми. Как тогда было хорошо.

Дочки Ваши Эля и Лидочка растут умными детьми. Я думаю, что Люся сумеет дать им должное воспитание. Как я приехал в Сыктывкар, то Эля сразу меня узнала и звала меня дядей Алешей. Мы часто с ней ходили после занятий гулять.

Эля будет очень умной девочкой. Дома она уже помогает маме. Помощь ее настолько незначительна, но мила, и Вы в праве гордиться ею.

Мои вещи все остались в Чибью, в Сыктывкар привезти не успел, т.к. сразу же как поступил на работу в Совнарком, то поехал в командировку, был в Москве, Ярославле, Костроме, Иванове, Горьком и Казани. Ездил больше 2-х месяцев. Поэтому я написал Люсе, чтоб она съездила и забрала их к себе.

В жизни я не думал быть военным, но военный из меня будет, т.к. учусь только на отлично. Командование училища имело переписку с родителями и с Люсей, где выражали благодарность.

Да, Алексей Александрович, скоро буду на фронте, и, может быть, встретимся с Вами в жарком ли бою, в часы ли отдыха, но встреча весьма возможна.

До свидания. Желаю Вам здоровья и хороших успехов в победе над врагами. Пишите мне по адресу: Юрга 3. Кемеровская область Мичуринское Военно-Инженерное училище 4-й б-н / 5 рота.

С-ту Попову А.П.

До скорой встречи. Пишите.

6 июля 1943 г.

Добрый день!

Здравствуйте, дорогая сестра Люся! Шлю горячий привет: Вам, Эле, Лидочке!

Привет Елизавете Михайловне, Алексею Мих., Надежде Ник., Юре, Володе, Кате и другому Володе. Привет Нине и Анюте Давидовой.

Я все еще на том же месте. Учусь, но думаю скоро поехать на фронт. Параллельно с этим написал письмо Маме и Алексею Александровичу. Чувствую пока себя великолепно. Сегодня сфотографировался у Пельмегова – у того самого, что был фотографом в издательстве. Пришлю фотокарточку.

Люся, я не знаю о чем писать. Военная жизнь однообразна и описывать ее особенно.

Но почему-то я от Вас ни от кого ничего не получаю, здесь в Новосибирске получить только лишь одно письмо.

Сейчас у нас лагерный период.

Люся, пишите мне, хоть изредка, но пишите.

До свидания. Жму руку. Алексей.

Мой адрес: Кемеровская область Юрга 3. Мичуринское Военно-Инженерное Училище. И мне.

26 июля 1943 г.

Здравствуйте, дорогая сестра Люся! Шлю Вам горячий красноармейский привет! Так же привет Маме, Эле, Лидочке. Привет Крестной, Кате, Володе. Привет Поповым А.М., Н.И., Володе и Юре! Привет Нине и Анюте!

Люся, для вас не должно быть удивительным, что я опять нахожусь в новом месте, т.е. с Новосибирска я приехал в Кострому, в которой я был в прошлое лето во время командировки. Здесь я все еще учусь по той же специальности.

Город описывать я не буду. Город как город, особенного ничего нет. Чувствую себя хорошо, здоровье хорошее.

Люся, находясь в Новосибирске и в Юрге, я получил от вас всего одно письмо, чем это объяснить? Или же не доходили письма?

Сейчас я нахожусь от вас намного ближе, так, что письма должны идти регулярно без задержек.

От Тани тоже последнее письмо получал в Архангельске, и больше ничего нет. Стараюсь установить переписку с Алексеем Ал. и с дядей Михаилом Мих. И тому, и другому написал по два письма, но ответа пока нет.

Люся, ну как Вы живете в Сыктывкаре, как здоровье Эли и Лидочки, здоровье Мамы? Где сейчас работаешь? И вообще, что нового в Сыктывкаре?

Как думаете поступить с хозяйством в Усть-Выми. Я думаю, содержать его нет никакой цели, придется только платить налог, а пользы почти никакой.

Я как-то уже высказал свои мнения по этому поводу, и если получили мое письмо, то вы их знаете. Диктовать Вам что-нибудь я не в праве и даже не думаю, так что можете поступать так, как Вам заблагорассудится.

Потом, Люся, были ли кто-нибудь из вас в Чибью, и как там дела?

Люся, костюм пусть лежит продавать или еще что, пока не надо. Сама знаешь – достать такие вещи сейчас почти невозможно. А я думаю еще вернуться, жить, и работать.

Люся, если есть письма от Тани, то пришли их, не как необходимое для меня, нет, а просто любопытно, как можно лучше, до тонкости узнавать характеры людей встречающихся на пути, в целях будущего. Как говорится «На ошибках учимся». Потом если еще сохранились те карточки Тани, что я оставлял, то пришли один экземпляр.

Мама пусть особенно не волнуется, следит за своим здоровьем, все будет хорошо.

Ну, пока как- будто все.

Адрес у меня пока неточный, сообщу немного позднее.

Пишите мне. До свидания.

С приветом Алексей.

Люся, в вашем доме в кв. № 7 жил Елькин, работал вбанке. Жена его училась вместе с тобой. Мы с ним вместе с 17 ноября 1942 года. Он тебя хорошо знает, говорит, что видел тебя на автомашине по пути до Куниба. Мы с ним учились и сейчас учимся вместе. Свяжитесь с его женой. Он знает и маму, и Сергея. Передайте от него привет его жене. Также от меня.

30 июля 1943 г.

Здравствуйте, дорогая сестра Люся!

Привет Вам, Маме, Эле и Лидочке.

Люся, сегодня я узнал свой новый адрес и решил написать письмо.

Много, конечно, писать нечего, все также по-старому. Учусь в Ленинградском Краснознаменном ордена Ленина Военно-Инженерном Училище имени Жданова.

Люся, я уже писал в том письме, что со мной вместе находится муж вашей соседки Елькин А., также Пельмегов, что работал фотографом в редакции. Адрес у нас сейчас одинаковый, учимся вместе.

В Новосибирске фотографировался, но не успел выкупить фотокарточку – выехал.

Ну, а в остальном, мысленно повторяю предыдущее письмо, т.к. новостей никаких нет.

О последних событиях на фронте Вам, наверно, известно. Наши ведут наступление, занимая ежедневно десятки населенных пунктов и нанося противнику удар за ударом, уничтожая его. Ну вот и все. Передайте всем привет.

Мама пусть присылает письма через тебя, а лучше, если Вы будете писать вместе.

До свидания.

С приветом Алексей.

Мой адрес: Кострома (Ярославской обл.).

Л.К.О.Л.В.И.У. литер Щ.М. Попову А.П.

3 августа 1943 г.

Добрый день!

Здравствуйте, дорогая сестра Люся! Шлю горячий привет из Костромы. Так же привет Маме, Эле и Лидочке.

Мои предыдущие письма вы, наверно, получили, а поэтому Вам небезызвестно, как я сюда попал. Здесь я все еще продолжаю учебу по той же специальности. Люся, передай Марии Гавриловне Елькиной привет от мужа и от меня, его, а также Пельмегова отправили в другое место, по Волге, куда писать пока не могу, об этом она сама узнает позднее.

Передай привет крестной Елизавете Михайловне, Алексею Михайловичу, Надежде Ивановне, Кате, Володе, Юрику, также Людмиле Ивановной (...) – ее мужу. Привет Нине, Анюте. Вобщем, привет всем знакомым.

Побывал в Костроме. Много раз был в кино и в театрах.

Городишко неплохой, и театры хорошие.

У вас, наверно, скоро будет свежая картошка и другие овощи. Это здесь уже есть.

Дело все в деньгах, а купить можно всё, что надо. Не знаю, как у вас на рынках.

Люся, почему-то у нас с перепиской стало неважно. Не знаю, или ваши письма не доходят или мои, но факт фактом, я от вас почти ничего

не получаю, за исключением одного письма, которое получил в Новосибирске.

Приложим усилия, чтоб наладить переписку, как-то веселее становится, когда получаешь от родных издалика письма.

Ну, а сейчас: Как живут Эля и Лидочка. Как их здоровье. Эле, наверно, скоро пора ходить в школу, она, наверно, за этот год подросла здорово, а Папа приедет так совсем не узнает, ведь он дома не был больше двух лет. Между прочим, я от него ответа еще не получил, как у него дела.

Люся, работаешь ли сейчас где-нибудь, как справляешься с работой и где снабжаешься.

Делаю вторичную попытку наладить переписку с дядей Михаилом Мих. Он, наверно, сейчас от меня не так далеко.

Ну у меня пока все. Пишите. Буду ждать, думаю, что тут письма пойдут быстрее, нежели до Сибири. До свидания!

С приветом Алексей.

Мой адрес:

г. Кострома Ярославская обл.

Л.К.О.Л.В.И.У. им Жданова

Литер Щ.М. Попову А.П.

(звание писать не надо)

28 августа 1943 г.

г. Кострома

Здравствуйте, Мама.

Шлю горячий красноармейский привет. Привет Сергею и Володе. Мама я нахожусь сейчас в Костроме, учусь в Ленинградском Краснознаменном Ордена Ленина Военно-инженерном училище им. Жданова.

Мама, простите, что я долго не писал, но у меня не было еще определенного адреса, и я решил пока не писать. Сейчас буду писать регулярно.

Мама, где сейчас Сергей и что он делает?

Потом, как идут дела с домом, с огородом и с хозяйством. Как-то я Вам и сестре советовал, как нужно было бы поступить с домом, но дело конечно Ваше, как Вы поступите, это личное Ваше дело.

Но справитесь ли Вы с хозяйством и с налогами?

Я пока чувствую себя великолепно. Учусь хорошо.

Передайте привет Лидии Павловне, Гене, Анне Ивановне и другим.

Всю свою силу и энергию отдаю на учебу.

Жалко одно, что не придется увидеть отца.

Ну пока все, мама. Береги свое здоровье.
Жди нас. Приедем и будем жить.
До свидания. Целую. Алексей.

28 августа 1943 г.

г. Кострома

Здравствуйте, дорогая сестра Людмила Петровна!

Шлю Вам горячий привет, а также привет Эле, Лидочке и всем, всем знакомым и родственникам.

Письмо, Люся, я получил, за что благодарю.

Люся, ты пишешь, что была в Ухте. Хорошо. Но я чувствовал, что ты там многое не найдешь. Володька, наверно, не сумел забрать с квартиры все, что было. И оттуда, наверно, взяли или Георгий Васильевич или Туркин – директор.

Ведь у меня было на квартире: матрац, две пуховые подушки, новое серое суконное одеяло, настольная лампа, зеркало, рубашки и еще там разная мелочь из белья и т.п. Одних галстуков было штук 12, воротничков, три сорочки, две бритвы и всякое такое.

А у Игнатовых, кроме того, было: матрац, одеяло зеленое суконное, подушки простые две, коврик, портьеры, занавески и гитара.

Все это я не покупал. Вам, наверно, известно, что я был ст. комендантом и зав. хозяйством, а поэтому догадайтесь сами.

То, что осталось у Игнатовых, пусть останется, не будем портить из-за барахла отношений, забудем об этом. Это мелочь.

Где я учусь, Вы знаете, повторять не буду. Чувствую себя отлично. От Тани получил письмо и карточку.

Все свои силы, время и энергию отдаю учебе и чем-либо подобным романам и т.д. не занимаюсь, да и не имею влечения. Напишу лишь одно – Люблю Таню. Вот и все мои романы. А Вас люблю так, как должен любить брат сестру.

Пишите что нового в Сыктывкаре.

Я часто бываю в кино, в театрах г. Костромы, но повторяю опять же – один. Остальные меня не интересуют. Вот и все.

Я думаю Вам понятно, как я веду себя и как живу. Имею ряд благодарностей, за отличную учебу, также за подготовку курсантов. Имею звание старшего сержанта.

Занимаю должность.

До свидания. С приветом. Целую. Алексей.

В адресе после Л.К.О.П.В.И.У. пишите им. Жданова.

г. Кострома Ленинградское Краснознаменное Ордена Ленина
Военно-Инженерное Училище им. Жданова.
лит. Щ.М. Попов А.П.

24 октября 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, дорогая сестра Люся. Шлю горячий привет тебе и Эле с Лидочкой. Горячий привет маме и Володе.

Люся, я училище закончил и сейчас еду на фронт офицером. Сейчас нахожусь в Брянске.

Люся, мне пока не пишите, ждите новый адрес.

Ну вот и все. До свидания.

Алексей.

2 февраля 1944 г. (штамп Сыктывкара)

Здравствуйте, дорогая сестра Люся! Шлю Вам, а также Эле и Лидочке горячий привет и крепко целую. Люся, сегодня у меня праздник. Правительство отметило меня и наградило орденом Красная Звезда.

Люся, маме я высылал 500 и 1500 р. всего 2000 руб. Это за два месяца. Впредь буду высылать также.

Люся, как Вы живёте? Что с Алексеем Ал.? Где Володя? Как здоровье мамы и Ваше? Я пока здоров. Люся, помоги мне наладить состав с Таней. Вероятно, она переехала куда-нибудь. Пришли мне её адрес, а ей мой. Мой адрес новый (см. на конверте)

Пока, до свидания.

Целую. Алексей.

Полевая почта 01837-Ж.

Письмо Петра Михайловича Попова дочери и жене из Усть-Выми в Сыктывкар.

Людмила Петровна и жена Алекс. Семеновна.

Я получил письмо от командира роты, где учится Алексей, и он благодарит нас за хорошее воспитание сына, и посылаю копию этого письма.

Коми АССР с. Усть-Вымь Пролетарская № 5.

Здравствуйте, Многоуважаемые отец и мать, Петр Михайлович, Александра Семеновна, Попова Алексея Петровича!

Ваш сын Алексей учится у нас курсантом, чтобы стать всесторонне развитым, культурным, честным, безгранично преданным делу Партии

Ленина – Сталина и социалистической родине – образцовым командиром героической Красной Армии, чтобы умело и без промаха громить ненавистного врага – немецко-фашистских захватчиков, освободить нашу цветущую прекрасную родину от этих немецких палачей, проклятых извергов человечества.

Алексей это высокое звание воина оправдывает своей старательностью, отличной учебой, честностью, культурным и дружным отношением к товарищам. Он идет впереди. За образцовые показатели в учебе, честное отношение к делу он имеет две благодарности. Благодарю Вас за воспитание такого честного, культурного, старательного сына для Красной Армии!

Напишите мне ответ, каким он был дома. Как вы живете и работаете. По адресу: город Архангельск, часть 6650/6609.

С приветом вам.

Командир подразделения старший лейтенант Зенькович.

И вот посылаю вам копию такого дорогого письма, и я ему напишу, каким был дома, начиная с нижних классов и кончая педтехникумом. Три раза премирован и имел почетную грамоту за отличную учебу.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын Гв. младший лейтенант ПОПОВ Алексей Петрович уроженец Коми АССР села Устьвымь в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество был убит 13 февраля 1944 года.

Похоронен Полесской обл. Мозырского р-на дер. Рудня.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии. Приказ НКО СССР № _____ .

За командир части – (подпись).

(Гербовая печать – Штаба 20-го Горно-Кавалерийской дивизии).

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
АРХИВ**

Министерства обороны СССР
« 17 » августа 1990 г.
№ 11/123493

Старцевой Л.П.
167000, г. Сыктывкар
ул. Интернациональная,
д. 113, кв. 31

1421000, г. Подольск Московской области

Сообщаем, что в картотеке учета награжденных значится: «гв. мл. лейтенант Попов Алексей Петрович, 1919 г.р., командир взвода 21 отдельного гвардейского саперного эскадрона, награжден: – орденом «Красная Звезда» № 417174 пр. 17 гв. кав. див. № 2-н от 29.1.44 г.

Награда вручена награждённому.

Приложение: от н/вх. 11/123493 извещение о гибели на 1 листе только адресату.

Нач. хр-ща

(Кравец)

Исп. Колесникова

***Мороков Всеволод Дмитриевич** родился в 1918 г. в с. Усть-Вымь ныне Усть-Вымского р-на Республики Коми. Учащийся Усть-Вымского педтехникума Всеволод Мороков проходил по делу А.П.Попова как свидетель. После окончания техникума учился на историческом факультете КГПИ. Призван в армию в июле 1941 г. Командир взвода, мл. лейтенант. Попал в окружение, бежал из Армавирского лагеря военнопленных. Снова вернулся на фронт. Погиб в бою 5 октября 1943 г. Захоронен в г. Темрюк Краснодарского края.*

14 февраля 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие родители: папа, мама, братья Аркаша, Геня и сестра Ниночка!

Какое продолжительное время я не смог написать вам ни слова. Но это было все по причине окружений и плена. Я выходил с одного окружения и попадал в другое, и вот все это заставило меня молчать. Очевидно, помните, что я был на Южном фронте, а немцы оккупировали Кавказ, и вот с июля прошлого года и начались мои мытарства. С Донского окружения я вышел. Дон переплыл, Маныч переплыл. Затем последнее – переплыл Кубань и остался в окружении. Благодаря одним людям я остался жив. 3 месяца я прожил у них, работал вместе с хозяином на кожаном заводе, освоил эту специальность, якобы я кожевник. Ведь

я не имел никакой специальности, это меня губило. Сколько было там переживаний. Я не знаю, как делать хром, меха, меня заставляли. И вот я выучился. Затем, по приказу немцев, всех нас бывших в Красной Армии и без документов собрали и отправили в Армавирский лагерь – военнопленных. Если бы не хозяин, я бы давно подох с голоду, ибо лагерь – это смерть. Хозяин приезжал ко мне, привозил продукты. 3 месяца я пробыл в лагере, бежал. Вот теперь пишу вам письмо, еду на фронт.

Все подробности скитаний узнаете от хозяина, который вам напишет. Вы должны наладить с ним переписку. Это мой будущий тесть. Это очень культурный человек. Его семья: 1 сын – 12-ти лет и дочь – 17 лет. Они, провожая меня, одели, как сына, дали продуктов на 1 месяц, и вот теперь я сыт и одет, пока еще не обмундировался. Моя жизнь исключительно принадлежит им. Когда я жил у них, то была договоренность о женитьбе. Но он не хотел этого делать без вас. И дело отложили до окончания войны, когда оба семейства могут провести этот счастливый день в жизни вместе. Они меня считали сыном. Я их отцом и матерью. Звать сына Юрик, дочку Диана, хозяйку Надежда Николаевна, хозяина Иван Нестерович. Фамилия Коношенко. Теперь они остались далеко от меня. Адрес: Краснодарский край. Гулькевичский район, с. Гулькевичи, ул. Школьная, дом № 41. Коношенко Ивану Нестеровичу, или его жене, или его дочери.

P.S. Я получал от вас письма в отношении Нюры. Благодарю. Очень рад, что сообщили, правда, год тому назад. Пусть гуляет, выходит замуж.

День рождения свой провел в пути, но так как продуктов много, то с хорошим ужином. Получали ли по аттестату деньги, скоро вышлю новый. И постараюсь перевести!

Пока адреса нет, пишите к Коношенко, и он опишет. Наверное, считали уже потерявшимся, но я жив, здоров и бодр. Буду фрицев бить за лагерь еще крепче. Посылаю фотографию Дианочки. Целую ваш сын Всеволод.

27-28 июля 1943 г.

Привет с фронта моим дорогим родителям, папаше, маме, братьям Сереже, Аркаше, Гене и сестре Ниночке. Сегодня в торжество освобождения нами нового города Темрюка нами решил вам черкнуть о своей военной походной боевой жизни. Километр за километром освобождаем оскверненную немцами землю. Изгоняем варваров с нашей русской земли. Много бесчинств и жестокостей натворил он здесь. Где были дома, остаются куча развалин и сады, которые он не смог уничтожить. Много горя он принес русскому народу, за что поплатится кровью.

Когда идешь по разрушенной станице или хутору,ходишь первый в нее, ожидаешь, что вот увидишь селение, а там такая жалкая картина, что зажигается сила, двигаешься вперед бить, уничтожать до последнего фашистского варвара, вступившего в СССР.

Продолжаю начатое письмо, иду в бой. Решил вам черкнуть парочку слов. Да, я все же Боре так и не написал письма. Напишите вы ему, передайте ему от меня привет, что я все тот же Всеволод. Я часто также вспоминаю его, бродя по камышам и плавням, ох и камыши здесь, крупные. Ну, все же вы ему черкните за меня письмо, и пусть передаст мой привет Коле. Вот скоро грохот снарядов, вой мин, и мы опять вперед с энергией за истерзанный русский народ и землю, оскверненную фрицами.

Мама, как я счастлив, что ты была на курорте, скоро вышло 500 рублей, пусть там не дают, ничего не поделаешь. Передайте всем, всем привет Мише... Ананьевичу, тете Подгорской, ну, а моих знакомых, очевидно, кроме старушки Веховой, никого не осталось. С приветом к вам ваш сын, и брат, и друг Всеволод.

***Маркова Елена Владимировна**, доктор технических наук, главный специалист Российского центра испытания и сертификации «Ростест-Москва», профессор Академии стандартизации, метрологии и сертификации, родилась в 1923 г. в Киеве, в семье учителей. В 1941 г. окончила школу. В 1943 г., когда Красноармейск был временно освобожден от немцев, работала в медсанбате. При новом захвате города немцами благодаря знанию немецкого языка спасла советских раненных бойцов. При новой оккупации города по заданию работала на немецкой бирже труда. В конце 1943 г. была арестована и осуждена по 58 ст. и приговорена к 15 годам каторжных работ «за измену Родине». В Воркуте работала на шахтах № 9,11,2. Строила железную дорогу на Мульде, куда пригнали женский этап после массового расстрела восставшего мужского лагеря. Некоторое время работала медсестрой в санчасти и воспитательницей детей, родившихся в лагере. В ноябре 1953 г. была освобождена от каторги, но осталась в ссылке на поселении в Воркуте. Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17.10. 1955 г. «Об амнистии» от ссылки освобождена со снятием судимости. Полностью была реабилитирована в июле 1960 г. В 1954 г. поступила во Всесоюзный заочный политехнический институт, филиал которого открылся в Воркуте (другие вузы были недоступны). В 1959 г. вернулась в Москву. В 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1971 г. – докторскую по специальности техническая кибернетика.*

О моих родителях.

Я родилась в полурусской-полупольской семье. Мой отец Владимир Платонович Иванов, преподавал русский язык и литературу. Он был сыном священника, учился по традиции в бурсе, затем в семинарии в Екатеринославле. Участвовал в брожениях 1905 года, бросил семинарию, поступил в Петербургский университет. Мой дедушка по отцу погиб в двадцать втором при защите церковной библиотеки от сожжения, которое учинили «безбожники», в том же году погиб и муж моей тети, тоже священник. Таким образом, трагедии в нашей семье начались еще до моего рождения. Отца арестовали в тридцать седьмом, когда мне было 14 лет, я писала в тюрьму № 1 города Сталино, куда его посадили, но не получила ни одного ответного письма. Судьба моего отца неизвестна. Только теперь я узнала, что его расстреляли в 1937 году. Сохранилась навсегда в моем сердце светлая память о нем.

Моя мама, Вацлава Михайловна Иванова, урожденная Корибут-Дашкевич, преподавала немецкий язык и математику. Она принадлежала к очень древнему польско-литовскому роду. Природа одарила ее красотой и многими талантами. Еще до первой мировой войны она окончила Высшие женские курсы по математической специальности, училась также в Киевской консерватории по классу вокала, затем, в начале 30-х годов – на Заочном отделении иныза – усовершенствовала немецкий язык. Ее арестовали в начале 38-го года, но через полтора года выпустили (она попала в малочисленную партию отпущенных после объявления о «перегибах»).

Когда арестовали моих родителей, меня собирались забрать в детдом. Спасла меня бабушка, у которой хватило мужества защитить меня, хотя сама она была в очень тяжелом положении. Дело в том, что поляки в нашей стране подвергались сильному гонению. Бабушка моя, Жозефина Мартыновна Корибут-Дашкевич, урожденная Йодко-Наркевич, была родственницей Витольда Йодко-Наркевича, известного польского политического деятеля, министра иностранных дел в правительстве Пилсудского в начале 20-х гг. Постоянные гонения по национальному и социальному признаку, ограничения многих гражданских прав, в частности – запрещение проживать в крупных городах, привели к скоростной смерти моего дедушку в 1929 г. Остатки польской части нашей семьи (бабушка, мама и тетя Ядвига) вынуждены были оставить Киев и забились в глушь – жили на руднике в Донбассе. И вот несмотря на гонения и бесправность бабушка всё-таки нашла в себе мужество заступиться за меня и не дала НКВД отправить меня в детдом.

До прихода мамы из тюрьмы жили мы по-нищенски, так как все имущество конфисковали. Клеймо «враги народа» в те времена было страшнее чумы, поэтому жили мы в абсолютной изоляции от окружающих.

Таким образом, я не отношусь к тем довоенным детям, которые благодарили «Вождя» за счастливое радостное детство. Любви и преклонения перед ним я никогда не испытывала. Однако во время войны я была исполнена патриотических чувств и готова была не задумываясь отдать свою жизнь за освобождение Родины.

Начальнику тюрьмы №1 г. Сталино
Ивановой Вацлавы Михайловны

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу Вашего разрешения передать продукты питания Ивановой Елене Владимировне из г. Красноармейска.

Дорогой, любимый Лёсик!

Передаю тебе 20 цыбулек, 400 г. сала, ряженку, соль, редис, мыло, полотенце, густой гребешок. Будешь ли нам писать? Целуем тебя бесконечно. Радость, ты моя, единственная!

Твоя мама. 4 мая 1944 г.

Письма Е.В. Ивановой (Марковой) маме.

Мамусенька, родная моя!

Все получила. Благодарю тебя. Не волнуйся. Я все-таки жива, а сколько родителей, у которых дети погибли! Я буду писать при первой возможности. Нас отправляют, кажется, на Север. Завтра или послезавтра. Уезжай, голубка, спокойно домой. Мне везде будет хорошо, я всё переживу, только вы были бы здоровы. Постараюсь написать с дороги. Здоровье у меня хорошее.

До свидания, целую тебя, твои заботливые родные ручки. Целую всех вас. Пусть Бог хранит вас.

Лена.

30 декабря 1944 г. г. Воркута.

Дорогие мои буничка, тётя Ядзя и Мишутка! Я пишу вам уже не первое письмо, но ответа нет. Молчите вы, молчит мама, молчат и друзья. Что случилось с вами, в чем дело? У меня вся душа уже истлела в мыслях

о доме. Я так была бы счастлива получить ваше письмо, что даже не верю в возможность этого. Обо мне не беспокойтесь.

Уже декабрь, но морозов больших еще не было. Несколько раз доходило до -35°C , и при ветре это конечно чувствительно, особенно если приходится работать под открытым небом. Полярные сияния бывали пока редко. Во время безветрия тундра молчит в напряженном ожидании чего-то, как будто прислушивается. В морозном воздухе несется негромкий, какой-то таинственный, волнующий гул. Ну, до свидания, мои родненькие. Так грустно и тоскливо без вас. Целую всех крепко. Ваша Леся.

Декабрь 1946 г. г. Воркута.

Поздравляю с Новым Годом!

Радость моя, моя мамочка! Где ты? Что с тобой!?

Я кричу в холодную тьму полярной ночи и не слышу ответа.

Неужели даже скромное желание получать твои письма неосуществимо для меня? Судьба становится чрезмерно жестокой.

Как твоё здоровье? Однажды мне приснилось, что ты больна. Это меня убило. Когда речь идет о тебе, я становлюсь суеверной и мнительной до сумасшествия. Да и вообще я верю в сны. Засыпая, человек уходит в неведомый, таинственный мир и живет странной жизнью, доходящей до реальности и не подлежащей никаким исследованиям. Это интересно. Порою во сне приходят темы для стихотворений, своеобразные и красивые образы. Я их использую. Иногда некоторые вопросы оставались неразрешимыми, в реальности я решаю во сне. Но самое главное следующее: только во сне я могу видеть вас и только во сне я играю. Явь мне не может дать этого. Вот почему так часто хочется жить сном, а не действительностью.

Мамусенька! Сообщу тебе то хорошее, что еще дает мне жизнь. Это мои занятия литературой. Помнишь, я тебе писала, что мы собирались устроить литературный вечер. Он уже был у нас не один. Вович. Шпаковский, А.П. и я – вот наш кружок. Мы беседуем, спорим, разбираем свои вещи. Я многому научилась. Я счастлива в их обществе. Я расту благодаря им. Что это значит для меня – ты можешь представить. О Вовиче и А.П. ты знаешь. Их стихотворения я посылала тебе. Познакомлю со Шпаковским. Пишет по-белорусски. Хорошо, сильно, красиво. Стихи музыкальны на редкость. Большая умница. Скромный и милый человек. Лично знаком со всей творческой интеллигенцией Белоруссии. Их участь еще более печальная чем его (Он ведь жив!). Под нашим влиянием начал писать по-русски. Прочти одно из его стихотворений:

Сегодня вечером
Когда визжит пурга,
И тундра нежится
Холодным снегом,
Мне хочется
Вселенную ругать
И успокоить боль
Ночным побегом.
Бежать без памяти,
Вздывая снежный пух,
В побеге бешеном
Подхлестывая ветер,

Искать спасения,
Укрытую тропу,
Которой нет конца
На этом свете.
Бежать туда,
Где желтый листопад,
Другими красками
Лицо земли украсил
Упитаться встречами
И целовать подряд
Пока есть юности
Хоть капелька в запасе.

Почти все время есть книги. Жаль только, что нет возможности изучать иностранные языки.

Мамулечка, моя милая! Пиши мне, пиши. Ведь у вас есть в запасе адрес на Любовь. Используйте его, если не доходят письма на п/я.

Поцелуй за меня крепенько, крепенько всех наших. На рудник также отправляю письмо. Будь здорова. Целую тебя бесконечно. Твоя дочурка. Вович целует тебя.

6 декабря 1953 г.

Родненькие мои!

К великой радости своей получила сегодня ваши дорогие письма. 18 дней я жила здесь в полной безвестности. Я так и предполагала, что мамочка хворает.

Буду ждать дальнейших ваших весточек. Когда же мамочка поступила на работу? И как она сумеет отлучиться?

Большое спасибо М.К., что он нашел время побеседовать со мною, меня это очень тронуло. Теперь я уже немного успокоилась, так как имею хотя угол, в который также могу принять и мамочку. Пережить пришлось очень много. Была в полном смысле беспризорной. Но вот все уже изменилось. Имею знакомых, которые хлопчут о моем устройстве, имею поклонников, которые в случае необходимости помогут.

Устроиться на приемлемую работу очень трудно. Тем более, что документов у меня нет никаких. Ходила в спецотдел. Там ни метрической выписки, ни аттестата нет. Верно, они в Красноармейске. Мамочка пишет о посылке. Я с питанием как-нибудь обойдусь, деньги расходовать не надо. Основное, что мне необходимо – вязаная шерстяная кофточка. Здесь очень некрасивые. Я же хочу приобрести немного вещей, но таких,

чтобы их в течение многих лет можно было носить с удовольствием. Так вот, если в Москве можно достать хорошую кофточку, купите для меня. Платье я постараюсь пошить к новому году из черного шелка и гипюра. Пальто у меня есть, ноги обуты. На лето, когда я уже заработаю деньги, я пришлю вам, чтобы купить шелковый пыльник и зеленое широкое демисезонное пальто.

В наших магазинах я покупать буду мало, потому что ни материалов, ни вещей хороших здесь нет. Таково первое впечатление. Я уже вам писала, что встретила здесь Бориса Сократовича. Он работает на шахте в 23 км отсюда. Основной круг моих знакомых здесь – работники театра. Я познакомилась с ними случайно: Клава просила, чтобы для их драмкружка прислать ноты. В театре меня очень хорошо приняли, приласкали (они все имеют такую же судьбу в прошлом) живу я сейчас на квартире у одного из моих новых знакомых. Ждем маму.

Мне могут во многом помочь в смысле одежды и денег, но я, конечно, не могу и не хочу принимать помощь.

В театре бываю часто, слушаю музыку, посещаю все спектакли. Но вообще никто меня не веселит. В душе все будто бы умерло. Одна грусть. Посылаю всем еще одну фотографию – третью. Вот видите, это вам в упрек. Я более щедрая, чем вы. Не знаю, как вы меня находите? Изменилась, по-моему, очень, совсем другое лицо. Одно только могу сказать, что все находит, что выгляжу я моложе своих лет, ни в коем не тридцатилетняя женщина.

Милые мои, пишите все о себе подробно. Кто же у вас теперь хозяйничает, если мамочка тоже на службе? Почему Верочка живет в Москве? У кого? Не замужем ли? Хочется скорее увидеть ваши фотографии.

Мамочка, может быть, вам напишет Клава, моя подруга, я вам писала о ней. Где Юра, я не знаю, они покинули прежнюю квартиру. Я вообще буду осторожная. Здоровья у меня в порядке, не волнуйтесь.

Да, вы ожидали меня к себе... А как я мечтала о таком счастье. Но увы... Нужно попытаться сделать все возможное, чтобы съехать. Тяжело здесь.

Будьте здоровы и благополучны. Целую вас крепко. Ваша Леся.

20 августа 1953 г.

Дорогие мои, родненькие!

Уже считанные письма осталось вам послать на этот адрес. Жду их с тревогой и нетерпением, потому что сейчас мне еще сильнее, чем прежде, хочется подробно знать о вашей жизни и о ваших намерениях на будущее. Я хлопочу о праве выезда из севера, но шансов на успех очень мало.

Попытайтесь со своей стороны поднять этот вопрос. Если в течение этих трех месяцев войдет в силу приказ о зачетах, я освобожусь в октябре. Возможно, оставят на Воркуте. Квартину достать здесь очень трудно. Вопрос о работе меня очень тревожит. При желании можно выехать в Сибирь. Как вы посоветуете: добиваться ли выезда в Красноярск или Иркутск, или же оставаться здесь?

Я приготовила для дороги чемодан и постельник, но ремней для постельника достать не могу. Пришлите, пожалуйста, ремни в посылке. Мамусик, ты спрашивала, могу ли я купить здесь валенки. До сих пор не смогла и наверное не смогу. К зиме нам выдадут, но, конечно, вид у них не презентабельный.

Надеюсь, что успею получить зимние пальто и шапку.

Если есть из моих оставшихся платьев какое-нибудь зимнее – пришлите. Я его перешью для первого случая. У меня нет ни теплого платья, ни вязанья, ни юбки. Все, что было, уже износилось. Из материала, который мне прислала в подарок Машенька, я сделала летнее платье. Оно мне так понравилось, что я его весь летний сезон носила не снимая. В прошлом месяце получила от вас посылку. Надеюсь, моя ответная открытка дошла до вас. За все вам всем благодарна. Надя, несмотря на множество забот и расходов, связанных с прибавлением семейства, прислала мне две посылки. Растрогала она меня до слез. Такое неожиданное теплое участие. К сожалению, я имею возможность написать только одно письмо и пишу вам, а не в Донбасс. Поцелуйте их всех от моего имени и поблагодарите. Вам пишет одна т.Галочка или Миша и Надя тоже пишут? Есть ли у вас фотография Сашеньки? Пишите все подробно. Мамочка, какие родственники есть у нас в Киеве, кроме Ниночки? Жива ли т.Вера и т.Надя? Напиши письма Юре, ... и Галине, чтобы они знали об изменении моего положения. Кто тебе пишет и о чем? Т.Галя пишет, что у них плохой урожай. Как у вас?

Если будет возможно, пришли до морозов яблоки и свежий картофель. У нас в конце июля и в начале августа были теплые и даже знойные дни (до + 30°).

Сегодня дует холодный ветер – тоскливо и уныло вокруг. Хотя бы получить от вас письмо, сразу бы стало веселее на душе. За все лето получила от мамочки два школьных письма от 5-го и 27-го.

Вот и все. Больше мне никто не пишет. Может быть, Машенька и Верочка потому мне и пишут, что я не посылаю им отдельно письма? Единственное, что я могу – изредка написать одно письмо. Я адресую его вам всем. Это все, что я в силах сделать. Поэтому я не могу понять,

почему от Машеньки и Верочки нет ни слова. Лучше уж написать прямо, чем я их обидела.

Мамусик, родная, сейчас перечитывала твои старые письма, чтобы не упустить какого-нибудь твоего вопроса. Ты спрашиваешь, бываю ли я на воздухе. В теплые дни я гуляла довольно много, загорала (чуть-чуть загорела) и даже ходила в тундру собирать ягоды и купалась в реке Усе (первый раз за 10 лет). Вода была теплая. Чувствую я себя неплохо. Ноги отекают, и появилась гипотония (50-70 мм). Вот почему я просила глюкозу, чтобы поддержать сердце. Но гипотония – это еще полбеда, лишь бы не было гипертонии. А какое у тебя давление? Пишите, мои милые. Жду, жду вашей весточки. Целую всех крепко. Ваша Леся.

P.S. Привет М.С.

12 декабря 1953 г.

Мамуся, любимая моя!

Почти каждый день получаю твои письма – большое спасибо, моя родная. Все, что ты выслала – получила. Вчера получила 250 рублей. Мамуник, не волнуйся, денег больше не высылай, ведь тебе нужно на дорогу. Сейчас подробно отвечу на твои вопросы. С квартирой у меня более чем удачно. Я тебе уже писала, что основной круг моих знакомых – работники театра. Они встретили меня очень радушно, так как каждый из них прошел мой путь. С квартирами здесь очень трудно, за угол платят 100 рублей, за комнату 300 рублей. Зная такое положение, один из работников театра, Алексей Алексеевич Марков, ленинградец и в прошлом киноинженер, предложил мне жить в его комнате, сам же он ночует в театре (как многие артисты, не имеющие квартиры). Днем он бывает дома 2–3 часа, таким образом, я оказалась почти полной хозяйкой квартиры. Конечно, такое положение временно, но А.А. сказал, что пока я не найду комнату, я могу спокойно жить у него. Вот ты приедешь, мы будем жить вдвоем так долго, пока ты сможешь гостить у меня. Все мои знакомые знают, что ты приедешь, и все ждут вместе со мною. Ты точно известишь, когда приедешь, мы тебя будем ждать с легковой машиной – не беспокойся о вещах. От станции до города километра три (до гостиницы). Но в гостиницу тебе ехать нет необходимости. За комнату я ничего не плачу. Приезжай вообще поскорее, мне от «женихов» нет проходу, а мне никто не нравится. Жду тебя с особым нетерпением.

Мамусик, материалы обязательно пришли, у меня ведь ничего личного нет. Деньги не высылай – я пока обойдусь. Я не знаю, как у тебя дела обстоят с зимней одеждой, если ... пальто не износилось, и ты на эту зиму можешь без него обойтись – пришли его мне, ну, а если нет,

то ничего страшного, обойдусь и так. О посуде пока говорить рано. Можешь захватить с собой небольшой тазик. Кроме Б.Б. никого из прежних знакомых не встретила. Он меня потерял, так как не знал, где буду жить, а я, найдя угол, никак не могла дозвониться до него и не знала, когда он приедет в город. Вчера А.А. дозвонился до него и завтра (в воскресенье) Б.К. будет у меня в гостях и мы, наверное, сфотографируемся, тогда пришлю вам фотографию. Мамусик, когда я дождусь фотографии ваши и папочки, ведь ты обещала мне выслать, когда я буду жить в городе. Неужели Верочка и Аня не могут мне выслать свои фотографии? Условия для медиков в смысле материальном здесь лучше, чем на ..., но если девочки серьезно думают о медицинской работе и хотят расти, то Воркута не особенно благоприятное место – можно заглохнуть. И вообще здесь скучно. Я бы им не советовала ехать далеко от центра. В книгах это выглядит романтично, а в действительности – серые неинтересные будни. Так мне пришлось наблюдать. Советовать, конечно, трудно, может быть они сумеют устроить жизнь иначе. Мне очень нравится, что Вера имеет настоящего друга, и они всегда вместе. Мамусик, пришли мне адрес Ульянова (я поблагодарю его) и Галины. Где Галя? Давно ли тебе писали Юра и В.? Если сможешь, напиши несколько строк в открытке Клаве по моему старому адресу. Она не получает моих писем (Воркутинский штамп и не знает, что со мною. Это моя самая близкая подруга. Она мне многое сделала. Напиши, что я здорова, устроилась с квартирой, жду тебя после Нового года. Ты даже можешь сделать так: купи новогоднюю открытку и пошли ей поздравление. Сделай это ради меня. Да, в посылке пришли несколько новогодних открыток – здесь их нельзя купить.

Нашим дважды писала и послала фотографии. Ответа пока нет. Здорова ли т.Галечка? Напиши мне ... подробно о Нине. Пришли старые фотографии, которые у вас по несколько экземпляров. У меня нет ни одной фотографии дедушки. Жду письма от Маши. Мамусик, когда же ты поступила на работу и будешь ли ты теперь получать пенсию? Всех крепко целую. Всей душой всегда с вами. Ваша Леся.

23 мая 1956 г.

Родные мои!

Май приходит к концу. В прошлом году я в это время собиралась в отпуск, а в этом еще так долго нужно ждать... К тому же у нас такая нерадостная погода, что на лето и... не видно, кажется, будто бы лето наступит самое малое месяца через три. Ну, а как у вас? Как вы все себя чувствуете? Какие у вас новости?

С 1-го начинается экзаменационная сессия, сейчас занимаемся лабораторными работами по физике. Мы вдвоем (Женя, Анатолий – лаборант ВУГИ, и я) работаем над спектральным анализом и стараемся изучить его как можно полнее, так как это весьма важная и перспективная область в исследовательских лабораториях.

Посылаю вам 2 фотографии, одна из них – фотомонтаж «Воспоминания». Мамусик, пришлось взять нашу общую фотографию, которую ты любишь, но она единственная, которая подходит по позе. Напиши, как вам это понравится.

Дома у нас все благополучно.

Сейчас, когда я пишу, половина восьмого. Алексей на выезде со спектаклем, возвратится после 12-ти. Я собралась писать контрольную работу по физике атомного ядра, но решила прежде черкнуть вам пару строк. На печи готовится на завтра обед. Что-то запахла гречневая крупа – видно, подгорает. Надо пойти помешать.

В магазинах у нас ничего хорошего нет, но сахар и масло имеется.

Б.с. вчера приезжал к нам. Он чувствует себя неважно. В июле поедет в отпуск. Юра прислал записку из больницы. Он в шахте получил травму – ранение глаза. В воскресенье нужно будет пойти с Алексеем к нему. Последнее время писем ни от кого что-то не было, от Ниночки ответа тоже пока нет.

Будьте здоровы и благополучны. Крепко, крепко всех вас целуем. Присылайте скорее фотографию маленькой Светочки.

Ваши Лена и Алексей.

Р.С. Женя бредит туризмом за границу и уверяет, что в Москве получить путевку довольно просто. Что вы, вернее, Мих.К., знает по этому вопросу. Правда ли, что это так просто?

Еще раз целую. Ваш Лесик.

1951 г.

Письмо Г. Ронтоля Е.Ивановой. Письмо из лагеря в лагерь.

Милая, родная, береги себя. Думай всегда, что какое расстояние нас не разделяет, я всегда с тобой. Всегда, и ночью, и днем, все мои мысли лишь о тебе.

Знай твердо, что если с тобой что случится, я жить не буду.

У меня в жизни нет ничего и никого дороже тебя. Ты моя единственная возлюбленная и друг.

И если мы решили соединить свою судьбу в настоящем, то должны и в разлуке крепить свои чувства, чтобы, пронеся их вопреки всем трудностям и лишениям, через тысячи километров на родину к моменту

нашей встречи, а она будет, если ты в нее будешь верить, – прийти все же к счастью.

Но, если уж обстоятельства сложатся так, что дальнейшая жизнь будет невозможна, и ты не сможешь более бороться за наше счастье, то ты должна заранее известить меня о дне и времени смерти, когда мы оба уйдем из жизни и унесем с собой свою большую неземную любовь.

Ты стала для меня святой, и я буду всегда, всю жизнь хранить о тебе чистые безоблачные воспоминания.

Прости мне все те минуты, когда я делал тебе неприятное.

Не поминай меня лихом!

Крепко тебя обнимаю и несчетно целую.

Твой везде и всегда Юра.

12 февраля 1952 г.

**Письмо В. Олигера Е.Ивановой (из мужской зоны в женскую зону).
г. Воркута.**

Милая, Ваши весточки от 5-го и 10-го получил. От 5-го получил днем 11-го с.м., а от 10-го несколько часов тому назад. Спасибо, большое спасибо, дорогая, за все хорошее, которое в них написано и за все те мысли, которые окружают нас, и кристально чистые чувства. Вы интуитивно должны понимать меня. 10-го я мысленно беседовал с Вами; Вам должны были передаться все искреннее и самое красивое, которое всегда со мной, когда я пишу Вам или мысленно с Вами. Я Вас прошу оставлять для себя из всех оболочек только сердцевину (самое связывающее и соединяющее). Все Ваше письмо от 10-го вполне разделяю и благодарю. Ценно каждое слово, исключительно бережно отношусь к каждому душевному Вашему движению. Смею Вас уверить, что я Вас не подведу (грязь ненавижу, пустоту презираю); может быть, в другом отношении Вы создали обо мне гиперболическое представление, это будет ошибочно. Ручаться могу в том только, в чем Вы не ошибетесь – близкого, чистого, искреннего друга.

Хочу несколько слов написать о Меркурии. Менять не нужно, если Вы получили письмо от 10-го, так как Вам будет картина ясна, т.е. с каких нот начинать арию. Это очень неудобно, так как будут чистые тома немного заглушаться; но ... хороший слух, всегда можно будет различить фальшивую мелодию.

Дорогая, Вы немножко грустили. Не надо, милая, ничего делать через силу, против желания. Мне кажется, что мое от 03.02. навеяло на нас грусть. Оставьте из него только то, что Вам больше всего нравится, остальное отбросьте, и Вы почувствуете меня таким, каким я есть, и вся

грусть Ваша пройдет, и Вы будете энергично, светло смотреть на будущее. Я отлично понимаю, как иногда тяжело бывает на душе. В такие минуты думайте о музыке и в свободную минуту времени ... со мной. Вы знаете, что для меня беседы с Вами это праздничные дни. Окружающая атмосфера затуманивает к... их, но я стараюсь рассеивать навешенную дымку и как тот ... который шесть дней в однообразном труде, с нетерпением ждет воскресенья, чтобы вышивали руки и надев черное платье, выйти на чистый воздух, посмотреть на природу, обдуматься, свободно вздохнуть, «воскреснуть», так и я делаю из ... с Вами, большей счастью нынешних бесед, воскресную ... и создаю себе праздничное настроение «Sie feiern Auferstehung des Herrn, Donn Sie Sind Seller Auferstanlen»... Faust. Жду дорогих весточек. Всегда с вами.

Борис Сократович Басков (1884–1964 гг.) – профессор (в своих воспоминаниях Е.Маркова его называет «духовным учителем»). Родился и получил образование в Петербурге. Окончил Петербургский электротехнический институт, был учеником и последователем профессора Александра Степановича Попова, изобретателя радио. После революции принялся с большим энтузиазмом «восстанавливать страну из разрухи», участвовал в разработке и реализации плана ГОЭЛРО (электрификация России), был делегатом VIII Всероссийского электротехнического съезда, проходившего в Москве 1–10 октября 1921 г. Съезд был созван для обсуждения планов ГОЭЛРО, но, в сущности, на съезде обсуждался план хозяйственного и экономического возрождения страны. Басков был избран в состав президиума съезда. Басков пять лет проработал на строительстве Днепрогэса. Занимался преподавательской деятельностью в Харьковском технологическом институте. Затем была длительная командировка в Германию, где Басков работал в Советском представительстве в Берлине. Перед арестом 4.09.1945 г., Борис Сократович работал в «Теплопроекте» наркомата электростанций СССР в Москве. ОСО МГБ СССР осудило его в декабре 1946 г. на 8 лет ИТЛ «за шпионаж в пользу Германии». В Воркуте вначале работал на шахте № 2 инженером-электриком, но с образованием Речлага его перевели туда на общие работы. После освобождения в 1954 г. Басков работал на шахте № 7. К нему приехала его жена М.Ф.Гвоздева, известный московский архитектор. Покинуть Север они смогли только в 1958 г., но Басков не получил право на московскую прописку и вынужден был жить на 101-ом километре. Московскую прописку Борис Сократович получил только за два года до своей кончины.

Письма Б.С. Баскова Е.В. Марковой

28 декабря 1953 г.

Судьба. Что и говорить, судьба бывает разной. Но очень часто мы называем жесткой судьбой просто неоправданные надежды.

Вообразит себя человек артистом и идет на сцену и жалуется на судьбу. А дело не в судьбе, а в опережении судьбы. Может быть, и есть талант, который надо еще холить и растить, а человек уж гонится за успехом и терпит крах – жалуется на судьбу. (Ужасно неудобно писать на тычке, терпеть не могу. Ну, все равно, напишу и на тычке).

И это еще чаще в жизни, чем на сцене.

Конечно, далеко не всегда человек – кузнец своего счастья. С туберкулезом позвонка много не нарезвишься. Бывает судьба, преследующая человека. Тогда на сцену выступает вопрос о том, как относиться к судьбе по Баху или по Бетховену. Бах жил, грешил, расплачивался за свои грехи. Расплачивался раскаянием, покаянием, вполне уверенный, что бог милосерд и что судьба к нему милостива, что впереди его ждут радостные, пусть и греховные дела. Круг жадных надежд и возрождений – извечный круг жизни. Надо жить, страдать и радоваться. Время лечит раны. В сущности, это почти семейные отношения с судьбой.

Бетховен ничем судьбе не обязан, она ему ничего не подарила. Тернистый путь очищений и страданий. Ему не в чем надеяться. Его гордый дух противостоит ударам судьбы, бессильной сокрушить его душу. Чудесный путь. Но это путь героев, путь людей, творящих эпоху. Представь себе, что Бетховен не был бы композитором, так чудесно воплотившим и милую природу, и человеческую радость, и безмерные страдания. И был бы Дон Кихот тоже образ чудесный, но уже совсем в другом роде. Ну где нам гоняться за героями. Вот образ – Кола Брюньон. Этот живет по Баху и в основе его жизни лежит живая способность залечивать раны. Бывает так, что ранит человека, и он с этой раной носит ее по жизни, она заживает, а он ее бережит. Надо уметь отдыхать и затягивать раны, создавать психологическую иммобильность раненого места, даже если это душа. Разве Кола, твой старый знакомый, ...и не способен к глубоким мыслям и чувствам, а вот же умел лечить свои сердечные раны и не носился с ними.

И милая Аннет, с которой еще предстоит тебе радостное знакомство, умела не только лечить свои раны, но и находить пути к радости жизни. Я не против слез, милая Леночка, плакать иногда необходимо и от горя и от радости. Но плакать надо редко, надо верить в свои силы, в свою судьбу, в свое счастье.

С Новым годом, желаю тебе удач в новом году, радостей солнечных, светлых и как можно меньше слез, особенно над прошлым и особенно над судьбой, над роком.

Выше голову и тверже шаг. Легких путей не бывает, бывает только способность легко идти и трудными путями.

Будь счастлива в новом году.

Вейнемаяйнен (старый мудрый Вейнемаяйнен).

8 марта 1954 г.

Воркута, шахта № 7.

Смотрел «Призыв судьбы». Очень хорошо. Хорошо потому, что это жизнь, в которой есть все важнейшие элементы: 1) творчество, т.е. способность претворять воспринимаемое в образы. Видеть, слышать, понимать и все претворить. 2) Борьба, стремление к поставленной цели. Способность быть стойким в стремлении. 3) Любовь, дружба. Ум (эмоции), воля и сердце.

Все это чудесно скомпоновано и овеяно радостью музыкального сопровождения. Для меня же это была музыкальная поэма, сопровождаемая не хитрой, но отнюдь не пошлой, в рамке радующих глаз видов Венеции, Рима, Флоренции. ...

В консерватории сложные звукозаписи не демонстрируются. А следовало бы делать (особенно по классу композиции и дирижерства) примерное исполнение одной и той же симфонии, скажем, Мравинским, Ферреро, Головановым и Гауколо. Вот тогда из этого сопоставления были бы ясны – чудесные способности Мравинского и Ферреро, академическая строгость Голованова и ничтожество Гаука.

Ах, как хорошо иногда попасть в эту сказочную область музыки. Очень любопытно, что это в сущности бедный фабулой фильм пользуется исключительной популярностью. Места брали с боя. Живого места не было. И слушали с удовольствием. Вот что значит соприкоснуться с подлинным живым искусством. То палаццо дождей мелькнет, то римский Колизей, то кампанела Паганини – Листа, то Бетховен, то гондолы на канале, то песня гондельера.

Милая Леночка, поздравляю тебя с 8 марта. Попытка увидеть тебя в воскресенье не имела успеха. Мне сказали, что в воскресенье ты работаешь. И вот я побежал в химвлабораторию. И увы... вот ведь как не везет. А ведь я тебя не видел больше недели, нет, больше двух. Потому что в последний раз я тебя тоже почти не видел. Постараюсь попасть как-нибудь на этой неделе.

Как говорить – с тем и до свиданья. А когда свиданье неизвестно.

Знаю, что вчера ты мне звонила домой, но я смотрел «Призыв судьбы», а потом мне сказали, что ты звонила поздним вечером.

Целую твою милую ручку.

P.S. А между тем мне очень, очень надо бы тебя увидеть.

Кроки (набросок, эскиз)

Всякое человеческое общество, случайно собранное, даже при условии единства воспитания и навыков, представляет собою сложный конгломерат различных характеров, умственных способностей, талантов и личных свойств.

Впрочем, в большинстве случаев, штампы ходячих выражений, оборотов, жестов, улыбок, делает однообразный фон, чаще всего прикрывающий собою однообразие серых, тусклых мыслей и чувств.

Появление внешаблонных людей, отличных от общей серой массы, совсем нечастое явление.

Зато появление человека отличного от среды, всегда радостно. И чем серее фон, тем ярче индивидуальность противостоящего серой среде человека.

В далекой заполярной командировке, собранные с разных концов страны, чужие друг другу, разочарованные в жизни люди, не имеющие завтрашнего дня. Люди сиюминутного дня, забывающие свое прошлое, не имеющие будущего, живут под лозунгом «лови момент» и быстро теряют какие-либо границы дозволенного, нужного, необходимого.

В этой среде маломыслящих, стремящихся эмоции заменить инстинктом, подавление мыслей и чувств переходит в способ самозащиты, чтобы случайно не попасть в плен мыслей, заставляющих осознавать окружающее, осмысливать свои поступки, оглядываться назад на пройденный путь, всматриваться в дали грядущих дней.

Особенно чувств, чтобы не ослабить своего жесткосердия, позволяющего (в целях самозащиты от своей совести) не видеть, не слышать...

Вот иногда в такой среде вдруг появляется человек, тоже многого не видящий, много не слышащий и, тоже по инстинкту самосохранения, о многом старающийся не думать.

Вот, как Пьер, и слышит и не слышит выстрел за спиной и только вечером, когда пришла фиолетовая собака, Пьер осознал, что он слышал выстрел, которым убили Платона Каратаева, но инстинктивно не осознал его. Это называется жить зажурившись. Так вот появляется человек, который тоже живет зажурившись и тоже как будто много не видит. Но это он защищает свою живую душу от окружающей грязи, пошлости, от психической травли.

Однажды мне пришлось встретиться с очень молодой и чистой женщиной в такой среде.

Она была очень молода, прямо со школьной скамьи, ее чистота в значительной мере определялась впечатлениями предшествующей жизни, где ей пришлось столкнуться с гибкой способностью людей приспособляться к жизни.

Воспитание человека складывается не только из опыта наблюдения, поучительных образцов, но очень часто из отрицательных впечатлений.

По-видимому, эти отрицательные впечатления и создали у этой женщины броню, защищавшую ее от окружающей жизни.

При всем том это был человек, обуреваемый жадой познания. Наличие хороших способностей позволяло ей легко осваивать и теоретические основы и практические знания в некоторых областях, где ей приходилось работать. Стремление расширить круг познания в литературе, истории искусств, музыке – побуждало ее проглатывать всю литературу, которую только можно было достать по этим вопросам. Так она росла, развиваясь физически из ребенка в женщину, обогащая свои знания, расширяя кругозор, превращаясь во взрослого населения. Жизнерадостность прирожденная, любовь к жизни страстная заставляла ее тянуться к людям. Но в общем отношение к людям у нее было пчелиное. Взять все, что можешь и мед, и пыльцу, и скорее назад в свою ячейку. В поисках этого расширения своего кругозора она внимательно оглядывала всякого и при малейшем признаках цветения бросалась за «взяткой».

Увы, пчела вооружена совсем особенно – и телескопические глаза и особые ...и способность видеть ультрафиолетовые лучи... У этой женщины не было этих пчелиных качеств.

Поэтому часто она улетала, что называется «не солоно хлебавши». Но травы от этого не испытывала. Просто летела к другому источнику.

Несмотря на наличие несомненного темперамента, органическое отвращение к пошлости хранило ее от опасности легких... Увлечений.

Так шла она своим трудным путем, одинокая, но не страдавшая от своего одиночества. Любила ли она человека, вообще человека – трудно сказать. Она была, конечно, способна любить и любила детей, щенков, котят, цветы. А человека, совсем не ясно любила ли она человека.

Так или иначе, среди многих людей она отличалась всем. И нежным румянцем, и крепким здоровьем, и ясными глазками, и великлепным общим тоном, в котором не было ни тени пошлости, и умением себя держать, и способностью слушать, и умением говорить.

Не знаю, умела ли она петь. Не слышал, чтобы она пела. И это очень странно для нее. Такая женщина должна была петь. Потому что душа у нее была песне родная.

Она представляла собою редкое явление на этом общем очень сером фоне. К тому же эти редкие ее качества были в той среде по чувству контраста очень ценимы. И потому, хоть она и была одинока, ее одиночество (без друга близкого и сердечных подруг) было для нее как бы естественным оформлением, подчеркивая ее исключительность.

Кажется, посетила ее и любовь. Я всегда тщательно берег и оберегал сердечные тайны людей. Потому я никогда ни одного слова об этом не слышал от нее. И никому никогда не задавал таких вопросов. Только по одному случайно сделанному замечанию я догадывался об этой любви.

Эта милая женщина обладала тем великолепным качеством душевной упругости, которое помогало ей через долгие годы тернистого пути выйти на новые жизненные просторы с чистой и радостной душой...

К сожалению, в новой среде душевная чистота рассматривается как чудачество. В массе эта среда – все та же серая среда маломыслящих людей, только одетых прилично.

Что ждет ее на этих путях, предсказать невозможно.

Но в моем сознании навсегда сохранится память об этом существе, одаренном всеми качествами, позволяющими человеку жить в самом глубоком значении этого слова. Ей открыта возможность самых разнообразных радостей жизни. Ее способность воспринять разные стороны жизни – великолепны. Мысли, чувства, эмоции самые утонченные, способность радоваться солнцу и небу, цветку и животному, картине и музыке, и книге, и людям – какой чудесный диапазон.

Она прошла мимо меня, но оставила неизгладимый след среди бесчисленных впечатлений жизни. Радостный след, живущий в моей душе, как давно отзвучавшая мелодия.

3 января 1954 г.

Воркута, Северный район, шахта № 7.

...Ничего не читаю. Нет, впрочем, читаю «Мертвые души». С удовольствием. То загрузу перед сном, прежде чем выронить книгу, то смеюсь от всей души. Он, этот Николай Васильевич Гоголь, был чудак – человек, за что и был судьбой наказан. Он велел каждому, отправляясь в трудный путь жизни, забирать с собой из юности всё, что связано с живой душой, с её отзывчивостью на все радости жизни и на всякое горе, с ненавистью к злу, с любовью к добру, и всё это донести до чёрствой

старости... Чудак. Он в юности населил свою родину Виями и образами «Страшной мести», свиными рылами «Ревизора», и даже саму совесть человека не мог себе представить иначе, как в виде жандарма. Он быстро и кипуче жил, трепещущей душой воспринимая всё, что творится вокруг, и, обгоняя время, быстро шёл к тому мудрому восприятию жизни, которое так свойственно Ромен Ролану и в меньшей степени Льву Толстому. Но не вышло из него «порядочного старика», потому что в свою старость морально-психическую он нетронутой пронес свою пылкую юношескую душу, со всею страстностью, со всею горячностью. О, это очень сложная комбинация, которая только и могла привести к сумасшествию.

К старости должно установиться то состояние отрешенности от жизни, когда человеку ничего не надо, когда можно наблюдать течение жизни со стороны и примеряя свой опыт «ума холодных размышлений и сердца горестных замет» к творящейся жизни, уметь предвидеть грядущие радости окружающих (это оптимисты) или предугадывать грядущие беды и лишения (для пессимистов). Но минуй нас пуще всех печалей сохраненная от юности живая душа с воображением юноши!

Эта фантазия и в юности опасна, потому что часто заводит в дебри сказочных лесов, в русалочьи болота, где гибнут напрасно юные души в погоне за русалками.

Бедный Николай Васильевич, знал, что не ждет его слава светлого гения Пушкина и что не побегут к нему девушки с венками, как они бегали за Шиллером. Хорошо, что мы не отнесли его вовсе к мракобесам, хоть и умер он сумасшедшим и перед смертью убоялся своего демонического смеха. Забудем об этом во имя его великих страданий: потому что и сама его юность была отравлена горечью восприятий самого грязного, самого отталкивающего в жизни. Он хоть и верил в могучий полет России, но прежде всего видел грязную дорогу, которая вела к этому прекрасному будущему.

***Клавдия Александрова** (подруга Е.Марковой, но первоначально Маркова ее не приняла, стали дружить после рождения Александровой сына, когда Елена Владимировна работала в «мамском» ОЛП). Клавдия Александрова до войны была студенткой Харьковского строительного института. В годы войны жила в Харькове, в 1943 г. вышла замуж за немецкого офицера и уехала в Германию. После войны с первым мужем, адъютантом Жукова, вернулась в Харьков. Была осуждена в 1946 г. по 58 ст. на 20 лет каторжных работ. С 1946 по 1958 г. отбывала срок в Воркуте, работала вначале в шахте, потом была в составе концертной бригады, которая обслуживала лагерь.*

**Письмо-поздравление К. Александровой Е. Ивановой (Марковой).
Воркута.**

«По-разному можно жить.
Но редко отыщется человек,
Который на вопрос совести –
Как он живет? – ответил бы,
Что живет вполне правильно.
А люди, способные наедине с
собою говорить правдиво,
так хорошо видят свои ошибки,
что в интересах самосохранения
предпочитают утешить
себя поговоркою о солнце, на
котором, как известно тоже
есть пятна».

К.Федин.

В день твоего рождения, дорогая
Аленушка, ко всем тысячам
Пожеланий счастья и благополучия;
Я хочу добавить одно:
Живи так, чтобы на твоём
Солнце не было пятен. Чтобы
Оно своим золотистым светом
Покрыло всю твою будущую дорогу.

«Светить – всегда!

Светить – везде!

До дней последних донца.
Светить – и никаких гвоздей –
Вот лозунг мой – и солнца».

В.Маяковский.

Сегодня, последний, 10 праздник, который ты встречаешь с
Нами. Еще пару шагов и
Ты уйдешь от нас в настоящий, живой и радостный
Мир. Пусть никто и ничто
Не омрачит твоего счастья.
А ангел-хранитель хранит
Тебя от горя и страданий.

Но в радостях помни о тех.
Кто делил с тобой горе.
Клава.

Письмо К. Александровой из зоны Е. Марковой, которая уже «на воле», в ссылке.

Дорогая Фая!

Своими письмами ты меня очень обрадовала, когда распечатала ваш конверт, ревела, как сумасшедшая. Ну вот ты и свободна, слава Богу. У меня же состояние ужаснейшее. Тоска, грусть. Насчет свободы у меня надежд очень мало. У нас много перемен, все нач. новое, а существенного ничего нет.

Я рада, что ты будешь с Колей, дай Бог Вам счастья. А что слышно о д.Н. и Лялечке. Фая, ты обещала не забывать Котю, у меня за него почернела душа. Можешь хоть ты выберешь пару деньков и вырвешься меня проводить. Для меня это будет большим счастьем. Жду с нетерпением Ваших весточек. Крепко, крепко целую, Клава.

Привет тебе от Оли Г., Лиды, Ларисы, Марии Сем., она 6 ноября будет бабушкой, Лиды Оборин., Нины Журавлевой.

Письмо К. Александровой из зоны подругам, которые «на воле», т.е. в ссылке.

Дорогая, родная Лесенька!

Получила твоё фото и письмо с Фаиным и Павлика. Спасибо, родная, за строки. Я безгранично рада, что ты сдаешь экзамены и от всей души желаю тебе успеха. Ленусик! Ты пишешь, что я замолчала, нет, ты просто забыла, что я нахожусь по другую сторону от тебя и мой мир «немного» иной. Как видно, 2-а последних письма ты не получила и мне очень жаль, так как писала всю последнюю ужаснейшую обстановку моих невзгод, а может ты и получила да не до того теперь тебе.

На последнюю же открытку я не отвечала. Ты же знаешь меня, мне отчеты в двух фразах без искорки прежних отношений не радуют, а твоя открытка, да и это письмо окончательно разорвали мне душу. Я для тебя уже абсолютно ненужный человек в твоём новом мире. Мне очень странно, что П.Я., бывая у тебя, никогда мне ничего не рассказывает, я не знаю почему? Я понимаю, что у тебя сейчас времени в обрез и тебе не до меня. Я очень ждала все время, что ты все таки выберешь 2 дня и наведишь меня, ждала каждый день и час, но увы и это мне улыбается. Конечно, зачем тебе те, которые заживо погребены. А время прошло достаточно, чтобы изгладить следы прошлого. О моей жизни скажу пару

слов. От мамы получила письмо, спасибо за это, но положение у них чрезвычайно тяжелое, Костя ничего не помогает, а у них засуха, папа в отпуску, но никуда не поехал, потому что стараются запастись на зиму, о привозе ко мне Коти нечего и мечтать. Уже 3 месяца как они не имеют возможности чем-либо мне помочь. Можешь себе представить мое состояние после таких писем, плюс к этому последние дни я имела неприятности и стала жертвой каких-то неполадок между в/н, из меня чуть не сделали сволочь такого порядка, как тогда устроила Чесю. Сколько я пережила, перемучилась, только один Бог знает. Я подробно писала тебе эту историю, сколько всего пережито – трудно описать.

Леночка! Я очень рада за твои успехи и, конечно, волнуюсь, как тебе бедняжке тяжело в твоём положении еще сдавать, но крепись девочка. Родов не бойся, нет ничего страшного, основное – двигайся, как можно больше, не отказывай себе в еде, чтобы ребенок был крепкий и получил все необходимую основу. Напиши, когда приблизительно ожидаешь родов. Если хочешь, пришли материал белый, я пошью приданное и что-необходимое для ребенка.

Письма Павла и книгу получила, передай ему привет и наилучшие пожелания, пусть постарается приехать с культбригадой.

А.А. большой привет.

Лесик! Оставайся здоровенькая. Не забывай, пиши почаще. У меня перспектив на свободу почти нет. 2/3 я отсидела, нач. все новое, так что рассчитывать на ходатайство не приходится.

Жду твоих весточек.

Привет всем твоим приятелям.

Крепко, крепко целую. Клава.

Привет от Дзюбы, Лиды, Ларисы, Либы Обориной, Гурьвой, Марии Семен., Перовой, Лили Ковальчук.

Письмо на ткани К. Александровой из зоны Е. Марковой, которая уже «на воле», в ссылке.

Милая Леночка! Родной Рыжик! Пишу уже без всякой надежды, что ты это получишь.

6-го II у меня был бесконечно счастливый, но беспредельно грустно тяжелый день.

В этот день я одна распаковывала сразу 2-е послание от тебя и от мамы. Милая сестра, друг, родная, сколько теплоты, заботы, памяти в каждой вещичке и как ужасно осознавать, что все так далеко и эта радость вдвойне тяжелее переживать одной, все еще здесь, так живо тобой, даже пробирки смотрят иногда на меня твоими глазами, а часы

все таки тикают и подчеркивают грустное одиночество. Я разложила все и стояла, я даже не плакала, а как-то окаменела и казалось, что вся в каком-то тумане, сквозь который вырисовывалась теперь твоя такая далекая от меня жизнь. Пусто и жутко... Потом прибежала Фаина от З.К.. Я что-то делала, говорила, даже радовалась, но все это делал за меня как-будто кто-то другой, а я была где-то далеко. К вечеру я слегла, и сознание радости настоящей пришло только на утро. Спасибо, хорошая моя! В маминой пос. получила 5-ть котиных и одно твое фото. Котик большой и очень хорош, лицо осмысленное, а позы – мальчик мой! Пьесы взяли на проверку, все остальное отдали сразу: с огромным удовольствием читаю «Работу режиссера...» Хорошо. Спасибо. Всё, что ты прислала, очень хорошее, прими от меня искреннюю душевную благодарность. Очень тронута вниманием Б.С., представляю, как подробно ты говорила обо мне то, что я очень люблю. Передай ему мое душевное merci. Ты знаешь, мне хотелось послать ему что-нибудь, но, зная его строгую критику и совершенно не зная его вкуса, я не решилась ставить под угрозу его критики произведения наших «мастеров». Я живу по-прежнему, работы не хватает. На сцены работы еще больше, но только это держит, чтобы совсем не раскиснуть; Вещь «Раскинулось море...» идет плохо, работаю с девушками много, но толку мало, собрались с голосом, но...жаль, что ты не могла посмотреть. Я в один вечер показывала монолог Елене и в тот же вечер разоблачения Кисы, интересно какую бы нашла сильнее. Ах, как мне тебя не хватает. После этого будем ставить «Коварство». Кого играть? Лариса и Лида! Не стоят того, чтобы их даже вспоминать. М. очень благодарна за бумагу. Как встретишься с мамочкой? Телеграмму получила. Писем по почте с 1-го января не имею. Если шлешь, шли доплатные. Как хочется знать подробности твоей жизни, не говоря уже о том, как хочется видеть. Лебочка! А как же суфлерство? Не выходит, я за тебя очень волнуюсь, потому что знаю, что творится в твоей душе. Крепись, старина, ни на кого и ни на что не обращай внимание. Я тут же отбила желание кое-кому «беспокоиться» о тебе. Ф.Ш. молодец, за тебя горой. К сожалению, вынуждена кончать. Привет тебе от Ф. Узнай насчет Синицина, Зины К., Марины Ч. и всех остальных. Если можно грим? Привет и пожелание счастья и добра мамочке твоей, Б.С., А.А. Пожалуйста, пиши, вечно весела и радостна. Да хранит тебя Господь!

19 февраля 1954 г.

Милая, дорогая моя Лесенька!

Сон это или явь? Или какой-то мираж в этой бесконечной белой

пустыне? Милая, родная, до сих пор не могу представить себе, что ты была здесь рядом со мной, так близко и так непостижимо далеко. Вокруг меня твои вещи, подарки, везде чувствуется твоя забота в каждой мелочи, я смотрю на все – слезы закрывают глаза. Почему вещи не могут говорить, почему не скажут, что думала ты, когда готовила их мне!

О! Какое это мученье! Родная! Сердечное, огромное спасибо за твою светлую память обо мне и заботу. Вновь зима, дорога по которой мы вчера гуляли, вновь расчищена, все вокруг то же, и звездное небо, и проволока, только я одна и вновь я не могу подходить и смотреть на ворота, в них мука и пытка – за ними уходят в недостижимую даль самые дорогие, родные лица, унося от меня самое дорогое – сына, а теперь и ты стояла в предутренней дымке и тоже скрылась в ней.

Лека! Бывает ли конец пыткам? Я так ждала тебя, тысячу раз перед сном обдумывала, как брошусь к тебе, как скажу все, что вынуждена теперь всегда думать одна, как услышу твой голос, подробности твоей жизни и ... – ничего не сказала, и почти ничего не услышала. Конечно, я довольна, хоть увидела тебя, ведь всегда, даже когда я не имею вестей от тебя, я думаю о тебе и мне кажется, что какая-то ниточка от меня к тебе тянется, правда? Может быть, это мое нервное, больное воображение, а?

Ты знаешь, перед твоим приездом я знала, что ты приедешь, то есть я не знала, но предчувствовала. Пришла утром, в лаборатории работы очень много, а я села и руки ни к чему не поднимаются, сижу и плачу, и целый день места себе не находила. Наконец не выдержала, вечером пошла к Нюсе Г., поговорили, ночь не спала, а утром – ты!

За сатин огромное спасибо, сделаю себе летнее платье. Из пальто черного твоего сделала себе зимнее платье с вставкой из синего штапеля, а из пальто, что ты привезла, как разбогатею, сделаю осеннее широкое пальто.

Спасибо родная, особенно за Котеньку, и переписку с моей мамой. Как мамочка хочет, чтобы ты к ним приехала – помни всегда, чтобы не случилось, мой дом примет тебя как родную и близкую! Может у них сейчас и бедно, и не так как хотелось бы, но тебя встретят искренне и тепло! Я получила от мамы письмо с описанием дня его рождения. А потом узнала, что он переболел свинкой, а мама – гриппом. Я чуть не сошла с ума! Пожалуйста, разузнай все подробности его болезни, не резали ли ему опухоль, нет ли осложнения? Я очень, очень за все это боюсь! Теперь я ужасно мучаюсь, хочу как-то устроить свидание с сынулей. Но как? Писать маме не могу, потому что не имею права забирать у нее остатки сил на поездку. А так хочу увидеть своего сыночка, он

ведь уже такой большой! Мама пишет: Котенька лежит в кроватке и говорит: «Бабушка, я лежу и думаю, как я жить буду?» Ты можешь себе представить, что это для меня?! Да, только ты и можешь себе это представить! О, как мне необходимо твое слово! За деньги спасибо, это для меня огромная помощь.

Да хранит тебя Бог!

P.S. Ты была в церкви? Целую К.

1 августа 1954 г.

Павел!

Сегодня воскресенье. Все тихо. Я сижу в лаборатории и перечитываю твое последнее письмо, и ты кажешься мне каким-то чрезвычайно далеким и близким. Столько прошло лет – в памяти мелькает все, и наша коротенькая совместная жизнь, и мое одиночество, и мое счастье – рождение Котеньки, его первые шаги, улыбка, лепет и ужас разлуки с ним. И вновь – одиночество.

Ты был где-то далеко, тебя ничто это не интересовало, и вот снова твои письма. Чрезвычайно трудно описать всю гамму душевных встрясок, да и скучно читать такие вещи. Но два дня назад я пережила еще один интересный случай. Вечером меня вызывают в КВЧ и говорят, что кто-то приехал из культбригады для отбора людей. Я собираю девочек и приблизительно говорю, что нам показать, а сама иду поговорить с этим человеком. Встречаю мужчину средних лет с бородкой, к сожалению, фамилии его не знаю. Начинаю расспрашивать о цели его приезда. Окончив разговор на эту тему, спрашиваю о тебе. Он говорит, что тебя очень хорошо знает и даже спит с тобой рядом. Я, конечно, была поражена, что ты, зная человека, едущего ко мне, даже не прислал привет! Спрашиваю о твоей жизни, очень хотелось узнать о твоей работе на сцене. Вижу, что этот человек очень скупится говорить о подробностях твоей жизни, ограничиваясь ответом: «Живет Павел весело, поет и танцует». Я не стала расспрашивать дальше, а попросила передать привет и приехать с культбригадой. Он очень удивился и спрашивает, а от кого привет? Я даже немного растерялась, но потом решила сказать – от матери его сына.

Осадок от этого разговора меня гнетет, и я решила тебе это написать. Я не упрекаю тебя, нет. Просто очень хотелось услышать теплое слово, но его не оказалось.

Павлик! Хочу пару слов сказать о нашем катастрофическом положении. Мы очень от всего далеко, раньше у нас были хорошие силы, и работа на сцене приносила много радости. Теперь контингент пере-

менился, силы чрезвычайно слабые, а культорг М.Н. Маньковская – это сплошная набитая дура без признаков какого-либо чувства эстетики. Так что ужасно грустно. В ближайшие дни будем начинать ставить «Славу». Ты ближе ко всем лицам, связанным с КВО, может ты добьешься вашего приезда к нам. Ты не представляешь, какой это угол и тоска! Конечно, для меня этот угол имеет свои преимущества. Я работаю лаборантом, что и морально и физически меня удовлетворяет, и я никуда не думаю двигаться. Но только сидеть у микроскопа и с книгами о крови, и прочих отнюдь не поэтических вещах, ужасно утомляет. Думаю, что ты приложишь все силы и приедешь. Может быть, тебя смущает встреча со мной в связи с каким-то сценическим твоим романом? Пусть это тебя не волнует. Я в первую очередь мать, но увидеть тебя очень хотелось бы, так хочется рассказать все подробности о Ксюше.

Ты спрашиваешь, чью он носит фамилию. Он – Александров, так как без брачного свидетельства не записывают на другую фамилию.

Большое спасибо за сборник с пьесами. Для нас возможна постановка только «Славы». Только что получила письмо от мамы и очень расстроилась. У них положение чрезвычайно тяжелое. Была засуха такая сильная, что в Полтавской и Харьковской областях из-за отсутствия пастбищ скот весь выгнали в Западную Украину, а яровые хлеба вспахали под зябь. Молоко для Котеньки достают с большим трудом. Конечно, мама меня успокаивает, но я сама чувствую, что им тяжело. Вот уже четыре месяца как не получаю от них ни одной посылки. Так, Паша, болит душа, что не знаешь, куда себя деть. Мама пишет, что получила от тебя письмо и рада, что ты пишешь Коте. Она вышлет тебе фото. Котик здоров, хорошо развивается, прекрасно для его возраста владеет речью.

Папа получил с 19-го отпуск, так он говорит: «Дедушка, ну что это такое, все получают отпуск, а мои мама и папа нет, почему?» Представляешь, как родные плакали!

Я послала Коте открытку «петушок везет в экипаже зайку» и написала стишок, в котором есть слова – если Котя будет умный мальчик, то петушок привезет к нему маму. Так он каждое утро говорит: «Бабуля, я хороший мальчик? Напиши петушку, чтобы он привез маму!» Ты представляешь, что творится в душе этого малютки! Я порой просто схожу с ума. Одно счастье, что он у родных, а если бы был в детдоме, так тогда совсем повеситься!

Павлик, есть ли у тебя зачеты и когда конец твоего срока? Оставайся бодрым и здоровеньким. Жду твоего приезда. Целую, Клава.

Е.В. Маркова

СВИДЕТЕЛЬ ДУХОВНОГО МИРА

Это письма, которые сохранила моя мама. Начало было положено во время войны. Поэтому они отражают трагедии именно военного и послевоенного времени. В этот период я находилась в воркутинском каторжном лагере. Каторга существовала не только до революции, но и во время войны. Приказ об организации каторги был отдан в 1943 г. (Морозов Н. Истребительно-трудовые годы // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. – С. 88), а отменены каторжные лагеря были в 1948 г., во всяком случае, по суду не давали каторгу с 1948 г. Почему я об этом говорю. Часто слово «каторга» употребляют как метафору, по отношению ко всем лагерям ГУЛАГА. Каторгу давали по суду, каторга была на севере на Воркуте, была она на Колыме и где-то в Средней Азии. Никто не говорит, что не каторжные лагеря были какими-то благодатными, но если мы как историки говорим точно о каторге, то здесь другая ситуация. Ситуация была именно такой, что я по суду попала в каторжные лагеря.

Когда подымается вопрос о том, как удалось сохранить человеческий облик, то здесь открывается такой парадокс: каторжные лагеря были лагерями на уничтожение, они были не ИТЛ – не исправительно-трудовыми лагерями. Это были подземные работы на воркутинских шахтах, люди специально для вымирания были туда направлены. Это была в какой-то степени трагедия, но тут было и одно благо: нас не смешивали с уголовниками. Мы были в особо строгих лагерях, и вот этого всего ужаса лагерного, когда человек теряет себя, теряет речь, когда кругом один мат, у нас не было. Мне часто задают вопрос, почему на мне нет лагерного штампа, но я была в тех лагерях, где не было уголовников. Люди вокруг были вполне интеллектуальные, вполне интеллигентные. Это такое отступление для ясности.

Теперь о письмах, кому и о чем писали. Я никогда домой не писала ни о каких ужасах. Я понимала, что мою маму, которая потеряла единственную дочь, нельзя травмировать какими-то ужасами. Опять-таки, начнут читать письма и скажут: «А что такое? Если она работает в шахте, то о какой музыке она может писать или о каких стихах?». Моя эпистолярная линия – это некое свидетельство для психологов или социологов о духовном мире тех узников ГУЛАГа, которые сопротивлялись лагерной действительности. Они сопротивлялись своим духом, и это получило выражение в письмах, в стихах. Вот там представлена целая эпопея с

Борисом Сократовичем Басковым. Он был моим духовным учителем. У него облик мыслителя. Его письма талантливо написаны, их нужно публиковать. И у всех узников, чьи письма здесь представлены, они написаны на высокой духовной ноте.

Именно сейчас, когда эти документы вот так выставлены, опубликованы, выстроены, я понимаю, что письмо – это единственное достоверное свидетельство того времени. Оно передает его атмосферу. Вот я сейчас пишу о своем прошлом и, хотя хочу его достоверно представить, а я уже не та, что была тогда. Это накладывает печать на то, что я пишу. А письмо – это единственный свидетель, также как и стихотворение, пусть оно будет не совершенно по своим поэтическим качествам, но это крик души того времени. Это не все понимают. Еще лет двадцать тому назад я пыталась показывать стихи поэтам, они сразу говорили: «Ну, вы понимаете...». Почему писали именно стихотворения? Их можно сочинять где угодно, они лаконичные.

Когда я окончила десять классов, был как раз 1941-й год, но я еще успела в Ленинградский университет отправить документы. Поскольку я была отличницей и без высшего образования свою жизнь не представляла. Мой отец тоже был в Петербургском университете. И я была настроена учиться именно там. И тут как раз война. Вместо университета я оказалась в оккупации, потом в лагере. Через двенадцать лет досрочно освобождаюсь, Сталин умер. Я оказалась в ссылке, но желание учиться не пропало. Со ссылки нас никуда не выпускали. На Воркуте был такой У КП (учебно-консультационный пункт) ВЗПИ (Всесоюзного заочного политехнического института), единственная возможность учиться. И я, конечно, поступила не в университет, а в этот ВЗПИ, сдавала экзамены на Воркуте, сдавала сессии на Воркуте. И это стало трагедией всей моей жизни, потому что потом, когда наконец-то выбралась в Москву, на свободу, попала в Академию наук, защищала кандидатскую диссертацию, я столкнулась с тем, что в кибернетике работали люди с математическим образованием, университетским. Они кончали либо махмет, либо мехмат. А кто я была? Я закончила непонятный ВЗПИ, который презирали все математики, считая, что там могут учиться только дегенераты. Если кто-то хотел сделать мне неприятность, он спрашивал: «А что вы кончали?».

Расскажите, как вы попали в лагерь?

Вот это тоже история. Я попала в оккупацию: работала в госпитале, был прорыв фронта. У меня были подопечные раненые. После прихода немцев, в первый момент кого-то можно было спасти, спрятать у местных

жителей. Когда пришли немцы, то начали прочесывать город, если находили кого без документов, то расстреливали и его, и тех, кто его прятал. Нужно было достать для раненых документы, которые бы доказывали, что они местные жители. А как достать? И я от своей абсолютной наивности, от хороших душевных порывов пошла работать на биржу труда, для того, чтобы достать необходимые документы. Документы я достала. Многие немцы были беспечные. Мой начальник говорил: «Вот тебе аусвайсы, раздай народу». Мне это только и нужно было, я раздавала документы тем, кто скрывался. Когда пришли наши, все они пошли в штрафные батальоны и там погибли, а меня, за то, что я работала на немцев, отправили в лагерь. Я попала на каторгу только из-за своего желания спасти людей.

Потрясающие были истории. Вот Лариса Гуляченко, красивая девочка, белокурая, с громадными голубыми глазами, пошла в разведшколу, чтобы ее там быстро обучили немецкому языку и забросили в тыл врага. И она попала к немцам, ее должны были расстрелять, но нашелся офицер, который ее спас. Находились и такие немцы, которые по тем, или иным причинам спасали наших. Она опять попала в действующую армию, воевала, а затем ее арестовали и отправили на каторгу. Мы с ней переписываемся. Вторая девушка была из Белоруссии, партизанка. Женя Склозских. После десятого класса она стала связной между лесными братьями и конспиративной квартирой. Потом ее поймали немцы и посадили в тюрьму. Наступали наши войска, немцы отступали, это самый тяжелый момент был: заключенных и немцы, и наши при отступлении уничтожали, сжигали вместе с тюрьмами или расстреливали. Ее, вот эту Женю, спас немец, выпустил из гестапо. За это она тоже попала на Воркуту. Об этих случаях они многие годы не могли рассказывать. Все немцы считались врагами, скажи, что немец тебя выпустил из тюрьмы, спас, да кто поверит? Со мной был сходный случай, мама меня выкупила из немецкого заключения за золотое кольцо, об этом тоже нельзя было говорить. Немцы все были разные, многие не хотели войны и зла к нам не испытывали. На Воркуте, рядом с нашим лагерем был лагерь немецкий, там сидели те, кого осудили как военных преступников. Я с ними говорила. Были там люди довольно высокого положения, генералы. Многие превратились в дистрофиков, что с ними стало потом, не знаю. Мы узнавали о продвижении нашей армии на запад по этапам. Идут украинцы, затем прибалты, молдаване, потом еще кто-то. Дошли наши войска до Германии – пошли этапы с немцами.

Скажите, пожалуйста, вот здесь представлены лагерные письма, как я понимаю, есть такие, которые пересылались официально и есть те, что удавалось передать, минуя цензуру, а какие количественно преобладают?

Преобладают «подпольные». У этих писем совсем другой стиль, в них я могла переслать и стихи, написать о каких-то впечатлениях, воспоминаниях. Письма передавали вольнонаемные. Многие брали их охотно: «Девочка не беспокойся, мы передадим». А ведь за это они могли получить срок. Мама присылала мне посылки через кого-то, их мне приносили в зону. Сегодня все знают, что был такой Валенберг, который спасал узников концлагерей, а об этих людях, которые помогали каторжанам выжить, никто вообще не знает. Даже я не могу восстановить их имен. Даже в условиях каторги, в пространстве абсолютного зла, утверждалось добро, причем бескорыстное добро. Вот здесь есть письмо Клавы мне, написанное на клочке ткани. Дело в том, что такое письмо было проще вынести из лагеря: при обыске оно не шуршало, его можно было подшить к одежде или засунуть за подкладку.

Какие газеты были в лагере, откуда получали информацию?

Все было в динамике. Когда мы только попали в лагерь, то как в черную дыру провалились. Ни газет не было, ничего. Только вот придет этап, придут новенькие, тогда последние новости узнаешь. Позже у нас появилась КВЧ – культурно-воспитательная часть, провели радио. Газет в наших каторжных лагерях я никогда не видела. Может где они и были. А вот, когда в ссылке жили, то местные газеты уже читали.

Л.М.Макарова

ПИСЬМА И ВРЕМЯ

Одна из функций эпистолярных источников – передача атмосферы эпохи, которой они принадлежат и которую они в силу этого обстоятельства отражают с разной степенью точности. Эта фиксация непосредственно переживаемого тем более ценна, что спустя какой-то период, иногда совсем небольшой, прежняя непосредственность восприятия исчезает, начинается вторичное осмысление пережитого с позиции обретенного нового опыта. Новое осмысление концептуально существенно сложнее непосредственного восприятия, поскольку содержит обобщение, включающее наряду с собственным похожий опыт других.

Способ организации материала выставки преобразует время, которое перестает быть линейным и вмещает параллельно настоящее и будущее. За счет комплексного воздействия выставка погружает в иной мир, где мы снова сталкиваемся с активизацией эмоциональной стороны восприятия теперь уже достаточно далекого прошлого.

Е.В. Маркова, сегодняшняя комментатор эпохи, в которую были созданы письма, и девятнадцатилетняя Е.Иванова, вчерашняя школьница, период взросления которой пришелся на время лагерей – это один и тот же человек. И одновременно это – разные люди не только в силу значительной хронологической отдаленности комментируемого, избирательно зафиксированного прошлого, но и его интерпретации теперь уже на уровне контакта времен.

Лагерный мир, в котором жила Е.В.Маркова, представал как замкнутое пространство, перевернутое в силу его избыточной идеологизированности. В том мире доминировала догма, а людей приносили в жертву идеям. Е.В.Маркова говорит о стихах, сочиненных в лагерях непосредственно в тот период. Поэтические строки не просто лаконичны – они включают слова, которые тогда казались наиболее правильными и точными, и, как музыка, отражали эмоциональное состояние человека, создавшего их. Поэтому имеет смысл учесть ритмику стиха, мелодический строй которого является результатом специфической работы мозга и способен дольше удерживать эмоциональную память о пережитом.

Стихотворный текст – это уже осмысление на знаковом уровне, поскольку создается символический образ непосредственного восприятия, пережитое не просто фиксируется, оно кодируется. Смысловое поле при этом расширяется, и эмоциональный настрой, тот самый дух эпохи, о котором максимально говорится применительно к этой выставке, передается точнее. С известной условностью можно воспринимать это и как стремление обойти цензуру и передать близким особенности собственного эмоционального восприятия ситуации. Однако стихотворное самовыражение больше способствовало выражению эмоций как стремлению справиться с ситуацией, чисто психологическому снятию стресса, поскольку динамика стихотворных строк существенно выше динамики прозы.

Письма прошедшей драматической эпохи и сегодня создают временной фон для осмысления не только минувшего, но и настоящего, и будущего.

А.Ю. Котылев

ПИСЬМО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Одной из характерных черт советской исторической науки и квазинауки было системное противопоставление типизированных образов героев личностям обычных людей. Если жизни первых признавались достойными изучения, их события воплощались в тщательно отретушированном виде в стандартных официозных «житиях», то судьбы вторых особого интереса у большинства ученых не вызывали. Человек мог стать персонажем исторического исследования только в том случае, если совершал нечто «типично выдающееся» по канонам советской идеологической системы, под которые подгонялась при этом вся его жизнь. Соответственно выстраивалось и отношение к историческим источникам, содержащим информацию об индивиде. Предпочтение, и при комплектовании архивных и музейных фондов, и при отборе исторической информации исследователем, отдавалось официальным документам, личные источники в большинстве случаев игнорировались. В результате количество последних в российских хранилищах документов на порядки меньше, чем в Европе. Тем большую ценность представляют сегодня семейные архивы, сохраненные, несмотря на все катаклизмы российской истории, на все усилия советской идеологической системы откорректировать народную память по своим стандартам. Уже первые попытки сыктывкарских исследователей отыскать новые личные архивы показали, что это вполне возможно. Более того, существует значительное количество людей, которые готовы активно сотрудничать с исследователями в этом направлении. Таким образом, первый итог данной выставки, на который следует обратить особое внимание всем, кто хочет осваивать личностные пласты отечественной истории: новые источники сегодня найти можно и нужно (особенно много неизвестных документов по истории XX в.), необходимы специальные программы по поиску, публикации и изучению этих свидетельств, комплектованию фондов хранилищ исторических документов, созданию образовательных проектов. Очевидно, что и патриотическая работа с молодежью, о которой любят в последние годы поговорить наши чиновники, должна быть направлена в первую очередь в это русло, а не на воспроизводство обветшавших мифов державного величия.

Письма занимают особое место среди источников, выражающих личностный план бытия. Адресованные, как правило, наиболее близким людям, они очерчивают тесный круг человеческого общения, непосред-

ственно фиксируя его значимые проявления, запечатлевая душевные состояния, тревоги и радости конкретного человека, позволяя воссоздать интимную часть мира. В динамичном XX в. письмо, которое пишется человеком куда-либо уехавшему из дома или адресовано ему, отмечает движения человеческой жизни, связанные с перемещением в пространстве. Тесно связанный с повседневностью, запечатлевая насущные проблемы быта, эпистолярный жанр в то же время открывал широкие возможности для излияния чувств. Письма из прошлого открывают перед нами эмоциональный мир человека того времени, позволяют узнать, какими были эти люди: солдаты большой войны, их жены и дети, узники лагерей. Все они писали друг другу, что делает письмо универсальным источником, воплотившим в общей форме частицы частной жизни индивида, которые демонстрируют ряд типичных ситуаций характерных для данного исторического периода в уникальном ракурсе отдельной судьбы.

В бурном потоке истории прошлого столетия акт начала переписки был связан, как правило, с определенным переломом в жизни человека, менявшего привычные место и образ жизни на иные, с переломом, который часто был вызван очередной катастрофой в жизни страны. Большинство людей приходило в движение не от хорошей жизни, и не по своей воле перемещались в пространстве страны и мира. Новые места их жизни зачастую являли собой социокультурные пространства экстремального типа, в которых человек был вынужден вести жестокую борьбу и за физическое существование, и за сохранение своей человеческой сущности. Письма из таких мест являются, следовательно, свидетельствами экстраординарного пути человеческой жизни, выражением «инобытия» индивида, отличного по целому ряду параметров от «нормального» его существования в традиционном социокультурном пространстве. Наиболее завершенными видами нетрадиционного пространства являются фронт и лагерь, которые демонстрируют максимально возможный отрыв человека от стабильной среды его существования. Оба этих пространства характеризуются разрушением нормальной социальной организации, которая заменяется системой переходного типа, культивированием смерти как основного содержания человеческой жизни, ценность которой стремится к нулю. Для индивида, оказавшегося в этих условиях перманентного умирания, письмо зачастую было единственной возможностью связаться с нормальным миром, убедительным доказательством того, что он еще существует, надеждой на возврат к стабильному существованию, на выживание. Для тех, с кем переписывался фронтовик или заключенный, письмо было, прежде всего, подтверж-

дением того, что он еще жив. В любом случае оно выступало как стабилизирующий элемент хаотичного бытия, внося в него момент определенности и порядка, отмечая факт человеческого существования вопреки умерщвляющим сверхчеловеческим силам, пленившим индивида, и стремившимся его обезличить и уничтожить. В истории России время главной из войн и время лагерей накладываются друг на друга, делая экстремальную ситуацию всеобъемлющей, причем первое зачастую заслоняет собой второе, и даже противостоит ему, как время героическое противостоит времени унижения и позора. Письма и свидетельства очевидцев демонстрируют, что в лагере человеку приходилось проявлять не меньшую стойкость, чем на фронте, а в плане отстаивания самоценности своей личности даже большую. Однотипность фронтового и лагерного хронотопов долгое время игнорировалась советской системой пропаганды и официальной наукой, которые, впрочем, стали с шестидесятых годов частично признавать героизм узников нацистских концлагерей, по-прежнему отказывая в каком-либо подобии его узникам лагерей советских. Между тем, именно по отношению к последним следует ввести особое понятие «личностный героизм», под которым следует понимать не сакрализованную функцию полубога, не единичный порыв удалства и не стойкое выполнение общественного долга (как это имело место на фронте), но ежедневное отстаивание границ своего внутреннего мира при потере социокультурного статуса, под клеймом государственного преступления, в условиях официального осуждения и общественной отверженности.

Исследование эпистолярного источника, помимо прочего, обозначает последний рубеж противостояния личности и тоталитарной системы, на котором письмо оказывается оружием обеих сторон. С одной стороны, оно позволяло человеку виртуально выйти за пределы экстремального хронотопа, сохранить личные отношения с людьми из другого мира, что позволяло поддерживать надежду на возвращение туда, к нормальным условиям существования. Для многих письмо становилось также единственным доступным способом фиксации плодов творческой деятельности, выражения личностного отношения к окружающему миру, которым можно было поделиться с другим человеком. Однако эти качества письма привлекали и репрессивно-пропагандистские органы тоталитарного государства, которые не могли игнорировать столь важный рычаг воздействия на отдельного человека. Наиболее очевидным способом контроля над перепиской была фронтовая и лагерная цензура, совершенно официально занимавшаяся перлюстрацией, которая могла иметь очень серьезные последствия для авторов. Известны случаи, когда

письма становились основой уголовного дела и за них давали нешуточные сроки (как, например, А.И.Солженицину и его фронтовому другу) [1].

В то же время, власть стремилась не только поймать «преступников за руку», но и обезличить весь процесс переписки, сделать его стандартизированным, управляемым. С этой целью в СССР были во время войны разработаны специальные правила написания посланий домой, которые доводились до солдат, публиковались во фронтовых газетах. В третьем рейхе пропагандистская машина действовала несколько тоньше: по государственному заказу там был снят специальный фильм о солдате, пишущем домой с Восточного фронта, но качество картины не удовлетворило, по некоторым сведениям, Геббельса и в широкий прокат фильм не пошел. В шестидесятые годы советский режиссер Савва Кулиш сделал на его основе документальный фильм «Последние письма» [2].

Стремление системы взять под полный контроль все культурные проявления личности, естественно, вызывало обратную реакцию. Российские люди со свойственной им в подобных случаях изобретательностью, изыскивали способы обхода установленных правил и цензурных запретов. Интересно, что при этом они демонстрировали солидарность и готовность к взаимовыручке. В лагерях фактически действовала неофициальная почтовая служба, достаточно эффективная, несмотря на опасности, которым подвергались люди, соглашавшиеся передавать письма заключенных. В официально отправляемых посланиях тоже применялись различные способы для обхода цензуры. Представителям малых народов (тем же коми) можно было опасный фрагмент письма изложить на родном языке, справедливо полагая, что ни в одной организации не могут знать всех языков народов нашей страны. Несмотря на очевидную опасность выражения своего мнения на бумаге, желание сделать это было для многих сильнее страха перед наказанием. Сам процесс письма оказывался для многих творческих людей единственной возможностью объективации своей личности в созидательном культурном акте.

Писали, конечно, не только письма. В определенных условиях узник иногда получал возможность создавать и целые книги, как это было с Д.Л.Андреевым и его сокамерниками по Владимирскому централу [3], или с Л.Н.Гумилевым. Однако подобные случаи являются скорее исключениями. Большинство заключенных (да и солдат на фронте) могло удовлетворить свою потребность в творчестве только через создание малых форм. Не случайно в архиве Е.В. Марковой сохранилось значительное количество стихотворений. Поэтическое творчество не требовало много времени, небольшие по объему произведения было легче

спрятать и передать. В то же время, они позволяли выразить эмоциональное напряжение, обозначить причастность автора к миру высокого и прекрасного. Письмо из прошлого выступает при этом как свидетельство силы человеческой личности, ее способности выстоять под самым жестоким гнетом.

Эпистолярное произведение культуры военных лет, изначально предназначенное для преодоления пространственно-временного разрыва, сегодня выполняет ту же функцию. Правда сейчас, в отличие от того периода, основное значение придается временной отдаленности, через которую письмо перебрасывает овеществленный мостик. Очень важно, что среди нас сегодня еще живут авторы и адресаты многих из этих посланий. Отправив их фактически сами себе, они способны вспомнить обстоятельства создания и передачи этих произведений, восстановить многие контексты, которые иначе были бы утрачены, дать ключ к реконструкции представлений людей того времени. Современные исследователи должны максимально использовать эти уникальные возможности, отыскивая и расспрашивая людей, чей культурный опыт и знания не были востребованы нашим обществом долгие десятилетия. Письма и другие личные документы могут послужить отправной точкой в процессе общения ученого с обладателями знаний о прошлом, итогом которого должна стать новая «устная» история, восстанавливающая права каждого человека на свое место во времени и на свое представление о происходящем.

Выставка «Между строк» отличается органичным сочетанием экспонируемого материала, художественного решения и современных технических средств подачи информации. Большинство письменных источников представлять в музейном пространстве крайне трудно. Пожелтевшие, мятые листки бумаги, выцветшие чернила, неразборчивые почерка делают этот материал принципиально незрелищным, он способен вызвать продолжительный интерес только у специалиста. В данном случае дело обстоит по-другому, задачу репрезентации писем военных лет удалось успешно решить.

Художественное оформление выставки является не только эффектным, но и концептуальным. Удачной находкой его авторов является представление многослойности культурного текста, символизирующей, как видится, толщу культурного времени, отделяющего нас от оригинального источника. Строки, бегущие по стенам и потолку в мультимедийной проекции, дублируются звучанием, дополняются надписями на стенах, на банерах, на оргстекле. Все эти фрагменты текста, выхватываемые взглядом из полутьмы, складывающиеся из дрожащих пятен,

растворяющиеся в неверном свете проектора, демонстрируют свою вторичность, копированность, они подобны обертке, одновременно скрывающей и представляющей ценный подарок: расположенные в углублениях, ярко освещенные тексты подлинных писем.

Эта зримая метафора представляет и зрителя самому себе, как человека, пытающегося разглядеть за наслоениями официозной пропаганды, вечных мифологем, художественных интерпретаций, ходячих стереотипов живых людей той эпохи, что кажется нам равно совсем близкой и страшно далекой. Особенно же точно эта метафора передает сущность труда историка, постоянно стремящегося добраться до подлинного факта, и вечно вязнущего в слоях своей и чужой субъективности, руководящих установок, общественных неприятий, властных велений моды. Наибольшей дизайнерской удачей является то, что роскошная рама оформления не заслоняет собой основные экспонаты, но, напротив, подчеркивает их значимость, фокусирует зрительское внимание на самих письмах, которые, в свою очередь, становятся поводом для разговора о судьбах конкретных людей.

При всей «буквографичности» оформления выставки авторам удалось сделать ее антропоцентричной. Достигается это отчасти за счет представления писем как произведений авторской, творческой, высокой культуры (что подкрепляется сочетанием их со стихотворениями), но главным образом благодаря общей организации экспозиционного пространства как сложного сочетания двух линий двух судеб. Каждая из этих человеческих жизней предстает, в то же время, как смыслообразующий центр, объединяющий вокруг себя множество других людей, тоже ставших персонажами выставки.

Важным структуроопределяющим фактором стала оппозиция мужского и женского начал, соотнесенная с двумя основными судьбами. Концепционно неслучайным предстает и соотнесение мужской линии с фронтовым пространством, более официальным и нормативным, а женской – с лагерным, более, как ни странно, свободным и творческим. Эти характеристики социокультурной среды сформировались произвольно, они являются порождением и следствием репрезентируемой эпохи, социокультурная система которой выстраивалась с очевидным доминированием мужского начала, но оно же подвергалось постоянному контролю. Оказавшись на фронте, мужчина в большинстве ситуаций лишался иных возможностей связей с домом кроме официальных, подцензурных. Женщина по своему социокультурному положению была, как представляется, более свободна (в том числе и внутренне), оказавшись в лагере, она стремилась преодолеть унижение творческой

активностью, что и показывает экспозиция. Конечно, из этого не следует, что на фронте или в лагере не было творчески активных мужчин или нетворческих женщин, но в данном случае обозначенное противопоставление выявляет ряд характерных черт репрезентируемой эпохи, выступая как удачный исследовательский и экспозиционный прием.

Впрочем, противопоставление двух главных линий не воспринимается на выставке как нечто конечное и застывшее, многочисленные переключки и повторы жизненных перипетий демонстрируют зрителю, что фронтовая и лагерная судьбы являются лишь частью общей трагедии, обесценившей человеческую жизнь до уровня расходного материала. Подхваченный волной неизмеримо превосходивших его событий, отдельный человек не был в состоянии выбирать где, кем и с кем ему быть, что, впрочем, не лишало его свободы нравственного выбора, плата за который была порой чрезмерно жестокой.

Авторам выставки удалось собрать уникальные материалы, многие из которых заслуживают отдельного исследования и рассказа. Фронтвые треугольники, вырезки из газет, фотографии, детские рисунки, письма на ткани вместе воссоздают узнаваемый и странный мир человека военного времени. В соседнем зале музея война представлена в более традиционных и привычных формах пулеметных стволов, стреляных гильз, парадных полотен и героизированных скульптур. Совмещение в соседних пространствах двух разных типов восприятия и репрезентации одной эпохи позволяет зрителю сопоставлять возможности этих подходов к представлению прошлого, выбирать то, что ближе ему самому. Фактически в музее осуществлен опыт создания поликультурного пространства, в котором каждый артефакт демонстрирует свои различные возможности. Если предметы вооружения и произведения изобразительного искусства времен войны более наглядны, более выразительны визуально, то письма более информативны и эмоциональны, но чтобы выявить эти их достоинства и потребовались особые экспозиционные приемы.

Современный уровень построения выставки достигнут в значительной степени за счет использования технических средств, которые применялись как для оформления выставочного пространства, так и для создания виртуального варианта экспозиции. Включение в ткань выставочного убранства различным образом выписанных и репрезентированных наиболее показательных и эффектных фрагментов писем, позволило познакомить с ними широкого зрителя, дать ему представление о содержании многих из представленных произведений, вызвать у него желание поближе познакомиться с ними. Возможность для последнего действия

предоставляет электронная версия выставки, с которой можно познакомиться прямо в выставочном пространстве. Эта, дополняющая его часть, имеет не только экспозиционное, но и научное значение. Фактически данная программа вводит в научный оборот целый ряд новых источников, открывая перспективы дальнейшего изучения истории в письмах.

Выставочный проект «Между строк» хорошо показывает синтезирующие возможности музея по организации сотрудничества специалистов из разных культурных сфер: ученых, художников, программистов, преподавателей, по совмещению исследовательской и образовательной деятельности. С первых шагов работы над проектом в подготовке материалов принимали участие студенты филологического факультета Коми государственного педагогического института, они же стали одними из первых посетителей выставки. Со студентами третьего курса после посещения экспозиции было проведено анкетирование, результаты которого нуждаются в более тщательном изучении, но уже сейчас можно говорить о некоторых характеристиках процесса восприятия выставки. Большинство студентов оценило свое посещение выставки как позитивное познавательное и эмоциональное событие, отрицательные впечатления связаны в основном с продолжительностью экскурсии и температурой в помещении. Больше всего основной части реципиентов понравилось оформление зала, мультимедийное сопровождение экскурсии, ее содержание, оригинальные материалы, представленные в экспозиции.

Наибольший интерес, кроме судеб главных героев (выделившие их студенты разделились почти поровну), вызвали судьба юноши, написавшего антисталинское стихотворение, и судьбы детей, родившихся в воркутинском лагере. Почти все студенты оценили информацию, которую получили во время экскурсии, как объективную. Многие отметили явную недостаточность своих знаний о войне, о жизни людей в то время. Практику анкетирования представляется целесообразным распространить и на школьников, чтобы сразу иметь возможность исследовать, как они воспринимают выставку, отмечать пробелы в их образовании и воспитании, настраивать их на самоанализ. В заключение хотелось бы привести выборку ответов студентов на некоторые вопросы анкеты.

Что нового вы узнали?

«Я узнала о том, что письма солдат подвергались цензуре, и о том, в каком положении находились люди на войне».

«Много нового узнала о жизни Старцева, о ссылке в Воркуте, о мыслях людей, живших в то время, оказывается, были люди, которые восставали против Сталина».

«В общем-то, новым было все, поскольку на уроках истории говорилось только о военных действиях, и лишь мельком затрагивались судьбы отдельных людей, их отношение к войне, к Сталину; здесь мы узнаем о стойкости русского народа, о теплых отношениях между разлученными людьми, которые свою любовь передавали через письма».

«Нечто подобное я часто слышала дома от своих родственников (о судьбах репрессированных)».

Какое отношение к отечественной истории формирует, по-вашему, выставка?

«Мы по-новому всматриваемся в историю войны. Именно через письма обыкновенных людей мы узнаем реальную историю событий».

«Война – это всегда беда, отчаянье, но, судя по фронтовым письмам, она пробуждает в людях любовь. Становится ясно, что учебники коверкают историю, превознося отдельных личностей и умалчивая о судьбе народа».

«Мне кажется, что эта выставка должна формировать чувство гордости за народ в целом и отдельных людей, участвовавших в войне».

«На примере судеб некоторых личностей нам открывается реальная картина истории без приукрашиваний и недосказанностей».

«Мне кажется, посетители захотят узнать больше о судьбах солдат. Лично мое мнение изменилось, оказывается, война это не просто факт, событие истории в целом, она была в жизни каждого человека».

«К истории какое отношение было, такое и остается. Выставка может вызвать какое-либо отношение к отдельной личности (допустим к Сталину), к самой войне, к людям, которые страдали из-за нее».

Как можно, на ваш взгляд, использовать письма прошлых лет на уроках литературы и культурологии в школе?

«В виде наглядного пособия, как подтверждение тому, что жизнь продолжалась, люди любили, скучали, общались, несмотря ни на что».

«1. Устроить в школе подобную выставку (камерную).

2. Зачитывать письма на уроках.

3. Самостоятельное чтение семейных писем и подготовка конкурсных сочинений о войне».

«Привлекать школьников к поиску писем у своих бабушек и дедушек».

«Проводя урок литературы по произведениям о войне, можно зачитывать письма, чтобы показать отличия художественного и реального описания жизни».

«Письма можно использовать в качестве материала, раскрывающего особенности культуры военных лет, связь миропонимания людей того времени с миропониманием современников».

Литература и источники

1. Парина Н.Д. Вместо послесловия // Андреев Д.Л., Парин В.В., Раков Л.Л. Новейший Плутарх. – М., 1991. – С. 299-300; Котылев А.Ю. Европейские культурные традиции в контексте псевдоисторического произведения // Межкультурный диалог в историческом контексте. – М., 2003. – С. 120-122.
2. Кино: Энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 222, 367.
3. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А. Малое собрание сочинений. – М., 1991. – Т. 5. – С. 23, 102-103.

Н.Я. Драчева

ИХ ЖИЗНЬ – ИЛЛЮСТРАЦИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ...*
(Воспоминания о Николае Старцеве – герое выставки «Между строк...»)

...Итак, мама и дядя Коля познакомились и поженились, будучи студентами Академии коммунистического воспитания им. Н.К.Крупской. Он был другом первого мужа моей мамы, который умер через два года после их свадьбы. Дядя Коля очень тактично относился к маме, ее горю, очень хорошо и тактично отзывался о Викторе (первом муже мамы), и впоследствии, наверное, чувство благодарности за поддержку в трудные минуты переросло в любовь.

Это целый роман, причем необыкновенный! Но их ждало разочарование и испытания. Мама никак не могла подарить долгожданного первенца своему мужу. И вот 3 мая 1933 г. это радостное событие состоялось, родился Игорек. Но жизнь его была коротка, и из-за ошибок врачей 30 апреля 1939 г. ребенка не стало. Николай Александрович очень сильно переживал смерть сына, есть его стихи.

11 октября 1940 г. родился второй сынок — Сашенька. Он родился недоношенным, так как на маму, которая поздно после занятий возвращалась домой, напал грабитель, и она от пережитого страха родила преждевременного ребенка. Когда началась война, маму с Сашенькой отправили в эвакуацию в Раненбург Рязанской обл., где он 11 августа 1941 г. скончался, и тоже от недосмотра врачей.

* Редакция И.Ю.Моисеевой.

Вернемся к 1930 г. В 1930 г. Н.А. Старцев заканчивает Академию коммунистического воспитания им. Крупской по отделению школьному педолого-педагогического факультета. В 1932 г. он поступает в аспирантуру Высшего коммунистического института просвещения (свидетельство об окончании трехгодичного курса аспирантуры подписано самим народным комиссаром по просвещению РСФСР А.С.Бубновым) и в 1935 г. успешно ее заканчивает, что дает ему право до защиты диссертации преподавать в высших учебных заведениях «педологию» на правах доцента. Н.А. Старцевым уже была написана диссертация по теме «Роль наследственности и среды на развитие памяти» и назначена защита ее на сессию 1936 г. Но защититься ему не удалось. События как в кино, развивались странным и непонятным образом.

Жили они в то время в общежитии для аспирантов (в доме Н.В.Гоголя, где он, будучи больным, сжигал последние главы «Мертвых душ»). Жили в маленькой комнате с маленьким Игорем, родившимся в мае 1933 г. Дядя Коля был убежденным коммунистом. И вот ни за что, ни про что исключили из партии, выселяют (буквально выкидывают вещи на улицу, не обращая внимания, что в семье двухлетний малыш) из общежития. В то время всюду заправлял Ежов. И куда мама не обращалась за помощью, все чиновники были глухи и немые. Мама вынуждена была с маленьким ребенком скитаться по чужим углам. Причем люди, приглашая ее, тоже рисковали. Но несмотря ни на что, свет не без добрых людей. И в первое время ее приютила у себя болгарка тетя Света, которая жила в том же общежитии, затем в кабинете директора школы, где преподавала мама. Так было, пока не получили маленькую, 10-ти метровую комнату в общежитии для учителей, сделанной из конюшни начальницы гимназии (школа № 131 Фрунзенского района г. Москвы была до революции гимназией). Комната была сырая и темная, солнечный свет падал, только отражаясь от окон школы. Одноэтажное здание, оно было как в колодце пятиэтажных школ, окружавших его.

Дядя Коля вообще не имел туда доступа и жил, где придется, так как комнату, и то наполовину, с чужими людьми, дали только маме и ребенку. А тут и с работой плохо! Педология на очередном съезде партии была объявлена лженаукой. И вот дядя Коля устроился в среднюю школу № 256 г. Москвы в качестве преподавателя математики...

Дядя Коля недоумевал, почему на него такие напасти, в чем он виноват, так как формулировка была общая и обтекаемая. И тогда мама вспомнила, что в разговоре со старой большевичкой, которая чуть ли не с В.И.Лениным была лично знакома, которая была у нас в гостях летом 1935 г. дядя Коля имел неосторожность сказать о Сталине две

фразы: «Какой он теоретик, он перерабатывает труды В.И. Ленина в более доступной форме» и «Он не массовик: он боится народа, почти не выходит к массам народным» (фраза вторая не совсем точная по форме, но смысл таков)...

Когда началась война, дядю Колю не брали в армию, как неблагополучного; пробивался он временными поручениями и заработками... С первых же дней он просился на фронт, но ему отказывали. Выполнял он, как и все москвичи работы, связанные с укреплением обороны Москвы. Работал в Ростокинском рабочем батальоне, рыл траншеи и противотанковые рвы, выполнял отдельные поручения. В декабре 1941 г. он был командирован вместе с моей мамой, вернувшийся из эвакуации, где она похоронила своего второго сына, в Алма-Ату Казахской ССР для сопровождения теплых вещей детям, находящихся в школьных интернатах. Командировка была нелегкая. Ехали в товарном вагоне, где даже настоящих замков не было. На одном из полустанков к ним стали лезть воры, а сопровождающих только двое — Николай Александрович и его жена Мария Петровна. И вот где пригодился артистический дар обоих. Они на разные голоса, имитируя большое количество людей в вагоне, стали якобы будить друг друга и вооружаться против незваных гостей, которые бросили свои попытки проникнуть в вагон. Таким образом детские вещи в целости и сохранности были доставлены в Алма-Ату. 1 февраля 1942 г. они возвращаются в Москву. С 30 апреля 1942 по 14 мая 1942 г. Николай Старцев работает в должности инспектора налоговой инспекции. 14 мая 1942 г. он был призван на фронт, когда враг был отбит от Москвы. Но положение было серьезное, — не хватало людей, и его призвали, по-моему, в штрафной батальон рядовым, так как из-за заведенного на него дела, он был лишен офицерских званий...

Уже в январе 1943 г. моя мама получила похоронку, где говорилось, что Н.А.Старцев был убит 13 января 1943 г., похоронен в Ворошиловской или Ворошиловградской области, Давыдовском районе в 33 км от д. Селявино.

Он родился на Севере, но очень боялся холода... Поэтому он говорил маме, что боится воевать зимой из-за холода. Так он и погиб — зимой на Дону. Этот вывод сделала мама, так как последнее письмо она получила от него со словами: «Нахожусь на твоей родной реке (название он не имел права писать, иначе письмо было бы аннулировано). А так как родная река мамы Дон, то она сделала вывод, что он погиб там, в 1943 г. зимой...

Так погиб этот удивительно способный человек, преданный марксистской идее. По словам знавших его людей, Н.А.Старцев был чрезвычайно эрудированным человеком, его называли «коми Ломоносовым», он писал стихи. Он был талантлив в математике, психологии, педагогике, литературе... А вообще, их жизнь достойна более подробного изучения, как иллюстрация того времени и эпохи.

Е.В. Маркова

**ОТ ХАРЬКОВА ДО БЕРЛИНА И ОБРАТНО С ЗАЕЗДОМ
В ИТАЛИЮ И ДОЛГОЙ ОСТАНОВКОЙ НА ВОРКУТЕ**

*(Воспоминания о Клаве Александровой – героине выставки
«Между строк...»)**

ГУЛАГ чутко реагировал на все события в нашей стране. Об этом говорили этапы, один за другим прибывающие на Воркуту. По ним мы судили о скорости продвижения на Запад нашей доблестной Советской Армии. Пригнали прибалтов, значит «освободили» Латвию, Литву и Эстонию. Прибыли поляки, значит наши в Польше. После Дня Победы распустилась во всей красе немецкая тема. Немцы прибывали разные, в том числе и военные преступники. В этом не было ничего удивительного, но вот что удивило – из Германии поступали не только немцы, но и воины-освободители и даже их жены. Жены нас особенно впечатляли, такие умопомрачительные наряды нам не привиделись даже в самых фантастических снах. И это притом, что жены появлялись перед нами не в полном своем блеске: по дороге их грабили уголовники, в лагере основная часть вещей поступала в каптерку. Но даже то малое, что доходило до барака, приводило нас в трепет.

В одном из этапов 1946 г. нас особенно заинтересовала одна молодая особа, на нарядах которой явно значился германский след**. Поползли

*Редакция, примечания и послесловие А.Ю.Котылева.

**Клава попала в Воркутлаг в период его наибольшего «расцвета», когда численность заключенных увеличилась по сравнению с довоенной более чем в два раза, превысив 60000 человек. Максимально разнообразным стал их социальный, национальный, профессиональный состав. Значительным разнообразием характеризуются и виды воркутинских лагерей этого времени, что хорошо видно в мемуарах. (Морозов Н. *Истребительно-трудовые годы // Покаяние: Матриолог. – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. – С. 92-95.*)

интригующие слухи – это жена адъютанта Жукова. Неужели самого Жукова? За что, про что? И каким образом?

О своей длинной сногшибательной истории поведала она сама – каторжанка Клава. Чтобы оценить силу воздействия ее рассказов на нас, каторжанок с двухлетним стажем, нужно представить себе специфику нашей лагерной жизни. Для нас, грязных, завшивленных и обтрепанных, все было кончено. В двадцатилетнем возрасте нас сделали заключенными и никогда уже мы не сможем почувствовать себя молодыми, красивыми и свободными. Мы были, словно заживо погребенными в вечно мерзлой могиле, без малейшей надежды вырваться из нее на свет божий. И вдруг на нас обрушивается каскад удивительных историй, вернее – сказок, где через край льются любовные приключения, увлекательные встречи, путешествия по Европе и все это в интерьере красивой роскошной жизни. Нужно отдать ей должное, она проявила яркий талант рассказчика и удивительную откровенность. Она раскрывала такие стороны своей жизни, о которых не всякая женщина упомянула бы даже в кругу самых близких друзей. Поэтому все, о чем здесь будет рассказано, не стоит трактовать как раскрытие тайной жизни нашей удивительной солагерницы. Она сама громогласно обо всем рассказала, и слушали ее десятки ушей.

Оказывается, она жила не только в Германии, но и в Италии и Швейцарии. Клава свободно говорила по-немецки, немного знала итальянский и английский языки. Это придавало ей в наших глазах еще большую значимость. Мы так и говорили: пойдем послушаем сказки Клаверизары под названием «Тысяча и одна ночь от Харькова до Берлина с заездом в Италию».

Сказки Клаверизады, рассказанные в каторжанском бараке ОЛПа №2 (Воркутлаг, 1946-1947).

Клава – коренная харьковчанка. Очень бойкая, настойчивая, эмоциональная, яркая. Она во всём старалась быть первой. До войны – комсомольский лидер, чемпионка по теннису. «Дорогие девочки, я всех вас приглашаю ко мне в гости, мы вместе пойдём на стадион «Динамо», и я покажу вам корты, где я добилась чемпионства, где и мне восторженно аплодировал весь Харьков».

Мы смущенно улыбались и благодарили за приглашение, хотя совсем не были уверены, что доживем до освобождения. Только новенькие могли так лихо приглашать к себе в гости. В годы нашего воркутинского знакомства Клава еще не потеряла спортивной формы. Движения ее отличались стремительностью и изящной отточенностью. Забегая

вперед, можно сказать, что через несколько лет, когда нас перевели в Речлаг, нам представился случай полюбоваться Клавиной игрой в волейбол. На каторге были запрещены спортивные игры. В Речлаге разрешили играть в волейбол, Клава была капитаном команды.

Я ещё не описала её внешность. Она была выше среднего роста, худощавая, светловолосая, с резко очерченными чертами лица, прямым носом и серо-голубыми глазами, порою становившимися зелёными. Цвет глаз зависел от одежды и настроения.

Она вышла замуж, едва окончив десятый класс. Её муж Георг (грузин, проживавший в Харькове) по внешности несколько напоминал Константина Симонова, чем Клава очень гордилась. В 1940 г. Клава поступила в строительный институт, но грянула война и вся прежняя жизнь разбилась вдребезги. Георга забрали в армию.

Настал период оккупации. В Харькове разруха, голод, бомбёжки, массовое уничтожение евреев, казни партизан. Но не только это. Харьков переполнен молодыми мужчинами, как бы пришедшими из иного мира, мало, чем напоминающего наш привычный советский мир. Речь идет о немецких офицерах. Не все из них были похожими на озверелые, фашистские орды, к которым нас готовила советская пропаганда. Были среди них и воспитанные, европейски образованные люди, умевшие красиво ухаживать за женщинами. Вот такой немецкий офицер, Курт Шнайдер, и встретился на жизненном пути харьковчанки Клавы. Он работал в научно-исследовательском отделе сельскохозяйственной станции. Немцы рассчитывали не только на блицкриг, но и на быстрое возрождение сельского хозяйства Украины. Они придавали большое значение созданию продовольственной программы. Курт Шнайдер занимался генетическими проблемами в животноводстве. Его предназначение состояло не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы созидать.

По отношению к Клаве у него оказались самые серьёзные намерения. Она стала его законной супругой, для чего понадобилось специальное разрешение самого фюрера. Для заключения законного брака между арийцем и славянкой Клаве пришлось пройти медкомиссию и получить справку о доброкачественности своих физических, психических и умственных параметров. Медкомиссия гарантировала, что она, славянка Клава, не испортит арийскую нацию. А как же муж Георг? Он был на фронте, Клава не получала от него никаких весточек и предполагала, что он погиб. А для немцев советское брачное свидетельство не имело значения.

Вокруг гремела война. Население Харькова, как и всё население оккупированной территории, голодало, ютилось в полуразрушенных

от постоянной бомбёжки домах, жило в вечном страхе, что сына или дочь увезут в Германию как остарбайтеров. Среди горя и нищеты Клава жила как в оазисе. Она быстро овладела немецким языком, обзавелась красивыми заграничными нарядами и даже имела домработницу. Клава и Курт жили в двухкомнатной квартире при сельскохозяйственной станции, и Курт Шнайдер всеми силами старался окружить свою молодую жену достатком и комфортом. Я хорошо знала особенности оккупационной жизни и, честно говоря, меня удивляло, что харьковчане не пристрелили Клаву. В Харькове орудовали подпольные группы, которые жён немецких офицеров ненавидели больше, чем самих немцев и очень часто жестоко расправлялись с «немецкими подстилками». Но Клаве во всём везло.

Когда фронт стал быстро катиться на запад, Курт отправил свою жену к родителям в Гамбург, где её встретили патер-Шнайдер, мутти-Шнайдер и швестер-Шнайдер. Новоиспечённые родственники крайне удивились всем увиденным и услышанным. Они приготовились встретить неотёсанную замухрышку, а прибыла нарядная красавица, стройная и изящная, к тому же прекрасно говорящая по-немецки. В общем, ждали Золушку, а появилась принцесса. Клава быстро освоилась с обстановкой в богатой гамбургской семье. От её комсомольской юности не осталось и следа. Всё было бы хорошо, но вот беда – одна немецкая черта её неприятно поразила. Клава имела широкую русскую душу. У неё всё было на распаху, в том числе и карман. Ещё в бытность свою комсомольским лидером, она нередко говаривала: дайте мне миллион, и я сумею его растратить за один день! Но тогда это говорилось так, для красного слова. Теперь же сказка сделалась былью. По русским обычаям в семье должно быть всё общим. По-немецки оказалось все наоборот. И все эти Шнайдеры вовсе не собирались жить коммуной и позволить Клаве реализовать свой жизненный принцип – есть деньги, их нужно скорее растратить. «Упорядоченная немецкая скупость» крайне её огорчала.

Курт часто писал. Его последние письма стали приходить из Белоруссии. От Германии его отделяла только Польша. Все Шнайдеры надеялись на скорую встречу со своим любимым сыном, братом и мужем. Однажды поздним вечером семья Шнайдеров сидела в освещённой гостиной за чаем. Окна казались совсем чёрными. Клава сидела напротив окна. Она почему-то не могла оторвать от него глаз. На душе было тревожно. Вдруг она увидела, что к окну протянулась мужская рука в чёрной перчатке. Стук-стук-стук, – она услышала глухие удары по стеклу. Это рука Курта! – пронеслось в её голове, и она потеряла сознание. Смысл

этого мистического видения раскрылся через несколько дней. Фронтовой товарищ Курта сообщил, как всё произошло. Их расквартировали в белорусском селе. Курт принялся писать письмо Клаве. Ярко светила луна, и он вышел на крылечко хаты, чтобы полюбоваться полнолунием. Его фигура отчётливо выделялась в проеме распахнутой двери, раздался выстрел... Белорусские партизаны не дремали!

Клава тяжело переживала гибель мужа, впала в депрессию, начала хворать. Папа-Шнайдер решил повезти молодую вдову в Италию для поправки здоровья. Несмотря на сопротивление мутти и швестер, несмотря на трудности и неудобства военного времени, задуманная поездка состоялась. Перед Клавой распахнулись двери чудесной страны, которая в советское время была доступна лишь избранным единицам - они прибыли в Милан.

Помню, при упоминании о Милане моя душа не выдержала, и я обрушила на Клаву лавину восторженных возгласов и вопросов: «Ах, Милан, какое это счастье! В первый же день вы, наверное, посетили картинную галерею Брера, чтобы полюбоваться Рафаэлем и Веронезе? Или, нет, прежде всего «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи в церкви Святой Марии! Смогли ли вы познакомиться с коллекцией ломбардской живописи? Может быть, из-за войны не все сокровища Милана были доступны для обозрения? Но архитектурные памятники оставались на своих местах и, конечно же, можно было полюбоваться знаменитым миланским кафедральным собором, построенным в XIV в. в готическом стиле! Какие оперы вам удалось послушать в театре «Ла Скала»?»

Клава некоторое время молчала. Мне даже показалось, что она находится в замешательстве. Я недоумевала, – разве я спросила о чем-то особенном? Да, мне не пришлось побывать в Италии, музеи и картинные галереи этой страны известны всему миру. Клава, конечно, вступив на итальянскую землю, прежде всего, бросилась смотреть на все эти сокровища. Неужели она их не видела? Мне было невдомек, что у путешественницы могут быть интересы другого рода.

Замешательство Клавы быстро прошло: «На эту тему я сделаю научный доклад в другое время и другой аудитории!» Все в голосе слышали железные нотки. Когда все разошлись по нарам, Клава спросила у своего ближайшего окружения: «Кто такая эта всезнайка-зазнайка? Она что училась в университете? Если она ещё раз перебыёт меня своими расспросами, я покажу ей эрудицию!» Ей подробно доложили обо мне, кто я такая, за что сию, как себя веду и прочее, прочее. Мы жили в бараке как в стеклянной банке, все обо всех всё знали. Клаве я не понравилась, и она демонстративно перестала меня замечать.

Но вернёмся в Италию. Вопреки ужасам войны итальянское путешествие проходило интересно и весело. Папа-Шнайдер не жалел денег, вечером они посещали театры и рестораны. И вот однажды они сидели в первом ряду на концерте одного популярного эстрадного певца. Клава не сводила с него глаз, он тоже обратил внимание на шикарно одетую молодую особу, сидящую в первом ряду, наверное, со своим отцом... «Я должна вам сказать, девочки, что в моей жизни не было ни одного случая, когда мужчина мог передо мной устоять. Достаточно мне пристально на него посмотреть, положить свою руку на его руку – и всё, он становится моим рабом, готовым выполнять все мои прихоти».

Появление нового «раба» не входило в планы папы-Шнайдера. После громкого скандала Клава навсегда рассталась с семьёй Шнайдеров. Роман с эстрадным певцом продолжился недолго. Но Клава не тужила – у неё появилось много поклонников среди итальянских офицеров. Вскоре офицерский корпус значительно расширился за счёт притока новых национальных сил. В Италию вступили союзные войска, появились англичане и американцы, среди них были даже негры. Клава не жалела красок, рассказывая о своих приключениях. Её широкая душа проявлялась во всём: гулять — так гулять, рассказывать — так признаваться во всём, выворачивая душу наизнанку. Мы смущались и краснели. Ведь мы в глубине души оставались скромными школьницами довоенного образца. Где нам было понять в том далёком 1947 г. новый взгляд на мораль и нравственность, который исповедовала Клава? Ведь новаторы всегда оставались непонятными! Говорили же в своё время о музыке Прокофьева к «Ромео и Джульетте»: «Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете». А что происходит теперь? Все восхищаются этой музыкой, все её понимают!

Сейчас, когда наступил XXI век, Клава выглядела бы вполне совершенной. «Сказки Клаверизады» могли бы стать сюжетом для увлекательного телесериала. А тогда... Я решила прервать её рассказ и выступила с горячей проповедью в защиту нравственности. Терпение Клавы лопнуло, и она обрушила на меня поток презрительных слов. «Что? Ты читаешь мне мораль? Что ты видела в своей жизни и что ты в ней понимаешь! Да, я была женой немецкого офицера! Да, я сумела и дальше жить в роскоши и объехала всю Европу! Да, меня любили мужчины и носили на руках. Я знаю, за что сижу и не сожалею о том, что сделала! А ты что можешь рассказать о своей жизни? Что ты видела кроме полевого госпиталя? Раненых спасала? Вот и получила награду от советской власти за их спасение, – вкалываешь на каторге, так же как и я. Нас

сравнили, ты такая же преступница, нечего тебе зазнаваться и читать мне мораль!»

Клава расстроилась и прекратила свои «сказки». Возмущенные слушатели стали во всём винить меня: вечно я высываюсь со своими вопросами, замечаниями, проповедями! Опять я всё испортила и лишила весь барак возможности узнать, что же дальше случилось с Клавой на её жизненном пути? Но Клава смягчилась и по многочисленным просьбам заинтересованных слушателей продолжила свой рассказ.

В Швейцарии она встретила с одним английским лордом. Он вспыхнул к Клаве такой сильной любовью, что предложил ей руку и сердце. Он был готов отправить её в Англию в свой родовой замок, чтобы она там, в безопасном месте, могла дожидаться окончания войны. А что же Клава? Неужели отказалась? Вначале она с радостью согласилась. Почему же ей не стать английской леди? Это не противоречило её жизненным планам. Но тут она принялась за анализ. Что её ждёт в Англии? Замок и богатство. Это очень хорошо. Но как ей воспользоваться богатством? Там, конечно, полно родственников и царит пуританская мораль. Как и в Гамбурге у Шнайдеров, там всё разложено по полочкам, каждый член семьи имеет свой счёт в банке. Это её возмущало больше всего! Ей, харьковчанке, любящей широкий размах, станет скучно и грустно, и некому будет руку пожать... «Понимаете, девочки, до этого я шла по жизни без раздумий, шла туда, куда толкала меня судьба. И всё у меня получалось как в сказке. Когда же я начала размышлять и анализировать, удача сразу отвернулась от меня. С этого момента начался крах моей жизни. Представляете, я могла бы быть женой английского лорда и жить в родовом замке! А я оказалась на каторге в этой страшной Воркуте, в грязном убогом бараке! Слов нет, такой жизненный контраст может потрясти любое воображение!»

На каком трижды проклятом месте?

Переход Клавы «оттуда— сюда» окутан тайной неизвестности. Я не берусь её приоткрывать. В рассказе Клавы прозвучали туманные намеки на некоторое «приватное задание». Может быть, она действительно пересекла границу не по случайной прихоти, а с какой-то целью. Но не станем уподобляться нашим бдительным органам, которые всюду искали шпионов. Обратимся к фактам. День Победы 9 Мая 1945 г. Клава встретила в Берлине в ставке Жукова. И здесь произошло невероятное событие: она встретила своего законного супруга Георга, которого давно считала погибшим! Он по ее словам, был одним из адъютантов Жукова. Клава решила во всем ему признаться:

– Мы пошли в парк, уселись на каменную ступеньку заброшенной лестницы. Здесь нас никто не мог услышать. И я начала свою исповедь. Рассказывала долго, очень долго. В парке было влажно и прохладно. Я озлябла, меня стал бить озноб. Он поднялся и произнес одну лишь фразу: если стакан разбить, его не склеивают, а выбрасывают. И ушел.

– Клава, неужели он тебя бросил?

– Нет, вскоре он вернулся.

– И простил тебя? Ведь у тебя был немец... немцы, и не только они!

– А у него были немки, и не только они! Разница между нами состояла лишь в том, что я как честная женщина(!) сама ему во всем призналась, а он пытался скрывать и хитрить. Мне пришлось распутывать не одно его приключение! Ах, девочки, любые женские похождения бледнеют перед тем, что вытворяют мужчины!

Таким образом, Клава и Георг все-таки попытались склеить осколки разбитого стакана.

Советская Армия не только пировала на немецкой земле, но и ненасытно опустошала эту землю. Увозили мебель, рояли, сервизы, зеркала, меха, ткани, одежду, обувь, животных, растения. Теперь эта темная сторона немецкой жизни освободителей уже не покрыта непроницаемой тайной. По радио и телевидению прошло немало передач, как обличительных, так и оправдательных. Но это произошло через полвека после окончания войны. А от Клавы мы, каторжанки-воркутянки, узнали о повальных грабежах в Германии уже в 1947 г. Здесь проявился феномен лагеря: с одной стороны – изоляция от всего мира, информационный голод; с другой стороны – распространение уникальной информации, о которой вся страна узнает только через десятилетия! Источниками этой информации были сами репрессированные, среди которых попадались люди удивительной судьбы. Широкие же массы узнают обо всем этом потом, когда получают разрешение быть осведомленными. «Скажу вам честно, девочки, меня погубила жадность. Мне ни в коем случае нельзя было объявляться в Харькове, даже посылать весточки родителям. Но не могли же мы с Георгом спокойно наблюдать, как из Германии текли реки, наполненные добром! Нам тоже хотелось обрадовать родителей, родных и близких. Мы тоже нагрузили несколько платформ и отправили их в Харьков, моим несчастным родным, чтобы они хотя бы на старости лет смогли пожить по-человечески. Но, Боже мой, какой гам и крик познали в моем родном Харькове все наши завистливые соседи и знакомые! Они были уверены, что я погибла в огне войны, что меня давно нет на этом свете. И вдруг оказалось, что я жива и, судя по платформам, нагруженным невиданным добром, не страдаю от бедности. Посыпались

доносы. Простые советские труженики Харькова требовали справедливого возмездия. Злодейка должна немедленно понести наказание, вплоть до расстрела».

Вот мы и приблизились к тому трижды проклятому месту, где появилась каторга. Клава часто повторяла строки из поэмы Симонова:

«И в котором часу, на каком трижды

Проклятом месте

Мы ошиблись с тобою

И больше поправить уже не смогли...»

Поправить, действительно, ничего не удалось. Срок получила не только Клава, но и Георг. Они попали в разные лагеря и никогда больше не встретились. Клава же появилась в Воркутлаге на ОЛПе № 2.

Я её сказки слушала с большим вниманием не из праздного любопытства. Мне хотелось сопоставить наши две жизни, которые пошли абсолютно разными путями. Мы были примерно ровесницами, мы попали в оккупацию в географически близких районах, наши юные годы пришлись на тяжкие времена войны и разрухи. Как говорил один поэт: со школьной скамьи мы шагнули в годы войны и тяжкие дни оккупации. Но распорядились своей юностью мы по-разному. Наши жизненные позиции оказались прямо противоположными. Мы с Клавой стали антиподами.

Отсюда возник и наш диалог о нравственности, который возмутил Клаву. Она не терпела никаких попыток наставления её на путь истинный. Не только меня возмущали некоторые сюжеты «сказок Клаверизады». Среди узниц ОЛПа № 2 были так называемые героические девочки – советские разведчицы, партизанки, узницы фашистских лагерей, которые, также как и я, распорядились своей юностью совершенно иначе. Девочки Западной Украины, участницы УПА (украинской повстанческой армии), ненавидели немцев так же сильно, как и «комунаков». Их лагерный принцип: «Нікому, ніколи, ні за що». С таким нравственными взглядами они не могли быть солидарными с моральным кодексом Клавы. Поэтому отношение Клавы с обществом каторжанок сложились непростые. Но все отдавали должное Клаве как откровенной талантливой рассказчице и призывали незаурядность её личности. Лагерь научил нас быть терпимыми к инакомыслию. На одних нарах приходилось спать с недавним непримиримым врагом, воевавшим под разными знамёнами.

Мамский лагерь в Речлаге

Я встретила с Клавой через четыре года в лагере матери и ребёнка, который в народе назывался мамским лагерем. Этот лагерь располагался

на юге воркутинской земли при впадении реки Воркуты в Усу. Неподалеку находилась пристань Воркута-Вом. Ближайшей железнодорожной станцией была Сейда (на железной дороге, ведущей на Лабытнанги – пристань на Оби, на противоположном берегу которой располагался Салехард). Отсюда появились разные названия этого лагеря. Его называли ОЛПом на Воркуте-Вом, или ОЛПом на Сейде. Иногда говорили даже так: «Когда мы жили на Усе...» Во всех этих случаях речь идет об одном и том же лагере матери и ребенка*. Меня отправили туда как медработника. Со временем я там создала и возглавила клиническую биохимическую лабораторию, в которой проводили исследование анализов крови, мочи, кала, мокрот и т.д. «Возглавила» – это несколько громкое слово. Я была в этой лаборатории единственным и сотрудником, и руководителем, и исполнителем. В «мамском» лагере я встретила со многими старыми знакомыми по ОЛПу № 2. С большим удивлением узнала, что среди мам (их называли мамками) есть и сказительница Клаваризада с маленьким сыном Костиком. Судя по набору ее прежних мужей, можно было предположить, что отец ее сына какой-нибудь важный лагерный начальник. Случалось и такое! Но нет, как доложило лагерное информбюро, им оказался простой советский заключенный, осужденный даже не по знаменитой 58 статье, а по какой-то уголовной.

Я была потрясена переменой, которая произошла с Клавой. Мне она помнилась как «новенькая», только что вступившая в царство ГУЛАГа. В своем облике и в своем поведении она еще не утратила черты, напоминавшие волю. На ней еще не было печати лагерницы. Она упивалась рассказами о своих приключениях, как будто бы желая, воскресить свой прежний облик, и это ей в какой-то мере удавалось. Теперь же передо мной стояла несчастная мать, до самозабвения любящая своего сына, терзаемая мыслями о его судьбе, о его будущем. Ближайшей целью ее было одно – как бы избежать детдома, как бы устроить так, чтобы сынуля попал к бабушке в Харьков. Несчастные ее родители под постоянными ударами судьбы едва держались на ногах. Хватит ли у них сил забрать лагерного ребенка и взять на себя все трудности по его воспитанию? Вопросы, вопросы, которые не давали покоя и совершенно измучили Клаву.

* Изучение положения женщины в советском лагере началось совсем недавно. Тема лагерного материнства практически не исследована, мемуары и письма служат здесь незаменимым источником, восполняя явную недостачу информации. (Максимова Л.А. *Женщины в ГУЛАГе // Гендерная теория и историческое знание. – Сыктывкар, 2003. – С. 80-83*).

Мы с ней стали часто встречаться в клинической лаборатории, куда Клава приносила своего сыночка на анализы. Поднималась температура — нужен был анализ крови. Болел животик — делался анализ на дизентерию. Начинался кашель — исследовалась мокрота. Клава с волнением просила меня колоть пальчик Котеньки для анализа крови так, чтобы ему было не очень больно. Затем она тревожилась, не обнаружена ли дизентерийная палочка. В общем, причин для встреч оказывалось предостаточно. Клава с присущей ей откровенностью делилась своими трудностями и тревогами. У нее душа и мысли были всегда нараспашку. Теперь она открылась совсем с другой стороны. Постепенно мы сделались друзьями. И потекли наши совместные лагерные дни, наполненные заботами о хлебе насущном, ожиданиями весточек из дома и общими попытками приблизить к домашним условиям нашу лагерную жизнь маленького Котика.

Ему повезло: в возрасте 1 год и 9 месяцев его забрала бабушка. Несмотря на болезни, она нашла в себе силы пройти сложную процедуру, связанную с получением разрешения на въезд в заполярную зону под кодовым названием «почтовый ящик 223-61» (таким был код Сейды). Нужно было пережить тяжелую встречу с дочерью, которая, заливаясь слезами, передала ей своего сына. А потом с плачущим ребенком уходить все дальше и дальше от страшного места, называемого лагерем, где за колючей проволокой осталась ее дочь и мать малютки.

После расставания с Котенькой весь пыл своей души Клава отдала самостоятельности. В зоне «мамского» ОЛПа содержались одни женщины, следовательно, и артистами лагерного театра были одни женщины. Им приходилось играть все роли, включая мужские. Клава в основном выступала в мужских ролях, чему способствовали ее спортивная внешность и резко очерченные черты лица. В концертах она была конферансье и читала стихи. Пробовала она свои силы и в режиссуре. Мне приходилось принимать участие в ее режиссерских работах и иногда суфлировать.

Однажды на театральной почве у нас произошла ссора, чуть не приведшая к прекращению нашей дружбы. Клава ставила одну из пьес Островского, я ей помогала. Проходила последняя репетиция, все шло не так, как ей хотелось. Клава нервничала, злилась и орала на артистов. Создалась напряженная обстановка, которая никогда не приводила ни к чему хорошему. Я всегда говорила Клаве, что нельзя орать, это унижает не только тех, на кого орут, но и того, кто орет. Мои родители-педагоги никогда не орали на своих учеников, не раздражались и всегда добивались успеха. В нашем доме никто не повышал голоса. В таких тради-

циях они воспитали и меня. Поэтому я и не могла спокойно наблюдать за нервным стилем работы Клавы-режиссера.

И вот во время этой злосчастной репетиции, когда все шло из рук вон плохо, я стояла рядом с Клавой с пьесой в руках и следила за правильностью актерских реплик. Клава до такой степени накалила себя, что выругалась матом. Это уже было сверх моих сил. Я швырнула пьесу ей в лицо и покинула репетицию. Мне могут возразить, нашла, чем возмущаться! Многие наши режиссеры открыто заявляют, что без мата нельзя сделать хорошую пьесу и создать фильм. Да и вообще сейчас вся атмосфера пропитана матом, и ставится вопрос о его узаконивании. Если это так, то на лицо страшное падение нашего общества, оно докатилось до уровня уголовного мира. В наших лагерях, где содержались осужденные по 58-й статье, мы себя оберегали от грязнословия, старались не потерять человеческий облик. Недавно я прочла в украинском журнале «Зона» воспоминание одного бывшего узника. Он рассказал, что они, выходцы из Западной Украины, никогда не ругались матом — он ассоциировался с ненавистными «комуняками», с ненавистной советской властью. У меня также мат ассоциируется с этой властью, с разнузданностью; бескультурьем и грязью. Я привыкла высоко чтить «слово». Грязное слово ранит и калечит душу, чистое слово её врачует и воспитывает. В атмосфере ругани мне тяжело дышать.

Несколько дней мы с Клавой не разговаривали и избегали друг друга. Ко мне пришли девочки, пытались смягчить мой гнев. Они обратили внимание и на мою вину перед Клавой — я швырнула пьесу ей в лицо! Разве это не обидно для режиссёра? Разве так можно поступать?

Потом я получила от Клавы записку, написанную карандашом на тетрадном листочке. Она сохранилась в моём архиве, как и большинство Клавиных писем, написанных после, когда мы разлучились.

«Моя девочка!

Мне очень больно обо всём этом говорить, а поэтому прости, прости меня, Алёнушка! Я не хотела тебя обидеть. Но ты это сделала для того, чтобы мне было больно, и ты, сознавая это, сделала, и мне было так больно, что я не помню себя. Прости, если можешь! Я чувствую себя мерзко и гадко, ... Я как сумасшедшая и не нахожу себе места. Если можешь простить, то прости...»

Мы помирились. Мой лагерный срок истекал. Начальство медсанчасти предложило мне найти себе замену, чтобы было кому передать клиническую лабораторию. В нашем мамском ОЛПе я была единственным специалистом, освоившим биохимический анализ. Лаборатория была хорошо оборудована, у нас был даже микроскоп. Нужно было

время, чтобы моего приемника обучить всем премудростям биохимического анализа, включая микроскопию. Я предложила кандидатуру Клавы. Возражений не последовало, и Клава стала моей ученицей. Меня радовало, что, передав ей лабораторию, я надолго обеспечу ей хорошее положение в лагере и уменьшу потенциальную опасность попасть на тяжёлые общие работы. Такая опасность постоянно висела над 58-й статьей. Стоило усилиться режиму, как политузников начинали выгонять на общие работы. Обучать Клаву пришлось очень тщательно, чтобы она при самостоятельной работе не надела ляпов, неизбежных для новеньких. От результатов анализов зависит врачебная диагностика. Если Клава ошибётся раз-другой, то такие требовательные врачи как Мария Мировна Кацюба-Тарнавская и профессор Хохлов Александр Васильевич этого не простят. В глубине души я понимала, что эта работа не для Клавы. Она требует большого внимания, усидчивости, тщательности, постоянного обращения к книге и умения находиться в контакте с врачами. Нужно очень внимательно относиться к их замечаниям и корректировать свою работу. Но я хотела спасти Клаву от общих работ, а это был единственный выход из положения.

Во время Клавиной учёбы мы находились с ней в лаборатории весь рабочий день. Она наблюдала за моей работой, я ей поясняла, как и что нужно делать. И здесь я заметила, от моего внимания – она не только тосковала по своему сыночку Котеньке, у неё была ещё одна тоска, несравнимо меньшая, не столь мучительная, но всё же была – Клава тосковала по немецкой речи. И раньше, бывало, она переходила на немецкий, часто повторяла любимые изречения и поговорки. Но теперь, когда мы непрерывно общались в течение 8-10 часов, её стремление к немецкому проявилось в полной силе. Я, к сожалению, оказалась слабым партнёром. Мой немецкий не мог сравниться с блестящей речью Клавы. Сказывался её многолетний разговорный опыт во время жизни в немецкой семье. Что же касается меня, то я с немцами общалась эпизодически и только около трёх месяцев в 1943 г., когда работала на бирже труда переводчицей. Это время после февральского неудачного десанта наших войск в тыл немцев, когда часть советских командиров и бойцов скрывалась у местного населения. Я доставала на бирже труда справки, обеспечивавшие их безопасность. За эти три месяца мне и влили 15 лет каторжных работ. В моём личном деле значилось, что я у немцев работала переводчицей. О том, что я спасала командиров и бойцов Красной Армии, следователи умалчивали.

В нашем маленьком лагере была немногочисленная группа немцев из Германии. Они держались обособленно. Несмотря на общую дружес-

кую атмосферу, наши девочки избегали близкого общения с ними. За исключением Клавы. В их обществе Клава не чувствовала себя чужой. Одна из немок Эрика была ее подружкой. У меня сложилось впечатление, что в атмосфере немецкой речи Клава отводила душу. В ее памяти воскресали иные, более счастливые, времена. Кроме этого, я думаю, она судорожно хваталась за любую возможность поддерживать свой немецкий, не дать ему зачахнуть. Без постоянной практики язык забывается, а это огромная потеря для каждого, кто сумел забраться на вершину знания иностранного языка.

Я освободилась 18 ноября 1953 г. Клава осталась в «мамском» ОЛПе на Сейде. До конца срока ей осталось около 8 лет. Но все узники надеялись на досрочное освобождение. Ведь в стране начались перемены. Я – вольная, Клава – заключенная Речлага, ребенок – у бабушки в Харькове. Мой святой долг поддерживать морально и материально Клаву в лагере, Котеньку и бабушку в Харькове и обеспечивать бесперебойную переписку между ними*. В Речлаге связь с волей носила ограниченный характер, а письма узнику были нужны как воздух. Когда я была каторжанкой, мне помогали вольные, в большинстве совершенно незнакомые люди. Таким был лагерный кодекс помощи. Теперь пришло время мне нести вахту помощи.

Американское пальто

После кошмарного периода моей свободной жизни, когда я не имела жилья и не могла устроиться на работу, наступил некоторый просвет. Я нашла угол благодаря неожиданному знакомству с Алексеем Марковым, артистом Воркутинского музыкально-драматического театра. Он на время уступил мне свое «купе» – крохотную комнатку с тахтой и маленьким столиком. Сам он решил ночевать в театре, где обитали многие освободившиеся актеры, не имеющие жилья.

У Алексея Маркова было старое демисезонное пальто, которое он уже не носил, и хотел выбросить. История пальто довольно любопытная. В середине 1940-х гг. театр получил большую партию вещей по линии американской помощи Советскому Союзу. Основная часть вещей поступила в костюмерную театра, а некоторые вещи получили заключенные артисты, чтобы во время гастролей они имели приличный вид. Алексею попало это американское пальто. По советским меркам оно выглядело просто шикарно. Пальто с наружной стороны имело серый цвет, а внутренняя сторона материала была в клеточку с красными прожилками. Я

* Некоторые из лагерных писем Клавы опубликованы в этом издании.

решила, что пальто выбрасывать грех, я могу его перелицевать и пошить себе отличное пальто. Ведь о нас, освободившихся и неустроенных, можно было сказать одно – гол как сокол. Потом мне пришла в голову альтруистическая мысль, что лучше переслать пальто Клаве, которой не в чем освобождаться. Написала ей об этом, она мою мысль одобрила. Я стала развивать более широкие планы и решила не посылать пальто, а привезти в лагерь самой. Очень уж я стосковалась по нашей дружной лагерной жизни, по Клаве и моим милым девочкам – Дусе Андрощук, Ларисе Гуляченко, Лиде Чубчиковой, Ольге Дзюбе, Ане Ивко, Марго Маньковской, Зине Красуле и многим другим. Хотелось их всех увидеть и хотя бы, словом перебраться. Задумано – сделано. У меня во второй половине февраля 1954 г. оставалось несколько свободных дней. С марта я должна была выходить на работу в углехимическую лабораторию 4-го района. Лабораторию возглавляла Галина Петровна Зеленина. Я с ней уже встречалась, и она одобрительно отнеслась к моей кандидатуре.

Я впервые отправилась по воркутинской земле без конвоя, о чем мне скоро пришлось горько пожалеть. Паспорта я не имела, права выезда из Воркуты также не имела, но пристань Воркута-Вом и станция Сейда входили в разрешенную зону передвижения. Я выехала поездом Воркута-Москва, мне предстояла пересадка на железнодорожную ветку, идущую на Лабитнанги. На пересадке я видела картину, от которой содрогнулась моя душа. В голой безлюдной тундре стояла крохотная хибара, в которой находился станционный смотритель с ярко выраженным видом уголовника. Видно недавно освободился. Вокруг – ни души. Полярная ночь, февральский мороз и несколько часов ожидания поезда на Лабитнанги. И я одна на один с уголовником.

– Что стоишь, иди к печке, она тебя согреет с одного боку, а я с другого, – раздался хриплый голос.

– Как это муж отпустил тебя одну? Можешь другому приглянуться, например, мне!

– Почему одну? Он сам скоро сюда приедет!

– С неба свалится твой муж, что ли?

– На оленях прибудет мой муж! Он работает в органах, ему приходится часто разъезжать по тундре, – заявила я. А сама прошу Господа, чтобы дал он мне не дрогнуть, не показать, что я его смертельно боюсь. Я все говорила и говорила и вдруг к хибаре подъезжает оленья упряжка.

В хибару вошли мужчина и женщина, по виду – ненцы. Я вместе с ними подошла к печке. Меня бил озноб. Наконец, пришел поезд. Господи, неужели я жива и невредима?!

Я вышла на станции Сейда и с трудом добралась до лагеря, в котором провела три последних года своего заключения. Подхожу к вахте, предвкушаю радостную встречу с Клавой и девочками. Вступаю в переговоры с вохрой. Увы! Свидания разрешаются только с прямыми родственниками. А я кто? Недавно освободившаяся заключенная! Соскучилась по лагерю? Одним словом, для вохры я устроила что-то вроде вечера смеха. С девочками я так и не встретилась. С большими трудностями удалось добиться краткого свидания с Клавой. Она заливалась слезами, жаловалась на беспросветную лагерную жизнь. Пальто я передала, она его перешила и через полтора года вышла в нем на свободу.

В поисках дорогого папочки

Одной из моих функций был поиск отцов лагерных детей. Это была одна из самых трудных, а порой и неприятных обязанностей, от которой я никак не могла отказаться: я на свободе, а они, матери, за колючей проволокой.

Папы встречались разные: от заботливых и любящих до стремящихся отделаться стандартной фразой «ничего не знаю, и знать не хочу». С последними было очень трудно находить контакт, и я нередко впадала в отчаянье. Да и сам процесс нахождения пап часто оказывался непростым. Опишу, как я искала одного из них. Клава пишет из зоны: «Выберись в Северный район, найди Петра Эльтера и узнай о состоянии ребенка Марии Питкеевской Геночки. Ей все обещают, но никто ничего не делает». По таким данным найти человека очень трудно. Я попросила прислать более подробную информацию. Через полмесяца получаю письмо: *«Эльтер Петр Сергеевич, Северный район, шахта № 7, г.р. 1912, работал на подстанции или горноспасаловке. Если его там нет, то, может, можно навести справки в комендатуре, куда он выбыл. Представь себе, девять месяцев ни слова о ребенке. Мария почернела. Одна надежда на тебя!»*

Это был тот редкий случай, когда отец взял ребенка, чтобы он не попал в детдом. Отец освободился раньше матери, которая еще несколько лет оставалась в заключении. Он оказался скуп на восточки, и Мария не знала, что и думать. На шахте № 7 работал мой хороший знакомый по ОЛПу № 2 Борис Сократович Басков. Я обратилась к нему за помощью. Баскова после освобождения приютил в своей комнате главный инженер шахты. Он поручил секретарше сесть на телефон и обзвонить отделы кадров всех служб. Наконец Эльтера нашли. Я с ним связалась и узнала, что Гена жив и здоров, но его отец так загружен делами и заботой о сыне, что не находит времени писать в лагерь. Я

шлю радостную вестъ и получаю ответ от Клавы: «Мария уехала на Предшахтную, я не могу ей сообщить, что ее сын жив. Если сможешь это сделать – сделай».

Каждый поиск имел свой долгий путь и требовал подключения многих людей, которые становились участниками розыскной операции. Как правило, никто не отказывался помочь.

Мысли Клавы постоянно уносились в Харьков к любимому сынуле. Она представляла себе, как трудно старым родителям воспитывать и содержать маленького ребенка без мамы и папы. Мама считалась в длительной командировке, а папа? Клава решила, что нужно найти Костику его лагерного папу, рассказать тому о сыне, сообщить харьковский адрес, заставить папу писать сыну и помогать ему финансово. Решить эту сложную задачу Клава поручила, естественно, мне. Я пришла в отчаянье. Такие щепетильные дела нельзя поручать третьим лицам, родители должны сами договариваться о своих взаимоотношениях. Да и где его искать! Во время нашего совместного заключения Клава ничего не рассказывала о Павле Рубинове. Видно, ей было неприятно его вспоминать. Я от других людей знала, что он осужден не по 58-й статье. Значит целесообразно искать его в Воркутлаге, а все мои знакомые были в Речлаге.

Помог случай: кто-то сказал, что Рубинов работает в культбригаде, в ансамбле песни и пляски. Пришлось подключить к поиску Алексея Маркова и его коллег-артистов. После ряда попыток Павла Рубинова разыскать удалось. Я передала ему харьковский адрес и просьбу Клавы написать сыну, но он всеми силами сопротивлялся и грозил пожаловаться на шантаж. Клава то призывала меня прервать с ним все отношения, то вновь требовала добиваться от него признания отцовства. В конце концов, я уговорила ее вступить с ним в переписку и самой добиваться своей цели, но письма все равно передавались через меня и Алексея Маркова. Письма часто терялись, наиболее важные из них передавались в двух экземплярах. В моем архиве сохранилось одно такое письмо, которое свидетельствует о непростых отношениях в лагерных семьях.

Клава думала, что Павел поможет ей вырваться из Сейды и перевестись в культбригаду. Она рассчитывала, что у него пробудится отцовское чувство, что он проявит заботу о сыне. Увы, эти надежды ее обманули. Что говорить, простой советский заключенный Павел Рубинов, не то вор, не то бандит, мало напоминал Курта Шнайдера, английского лорда и других зарубежных клавиных мужчин, готовых исполнить любую ее прихоть.

Снегопоезд: спасите меня!

В конце 1954 г. Клаву списали на общие работы. Случилось самое худшее: ее отправили на снегопоезд, в специальный отряд заключенных, который занимался очисткой железнодорожных путей от снежных заносов. Селили их в вагонах особого поезда, который курсировал на определенном участке дороги. По 10-12 часов в сутки заключенные разгребали сугробы, обеспечивая проезд поездов. Работа адава – все время на морозе, остановиться нельзя, иначе замерзнешь, питание плохое, в вагонах холодно, бани нет. Зона покажется пределом мечтаний! Клава попала в «штрафной батальон» не при массовом списывании 58-й статьи на общие работы, как это часто бывало, а индивидуально, за какую-то провинность. Клиническая лаборатория была по лагерным понятиям теплым местечком, но требовала самоотверженной работы. Если медсанчасть не защищала Клаву, значит, что-то было не так в ее работе. До меня дошли слухи, что она пыталась продать на сторону лабораторное оборудование. Это меня особенно потрясло: я с такими трудностями создавала эту лабораторию на пустом месте!

Клава продержалась на снегопоезде около двух месяцев, а затем тяжело заболела. Ее госпитализировали в больницу прежнего лагеря. По отработанному каналу опять полетели ко мне ее письма. Она молила вырвать ее из мамского лагеря и перевести в другое место. Алексей пытался устроить ее в Воркутинский драмтеатр, но в 1955 г. ситуация в нем изменилась: театр из «крепостного» превращался в вольный. Более реальным был переход в культбригаду, состоявшую целиком из заключенных, но она комплектовалась по отработанной схеме, артистами из лагерной самодеятельности.

Алексей несколько раз встречался с руководителями этого коллектива, и как только появилась вакансия, Клаву вызвали на шахту № 3, где базировалась культбригада.

В культбригаде КВО

Итак, с марта 1955 г. у Клавы началась совершенно другая жизнь: любимая работа на театральных подмостках и относительная свобода передвижения. Артисты культбригады жили в отдельном бараке в ОЛПе № 3. Им выдавали пропуски для свободного выхода из зоны. Почти все время они гастролировали, выступая перед заключенными, а также перед вольнонаемными в шахтерских поселках. Клава несколько раз побывала у нас в гостях. В это время мы с Алексеем поженились и жили в большой комнате на улице Победы. Досталась нам эта комната совершенно неожиданно. В Воркуте был страшный квартирный кризис, и у меня не

было никакой надежды получить отдельное жилье, но мир не без добрых людей. Мина Степановна Вольф посоветовала мне прописаться в комнате ее хорошей знакомой, которая должна была в скором времени покинуть Воркуту. Когда это произошло, комната осталась за мной.

Клава очень похудела, лицо ее было посеревшим и выглядело измученным. В первый же свой приезд она попросила дать ей приличное платье. У меня было одно-единственное нарядное платье, которое я перешила из своих долагерных двух платьев, присланных мамой. Я, не раздумывая, отдала Клаве это платье, но отсутствие у нее одежды меня удивило. Ей постоянно присылали очень красивые вещи из «берлинского наследства» ее мама и подруга Алла. У Клавы, правда, они долго не задерживались, но какой-то набор одежды оставался неприкосновенным. А тут – ничегошеньки не осталось!

В культбригаде Клава играла в скетчах, читала стихи и вела парный конференс с Александром Клейном. О культбригаде следует рассказать подробнее. Это было яркое, но кратковременное явление в жизни Воркуты. Организована она была в 1954 г., когда к руководству Речлагом пришел генерал-майор Деревянко. Он оказался большим любителем театра. Узнав, что среди заключенных Речлага есть много профессиональных актеров, режиссеров и музыкантов, он решил создать Центральную культбригаду КВО (культурно-воспитательного отдела) Речлага для обслуживания всех лагерных пунктов воркутинского региона. Первое время он сам с двумя охранниками ездил по зонам и отбирал актеров. Потом он поручил это дело Виктору Дмитриевичу Лаврову, возглавившему культбригаду. Лавров – великолепный артист и примечательная личность. Сам он из Харбина, где был премьером русского театра оперетты. Красивый, талантливый, энергичный, он очень быстро поднял выступления культбригады на такой высокий уровень, что она затмила вольный Воркутинский драматический театр, возглавляемый Гайдаровым. Этого и добивался Деревянко. Среди «своих» артистов он высказывался примерно так: Воркутинский театр получает дотацию в 1 млн. рублей в год, а КВО Речлага имеет 3 млн. рублей, мы создадим такой замечательный театральный коллектив, что быстро утрем нос сопернику.

И это были не пустые слова! Культбригада быстро превратилась в полноценный театральный коллектив с оркестром, хором, танцевальным ансамблем и труппой «разговорников». А какие там встречались имена! Режиссер Волдемар Петрович Пуце был учеником Михаила Чехова, известным театральным деятелем Латвии, первым латвийским кинорежиссером. В культбригаду попали замечательные оперные певцы: лирический тенор Н. Синицын, баритон С. Ребриков, драматический тенор

Б.Раджус. Жизнь культбригады была коротка: в 1956 г. в связи с ликвидацией Речлага ее расформировали*. Это случилось уже после того, как Клава освободилась и уехала в Харьков. А весной 1955 г. жизнь в культбригаде была ключом. Клава работала с увлечением, она опять почувствовала вкус к жизни, поправилась и похорошела.

Театр был ее родным миром. Здесь она могла себя выразить. Потом, когда мы встречались в Москве и вспоминали Воркуту, она не раз говорила, что воркутинская сцена – ее звездный час. Здесь, за Полярным кругом, она нашла увлекательную работу и избранное общество. Такое в ее жизни больше не повторялось. Подобные мысли высказывал и Алексей Марков. Десять лет его заключения прошли в Воркутинском музыкально-драматическом театре. Он выступал в операх, опереттах, драматических спектаклях, играл в оркестре и квартетах, пел в хоре, заведовал электроцехом, работал художником по свету. Для него воркутинский театр был целым миром, академией, родным домом. Оказывается и лагерь можно вспоминать с восторгом и благодарностью. Но какой лагерь?

Трудная дорога жизни

В ноябре 1955 г. Клава досрочно освободилась. В неволе она провела неполных 10 лет. Мы торжественно провожали ее в Харьков. Мы – это я, Алексей и наш друг Эдгар Штырцкобер, который сделал в вагоне прощальный снимок. Клава смотрит в окно, в ее позе напряженное устремление вперед, головка в профиль, на лице надежда.

На этой радостной ноте может быть и стоило закончить рассказ о Клаве. Ребенок встретился с мамой – значит happy end! Но жизнь не так проста, она не аппроксимируется линейной моделью. Со временем в письмах Клавы ко мне все чаще стал звучать тревожный мотив – своего рода ревность матери к бабушке. Клаве очень хотелось, чтобы у ее сына был папа. Короткие «встречи в письмах» Котика и Павла не принесли ребенку ничего кроме травм. Некоторое время теплилась надежда, что у Клавы сложится жизнь с Антоном, литовцем, с которым она познакомилась в Воркуте, в культбригаде. Однако им не удалось устроиться ни в Каунасе, ни в Харькове. Одно время они даже собирались вернуться в Воркуту, на заработки. Желание вернуться в места заключения очень типично для тех, кто после освобождения поехал на Большую землю.

*Более подробную информацию о деятельности и составе Центральной культбригады Речлага см.: *Клейн А. Музы за колючей проволокой // Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2. – С. 287-299.*

Бывшие узники встретили на воле массу трудностей и ограничений. Это еще один пример несбывшихся мечтаний, подтверждающий призрачность лагерной поговорки: «Счастье – это свобода». Мы с Алексеем жили на Воркуте до конца 1959 г.

С Клавой мы повстречались в 1964 г. у нас в Москве. Она приехала с новым мужем, у которого был 19-летний сын. Костику исполнилось тогда 14 лет. Он отказался переходить в новую семью и остался у бабушки. Клава приехала без предупреждения, когда я открыла дверь, то не смогла скрыть удивление. «Что ты делаешь такие страшные глаза? Не ожидала, что я так изменилась? Ничего, мужчинам это тоже нравится!» – она со смехом повела своими бедрами, ставшими непомерно широкими. Я готовилась к защите кандидатской диссертации, была всецело увлечена своими научными идеями и порывалась рассказать ей о своей работе. Но Клаву это мало интересовало. «Наукой должны заниматься ущербные женщины, уродки. Зачем тебе корпеть над книгами? Мы и так на Севере потеряли свою молодость! Такими молодыми и красивыми мы уже никогда не будем. Так зачем же ты нашла себе вторую каторгу?! Нужно пользоваться радостями жизни, пока осталась хоть какая-то внешность!»

Клава всегда жила сегодняшним днем и не признавала никакого виртуального мира. Работа ее мало привлекала, семейная жизнь не ладилась, с любимым сыном контакта не было. Все это привело к тому, что сегодняшний день стал для нее невыносимым. Она ушла из жизни в 1979 году ...

Мертвые живы, пока мы их помним. Я их помню, помню! О, Воркута, Воркута! Ты – наша молодость, ты – наша боль!

Послесловие к рассказу о рассказчице

О типах женского самосознания

Последнее десятилетие развития российской культуры характеризуется, помимо прочего, расцветом мемуарной литературы. Начало этому процессу положили переиздания произведений запрещенных в советское время авторов, но ими дело не ограничилось. Открыть читателям свою правду о прошлом пожелали сотни очень и не очень известных людей, а также их потомки. Сегодня мемуары являются одним из самых распространенных и востребованных обществом жанров литературы. В то же время, это значимый вид исторического источника, часто содержащий уникальную информацию о людях и событиях.

Одним из самых часто встречающихся сюжетов в современных воспоминаниях стал рассказ о лагере. Распространенность лагерной темы

объясняется и количеством людей прошедших через застенки ГУЛАГа, и долгими годами молчания, которое воспринималось многими как невозможность оправдаться, и захватывающей трагичностью повествования о невинноосужденных. Воспоминания Е.В. Марковой о ее подруге Клаве Александровой несколько выбиваются из общего ряда лагерных мемуаров. Дело здесь, прежде всего, в главной героине, которая не вполне – жертва режима, но и не его противница. Пострадала она небезвинно, но и не за вину, достойную каторги. Даже сегодня многие скажут: «так ей шлюхе немецкой и надо!», да и сама Клава в какой-то степени понимала, что за красивую жизнь надо платить. В то же время, она вполне подходит на роль современной успешной женщины, сделавшей ставку на достижение личных целей и игнорирующей все сопутствующие обстоятельства. Не менее интересным является и тот факт, что Клава предстает антиподом автора мемуаров, вспоминающего о ней несколько отстранено и удивленно, как о человеке другой породы.

Впрочем, выявляя отличия этих двух женщин друг от друга, не следует их преувеличивать. Само их противостояние (а равно и дружба) было во многом обусловлено принадлежностью к близким социокультурным группам. Обе женщины выросли в больших городах в послевоенное время, окончили советскую школу, получили нетрадиционное воспитание. Обе обладали решительными характерами, определенными амбициями и предъявляли к жизни немалые претензии. Попав в лагерь, обе женщины проявляют склонность к лидерству. Обе, наконец, являются рассказчицами, повествующими о своей жизни.

Противостояние двух женщин имеет своим источником различные этические установки, предопределившие в значительной степени отношение этих людей к миру и своему месту в нем. Данные установки достаточно точно характеризуются понятиями «эгоизм» и «альтруизм». Очевидно, что Клава руководствовалась в своих поступках, прежде всего, собственными интересами. То, что при этом она могла действовать не столько рассудочно, сколько интуитивно, не отменяет главного принципа ее жизни – следовать своим желаниям, но только придает ему типично женскую окраску. Жизненные установки Лены на первый взгляд более соответствовали советскому этическому кодексу, одним из основных декларируемых принципов которого был: жертвуй собой ради других. Однако следует помнить, что итог первой части жизненного пути двух женщин был один. Незапланированная благотворительность была на взгляд советской власти не менее преступна, чем преследование своих интересов. Любая личностная инициатива была подозрительна. Вспомним хрестоматийную историю с «Молодой гвардией» Фадеева: автора

заставили переписать роман, поскольку в первой редакции он изобразил молодых людей слишком независимыми. Не попади молодогвардейцы в руки немцев, ими бы наверняка занялись советские органы и неизвестно, чем бы это все закончилось. Во всяком случае, на роль официальных героев они бы вряд ли сгодились, советская пропаганда предпочитала иметь дело с мертвыми.

Жизненная позиция и личные качества Клавы позволили ей подняться на гребне военной волны и довольно долго на нем удерживаться, пока стремление к обеспечению собственного благополучия не обернулось против нее самой. При столкновении в лагере альтруистичность Лены взяла вверх над эгоистичностью Клавы. Во многом это было обусловлено специфическими лагерными условиями. В экстремальных ситуациях человек может выжить, только опираясь на помощь других людей, что и доказывает опыт взаимоотношения двух конкретных женщин. Роль победительницы Клава довольно быстро сменила на роль жертвы, что было связано с отсутствием в пределах ее досягаемости нужных мужчин, управляя которыми она могла бы поддерживать свой высокий статус. Впрочем, роль потерпевшей тоже была для нее достаточно выгодной, поскольку позволяла претендовать на помощь альтруистически настроенных женщин, но и сама она была вынуждена помогать в какой-то степени другим. Основой примирения Лены и Клавы стало материнство последней, которое выявило ее женскую сущность, до того окружающим женщинам вовсе неочевидную.

Дело в том, что по прибытии в лагерь Клава заняла «сильную позицию», которая выявляет в этой женщине носительницу мужского самосознания. Во всяком случае, именно об этом свидетельствует Клавин рассказ о своей жизни. По своему типу – это мужской рассказ о любовных похождениях и победах, обычная хвастливая донжуанская история. Очевидно, что со своими партнерами-мужчинами Клава вела себя по-другому и рассказывала им об ином, но в женской среде она начала утверждаться, как мужчина, что позволило ей приобрести некоторый авторитет. Неслучайно и в лагерной самодеятельности ей поручали исполнение мужских ролей. Однако в дальнейшем она вынуждена была отказаться от этой роли, обращаясь за помощью к тем, кто ее поначалу не принял, как слабая женщина. Авантюрная жизнь Клавы, смена ею поведенческих амплуа, участие ее в постановках культбригады позволяют говорить об игровом настрое ее личности. В этом, игровом плане надо рассматривать и Клавин рассказ о себе. Он принадлежит жизне-творческому театрализованному жанру, в рамках которого нет требования к истинности факта. Правда и вымысел переплетаются здесь совер-

шенно органично. Подобный рассказ не является самоцелью, он – всегда средство для организации жизни при выставлении ее на обозрение других людей. История жизни при этом становится частью самой жизни, соединяясь с определенным ее моментом, и длится ровно столько, сколько продолжается рассказ. Совершенно к другому типу принадлежит повествование Е.В. Марковой.

Подобно своей подруге она тоже является новоевропейской женщиной, склонной к самоутверждению, достижению жизненных целей, равному соперничеству с мужчинами. Однако автор воспоминаний является носителем совсем другого исторического сознания, что доказывается как фактом создания мемуаров, так и формой изложения в них исторического материала. По всей видимости, Лена, в отличие от Клавы, не была склонна к эпатированию окружающих рассказами о своих любовных похождениях, но зато она уже в годы лагерного заключения осознавала необходимость сохранения писем, стихотворений, документов, в результате чего возник обширный архив, наличие которого повышает значимость воспоминаний. К созданию истории своей жизни Е.В. Маркова обращается уже в зрелом возрасте, опираясь на обширный жизненный и научный опыт, но основа этой работы была заложена уже в молодости. Выстраивая факты своей биографии, автор предъявляет к ним определенные требования, которые диктуются этикой ученого, правилами создания достоверного текста. В то же время, это не сухой научный труд, но живой эмоциональный рассказ, в котором хорошо видно, как былые горести, радости и страхи пробиваются сквозь толщу лет, оживая под пером рассказчицы. В повышенной эмоциональности повествования наиболее ярко проявляется его принадлежность к женской субкультуре, о которой свидетельствует также повышенное внимание автора к некоторым подробностям быта заключенных. Впрочем, научная культура автора позволяет ему сохранять обобщающий взгляд на события прошлого, придавая рассказу целостность и последовательность. В отличие от многих женских мемуаров, воспоминания Е.В.Марковой не эгоцентричны. Главное место в них отводится другим людям. Цель у этих воспоминаний совсем другая, чем у рассказа Клавы, они призваны утвердить личность не в жизни, но в истории, восстановить справедливость, сохранить прошлое для будущего. Однако именно благодаря этому подходу к событиям прошлого история Клавы Александровой становится частью большой истории, частью нашей культуры.

А.Ю. Котылев

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

М.В.Родев

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ*

В 1941 г. началась война. Я окончил 9-й класс в г. Свердловске, где жили и работали портными мои родители. Летом окончил курсы тракториста – подготовка на танкиста. Отца взяли в армию, он там портняжил. На каникулах в 10 классе я пошел в военкомат записаться добровольцем на фронт. Меня взяли в авиатехническую школу. Из своего класса в армию я попал самым первым, хотя ростом в свои 17 лет был 148 см. На учебу нас увезли в товарном вагоне в г. Троицк Челябинской области. Там изучали авиапулеметы, бомбы и т.д. К концу апреля по тревоге ночью всех посадили в товарные вагоны, увезли в Златоуст, где изучали пушки.

К концу мая мы уже были под Москвой, около города Коломны. В июне месяце нас отправили на южный фронт в 1081-й артиллерийский полк резервного главного командования. По железной дороге довели до станции Воронеж. Далее на машинах «Виллис» с пушками образца 1941 г. (76 мм) поехали на запад. Ехали 2-3 дня. Карты у меня не было, поэтому о том местонахождении до сих пор ничего не знаю.

Установили орудия ночью. Я стоял часовым, утром около нас прошла отступающая пехота. Моя винтовка была с некрашеным прикладом, затвор не закрывался, поэтому я лишний раз и не открывал. Утром около нас отступала пехота, обозы. Орудийная пальба была слышна на востоке, т.е. сзади нас. Днем мы тоже стали отступать, видимо, попали в окружение. На следующую ночь прорывались через деревню, занятую немцами. Нашу пушку разобрали, сняли замок и выбросили вдали от пушки, так как сгорело сцепление автомашины.

Далее ехали на восток на другой машине нашего полка. Отступающая пехота шла по дороге без конца. Немец бомбил. День или два стояли

*Фрагмент воспоминаний участника Великой Отечественной войны, кавалера Ордена Славы Михаила Васильевича Родева (1924–1997 гг.), уроженца с. Пыёлдино, Сысольского р-на Республики Коми. Текст датирован 18 января 1995 г.

в кустах, а ночью ехали. Вроде на вторую ночь надо было ехать через деревню, захваченную немцами. Артиллерию послали вперед, и мы били прямой наводкой по домам, с чердаков которых строчили пулеметы. Загорелась солома около нас, и мы оказались перед немцами, как на освещенной сцене. Сразу был ранен свердловчанин Расторгуев. Разрывная пуля попала в спину и вышла из живота, вынесла кишки. Я перевязал его полотенцем, а лейтенант увез на машине.

Пушку опять разобрали, и все наши разбежались кто куда. Лейтенант сказал, что пойдет вперед, к своим, но едва ли они далеко уехали. Мы, вдвоем с Николаем из Омской области, ушли в сторону и ночевали на поле в пшенице. Проснулись утром и увидели несколько больших деревьев. Оттуда было сделано два винтовочных выстрела по нам. Пули пролетели около нас. Это были наши солдаты. Оказалось, это украинцы. Они говорили, что пойдут домой.

Мы выбросили винтовки в яму, наполненную водой, и пошли своей дорогой. Ушли недалеко, по дороге навстречу к нам ехала колонна немецких машин. Первая машина остановилась, к нам подошли немцы и приказали идти к машинам, а сами сели в машину и уехали. Мы шли навстречу колонне, на наше счастье, ни одна машина не остановилась. Так дошли до села, зашли в дом. Попросили у хозяйки одежду и переоделись в гражданское. Пошли на восток. Помню, мы ночевали в Нижней Кундрюческой, где нам дали письмо переправить в Сталинград.

В сентябре подошли к реке Чир. Думали переправиться, но нас задержали немцы, так как мы прошли перед их пулеметным гнездом. На бронемашине нас увезли к штабу, где уже было человек двадцать наших, переодетых в гражданское. У штаба заночевали, всех уложили на землю в один ряд, если надо было ночью вставать, поднимали руку. Наутро всех нас выстроили и вывели на дорогу. Там провожающие немцы всех обыскали. Искли деньги, но ко мне не подходили, так как вид мой исключал наличие ценностей.

Потом немцы нас передали румынам, везущим солому в сторону Нижне-Чирской. Нас было человек двадцать. Румыны на двух подводах соломы погнали лошадей, чтобы от нас уехать. Мы остались в поле одни. Я оторвал полоску белой ткани от нижней рубашки и завязал ее на руку одному разведчику (о том, что он разведчик я узнал потом, когда перешли реку Чир). Как старший, он повел нас к станице Нижний Чир, а потом через станции на переправу к реке.

Кругом были немцы. В Нижнечирской двое наших зашли в избу «напиться» и оторвались от нас, так как почувствовали, что мы хотим перейти фронт. Они были украинцами и перешли к немцам добровольно.

Реку Чир переправились вплавь. Здесь старший приказал нам, пацанам, идти в штаб советских войск. Мы показали военные красноармейские книжки и пошли с ними к штабу-землянке. У штаба ночевали на улице. Пришлось забрасываться травой, так как летала «рама» – немецкий «фоке-вульф».

Утром проснулись – а в штабе уже никого не было. Остались мы втроем: я, Николай и лейтенант в гражданском. Наши отступали, немецкий самолет бомбил около нас. Мы пошли на восток. Недалеко был пруд. Николай решил помыться, а мы вдвоем пошли вперед. За нами на запруде шла военная машина. Немецкий самолет бомбил машину и Николай был убит немецкой бомбой. По нам двоим самолет стрелял из пулемета, а когда мы остановились, он вернулся и земля «закипела» около нас. Мы лежали, пока самолет не улетел. Поднялись на возвышенность, за ней увидели небольшую деревню. По дороге немцы вели наших пленных. Переждав их, мы пошли в деревню. У одной хозяйки попросили разрешения переночевать в сарае. Питались помидорами. Поле было рядом. На поле лежали убитые солдаты. Так мы прожили несколько дней.

Однажды ночью дверь сарая открыли два немца, они осветили нас фонарями. Мы решили, что нас расстреляют, но остались живы. Лейтенант при опросе сказал, что живет в соседнем селе, а я назвал его племянником. Нас отпустили и мы пошли в Калач Донской, что в 20 км от этой деревеньки. С возвышения увидели ровное поле созревшей пшеницы. Пшеница горела после боя. Немецкие танки стояли группами, а мы шли перед ними на дороге в страхе, что нас вот-вот расстреляют. Так дошли до берега Дона. На другом берегу был Калач, мы хорошо его видели с правого крутого берега. Надеялись, что вечером переплывем и будем у наших. Из кустов появились два немца с автоматами и повели нас в двухэтажный дом, где уже собрали несколько десятков наших бойцов.

Наутро нас выстроили в шеренгу по три человека и четверо конных немцев с нагайками повели нас на запад. Я встал четвертым в шеренгу, но немецкий офицер скрутил с силой мою руку и отшвырнул назад. Рука долго болела. Днем остановились у немецкой части. Там пленным в форме дали еду, а переодетым «партизанам» ничего не давали.

Следующая остановка была на окраине деревушки около соснового бора. Немцы ловили деревенских кур и варили. Я заметил, что пленные собирают с огородов оставшуюся картошку, а немцы не реагируют. Предупредив лейтенанта, что попытаюсь бежать, оставив ему свой мешок, я со своей пол-литровой кружкой отправился «собирать картошку».

Удалившись от группы, незамеченный за кустами, я побежал что было мочи, понимая, что меня ждет расстрел. Нагнал еще одного беглеца, но с ним не пошел. Он не решился идти по дороге, как собирался уходить я. Услышал автоматную стрельбу с места нашей остановки, но я был уже далеко. На дороге заметил сидящих в оборванной одежде пленных с лопатами. Охранявшим их немцам я сказал, что эвакуировал до Дона скот, а сам возвращаюсь домой. Офицер разрешил идти, но вдруг закричал:

– Стой!

Приказал снимать ботинки. Я сел около пленных и, не торопясь, стал развязывать шнурки. Сидящий около меня человек шепотом предупредил, чтобы я поторопился. Немец мог догадаться, что я русский солдат. Я отдал свои ботинки одному из пленных и обратился к немцу:

– В чем же мне ходить?

Немец приказал отдать мне рваные ботинки пленного. Своим вопросом я хотел убедить охрану в своей непричастности к армии. И они поверили. Пленных повели дальше, а я выбросил рваные ботинки и пошел на юг, так как понимал, что уходить надо только через Дон. На берегу реки увидел старика с лодкой. Попросил перевезти. Старик согласился переправить за деньги. Я достал зашитый в нижнее белье домашний портмоне, и все имеющиеся деньги (сто рублей) отдал старику.

Переправившись на левый берег, я пошел в большой хутор. Люди отказывались меня накормить, пока я не объявлюсь у старосты. В здании сельсовета староста с помощью полицаев обыскал меня, и с двумя такими же беженцами запер в маленьком помещении кассы сельсовета. Утром нас хотели увести в лагерь для пленных. Наступило утро и нас... отпустили.

Я пошел один на восток. К ночи добрался до небольшого хутора, но ночевать в дом никто не впустил. Население предупредило, что за укрытие солдат – расстрел. Рядом с хутором расположился лагерь, обнесенный колючей проволокой. В нем было несколько тысяч военнопленных. Уставший и замерзший, я забрался под стог колючей сухой травы и заснул. Проснулся от пинка ногой. Немец приказал погрузить лежащий недалеко мешок в машину. За погрузку он дал мне пачку сигарет. Все это происходило в нескольких метрах от колючей проволоки лагеря. Машина уехала, а я бросил сигареты пленным (в то время еще не курил).

По станицам ходить стало опасно, полицаи могли забрать в лагерь, и я решил идти без дорог. На небольшом бугорке заметил землянку. От нее струился дымок. Из землянки вышла бабушка, она помогала пастуху овечьего стада. Здесь меня накормили и обстирали. Бабушка пригласила

меня в деревню, где председателем колхоза работал ее сын. Там можно было взять хлеб и отдохнуть. Немцы к ним не заходили. Это был хутор Второй Харьковский, Пролетарского района Ростовской области.

Наступил холодный декабрь. Немцы стали набирать молодежь и увозить в Германию. Я согласился поехать вместо сына хозяина. Нас собирали на станции Пролетарской. Место было обнесено новым забором. Несколько сотен молодых людей района собрали здесь. Я сразу стал искать плохо прибитую доску и нашел ее. После выдачи «аусвайсов» отодвинул ее и незамеченным вышел на волю. Вернулся в хутор Второй Харьковский через хутор Буденновский. Документ «аусвайс», на фамилию «Родионов» оставил хозяевам. Так я отблагодарил семью Калиниченко, которая укрывала меня от немцев почти два месяца. Вскоре я пошел на сбор военнопленных, так как наши войска приближались, а линия фронта проходила далеко от этих мест. На железнодорожной станции работники КГБ тщательно изучали историю каждого обратившегося. Меня спасла чудом сохранившаяся красноармейская книжка.

Шел январь 1943 г. Я был определен в артиллерийскую часть, которая больше месяца была на отдыхе. По утрам с друзьями я мылся ледяной колодезной водой по пояс, отчего на теле появились чирьи. К ним прилипала одежда. В конце февраля наша часть пешком пошла к Ростову. Шли по 100 километров в сутки. Спали на ходу, вечером пекли оладьи. Прошли Ростов, впереди был Таганрог. Остановились около деревни Матвеев Курган. Орудия везли на лошадях. Окопали орудия, но через несколько дней отправились дальше. При подступах к самой деревне немцы обстреляли нас из миномета. Я был ранен 3 марта 1943 г. в 10 часов утра в левую ногу, около лодыжки, осколком мины. Меня положили на подводу со снарядами и повезли вперед – в деревню. Оставили в доме, где был госпиталь, в сенях на ящике.

До ночи я пролежал там. Вокруг весь день рвались снаряды. Осколками, попадавшими в окна, ранило и убило несколько человек. Ночью приехала медсестра и увезла меня в тыловой медсанбат. Там я пролежал еще одни сутки. Мне делали перевязки. Оба раненых, лежавших со мной, умерли. Днем нас погрузили в грузовую машину и увезли в Ростов. Разместили в школе, на полу второго этажа. Прошла еще одна ночь. Днем подошел хирург и сразу меня отправил на операцию. Осмотрев ногу, сказал:

– Началась гангрена, необходима ампутация до колена.

Я заплакал. Мне было восемнадцать лет. Просил не ампутировать ногу. Доктор разрезал рану, очистил от осколков костей и согласился

подождать до утра. Утром я узнал, что организм переборол гангрену. Меня перенесли на первый этаж, на кровать. Здесь, в госпитале, мы пережили еще одну бомбежку. Через полмесяца меня эвакуировали поездом под Сталинград, потом пароходом в пос. Васильевку, под Казань, оттуда поездом до Кудымкара Пермской области. В Кудымкаре я пролежал недели две.

8-9 июля 1943 г. я на костылях приехал в Сыктывкар. До Котласа – поездом, из Котласа – пароходом. Почтовая машина привезла меня до Визинги, а Григорий Иосифович Князев (тогда он был директором Визингской средней школы) на школьной лошади довез до родного села Пыелдино. Это было в Петров день, 12 июля. Мой отец еще был в армии. Встретили меня мама и сестра Ньюша.

В первое время я сидел дома с дедом Варламом. Научился делать решета, ремонтировал сани. В военкомате сообщил, что был в окружении. Боялся репрессий. В 1944 г. стал работать счетоводом колхоза «Ленин туй», а к осени поехал учиться в Молотовский военно-механический институт. Тогда экзамены были отменены. На мой запрос пришел вызов из института. Сельсовет выдал мне паспорт, хотя сельским жителям паспорта еще не выдавались.

В Перми, в трамвае, вытащили все мои документы, поэтому в институт меня не приняли. Я вынужден был поступить в машиностроительный техникум. В тот год от директора Свердловской мужской средней школы я узнал, что ребят моего класса забрали на фронт летом 1942 г. в одну пулеметную роту. Почти все они погибли в одном бою. Один раненый возвратился в Свердловск. Весной 1948 г. ко мне, в Ньючим, где я работал старшим техником связи, приехали два кагэбэшника и учинили допрос по плену. С того времени я спал в верхней одежде, думал, в любое время заберут и увезут. В те годы это было в моде. Даже больничного листа мне тогда не выдавали, потому что был в плену. Это продолжалось до 1957 г. Тогда в общежитие Ленинградского института связи приходил майор КГБ для расследования деталей плена и освобождения. В 1958 г. меня вызвали в военкомат и вручили орден Славы III степени.

Р.М.Леванова

КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ
(Воспоминания о Великой Отечественной войне)

В последние годы многие ветераны пишут воспоминания о днях минувших. Пишут с целью, чтобы молодое поколение знало, что было в недалёком прошлом с их дедушками, бабушками и со страной. Для каждого поколения свойственны какие-то свои черты, свой образ жизни, свои ценности.

Может быть, новое поколение, лучше узнав прошлое нашей страны, построит для себя жизнь более совершенную и благополучную. А может быть, позаимствует то хорошее, что было свойственно старшему поколению.

Когда началась Великая Отечественная война, моим одноклассником было 12-13 лет. Мы были подростками, поэтому воевать нам не довелось, но все тяготы военного времени пришлось испытать и нам. Прежде чем рассказать о войне, мне хотелось бы остановиться на довоенном периоде жизни. Рассказать о том, как мы жили, что мы любили, что формировало наши характеры, взгляды, интересы.

Наши родители много внимания уделяли работе. Поэтому мы были предоставлены самим себе. Тогда ещё не было телевидения. Кинофильмы показывали, но новые картины выходили на экран редко. В отличие от сегодняшних детей, мы любили художественную литературу и много читали. Принимали активное участие в художественной самодеятельности: пели, танцевали, читали стихи. Тогда ни один концерт не проходил без чтения стихотворений.

В Сыктывкаре до начала войны работала детская художественная студия. Я и мои одноклассницы стали ее посещать. Мы очень полюбили хоровое пение. Детским хором руководила Киселёва Мария Степановна, аккомпаниатором была Суворова Мария Дмитриевна. Песни исполнялись на несколько голосов. Я на всю жизнь полюбила только что появившуюся тогда песню «Любимый город», которую исполнял солист хора Петя Яшин.

В 1940 г. при радиокомитете был организован кружок чтецов, которым руководил артист и драматург Николай Михайлович Дьяконов. Нам нравилось заниматься с ним. Он был веселым человеком, умел пошутить, рассмешить. Был прекрасным рассказчиком и любил слушать. Он учил нас технике выразительного чтения. Мы неоднократно выступали на радио с чтением стихотворений. Однажды перед Новым годом все

чтецы, принимавшие участие в радиопередачах, получили ценный подарок – шоколадные фигурки разных зверюшек. Это был царский подарок. Многие из нас получили его первый раз в жизни: родители нас шоколадом не баловали. Я долго хранила эти фигурки как сувениры, мне жалко было их есть.

Николай Михайлович давал возможность самим подбирать стихотворения, которые нам нравятся. В основном это были серьезные, патриотические стихи. Правда, читали и такие, как стихотворение С. Михалкова «А что у вас?». Однажды мне понравилось стихотворение (название и автора уже не помню), в котором говорилось о жестокости фашистов, может быть, в связи с событиями в Испании. Н.М. мне сказал, что это стихотворение не подойдет, так как наша страна заключила с Германией мирный договор; поэтому нельзя говорить о фашистах плохо. Я была озадачена и никак не могла понять, почему к фашистам так резко изменилось отношение, ведь у советских людей уже сложилось устойчивое негативное отношение к ним.

Вот так наша страна, подписав с Германией мирный договор в августе 1939 г., старалась ничем не омрачать установившиеся дружественные отношения с новоиспеченным союзником. А средства массовой информации строго соблюдали указание правительства – не допускать никаких негативных и критических высказываний в адрес Германии и Гитлера.

Хотя пакт Молотова–Риббентрофа был подписан, всем было ясно, что война с Германией – дело совсем недалекого будущего и что она неизбежна. В моем семейном архиве хранится письмо дяди, Бронникова Алексея Григорьевича, погибшего на войне в январе 1942 г. Письмо было написано 4 апреля 1941 г. В это время он служил в армии и должен был демобилизоваться. В письме дядя пишет: «Трудно надеяться на демобилизацию, потому что международная обстановка всё больше усложняется».

Предчувствие неизбежности войны жило и в детях. Может быть в этом сыграли свою роль книги Аркадия Гайдара, который был нашим любимым писателем. Он знал точно, что войны не миновать. Еще в 1929 г. Гайдар писал: «Мы не знаем, когда вражеские батареи откроют огонь на нашей западной границе, но мы точно знаем, что этот день придет». Предчувствием грядущих боев проникнуты почти все его книги. Он считал необходимым подготовить к ним новое поколение. Даже в такой светлой книге, как «Чук и Гек», писатель не обошел стороной тему войны. События, описанные в повести, происходят в мирное время. Мальчики, едущие в гости к отцу, смотрят в окно поезда и видят: «на

одном разъезде бок о бок остановились они с могучим бронепоездом. Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия. Красноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, обогревали руки». Возле бронепоезда в кожанке стоял красный командир. Мальчики думают, что, если начнётся война, этот бронепоезд и красный командир будут защищать страну от врагов.

До Отечественной войны была еще одна война – финская. Эту войну Александр Твардовский назвал «незнаменитой», потому что мы в ней не воевали за свободу своего народа, а жертвы и тяготы понесли огромные.

Так как в мире было неспокойно, с учащимися вели военную подготовку. В школе был такой предмет – ГТО. Нас учили, как делать перевязки раненым, учили пользоваться противогазом. Игры наши тоже были связаны с войной. Во дворе дома Комлиных мы построили снежную крепость и играли в войну.

Весной 1941 г., в один из выходных дней, несколько классов Сыктывкарской школы № 2 приняли участие в военной игре, которая проводилась за больничным городком. Одним из организаторов игры был преподаватель математики. Кажется, его звали Александр Степанович, а может быть, Алексей Степанович. Мы любили его как учителя. Я помню, что он всегда ходил в шинели. Возможно, А.С. был участником военных действий в Финляндии. Осенью 1941 г. его взяли на фронт. В школу он больше не вернулся. Видимо погиб на войне. В этой игре, как и положено, были две противодействующие стороны, которые сражались друг против друга. Особенно активными были мальчики. Звуки трещоток, изготовленных ими, имитировали ситуацию боя. Девочки выполняли роль медсестер, они перевязывали «раненных» и выносили их с поля боя на носилках. Конечно, обилие снега создавало определённое неудобство, но нас спасали валенки и шаровары, которые носили в то время все. Подробности этого мероприятия не помню, но помню чувство радости и удовлетворения от игры.

Что еще осталось в памяти о жизни довоенной? Очереди, в которых приходилось выстаивать часами. Мы, дети, часто сами проявляли инициативу, чувствовали ответственность за семью. Нам не нужна была подсказка родителей. Услышим, что в таком-то магазине будут продавать дефицитный товар, занимали очередь, а потом бежим домой за деньгами. Стояние в очередях было обычным делом. Запомнились две утомительные очереди.

В сентябре 1939 г. привезли в Сыктывкар арбузы. Их завозили не каждый год. Привозили ли другие фрукты, я не помню. Но зимой, перед

новым годом, привозили мандарины. Их клали в новогодние кульки для детей. Конечно, такой товар, как фрукты, не был дефицитным в других регионах страны. Но у нас был особый регион: не было железной дороги на Сыктывкар. Магазин, в котором стали продавать арбузы, был набит битком. На улице тоже стояли люди. Я терпеливо выстояла очередь. Когда подошла к прилавку, решила купить два арбуза, чтобы всем хватило вдоволь поесть. Но у меня не оказалось ни сумки, ни сетки. Решила нести арбузы в руках. В одной руке – один арбуз, в другой – второй; прижала их крепко к груди и довольная вышла из магазина. С нелёгким грузом пришлось идти пешком. В городе ни общественного, ни частного транспорта тогда не было. Все ходили пешком. Пешком шли в Лесозавод, Кочпон, Чит, Тентюково, Вильгорт, Чов и т.д. Благополучно добраться до дома у меня не хватило сил. Когда я стала переходить мощенную булыжником дорогу, один арбуз упал и раскололся на две части. Я растерялась и не знала, что мне делать. Ведь третьей руки у меня не было. Выход был найден не самый лучший: одну половину арбуза я подобрала, а вторую оставила на дороге.

Многие промышленные товары были дефицитными во всей стране. Например, мануфактура. Люди забыли, что такое пододеяльники: не из чего было их шить. Однажды по городу пронёсся слух: в такой-то день в одном из магазинчиков, расположенных на рынке, будут продавать ситец. Очередь стали занимать с вечера. Кто-то ушёл домой до утра, кто-то остался возле магазина на ночь. (Хорошо, что это было летом). Я с подружками тоже заняла очередь. Поздно вечером мы всё-таки ушли домой. Утром снова были на рынке и стали терпеливо ждать, когда откроется магазин и начнут продавать ситец. Около двух часов дня мы всё-таки получили долгожданный товар, но я не уверена, что он достался всем, кто стоял в очереди.

Если сравнить прошлую жизнь с нашим временем, то можно сказать, что все мы тогда жили бедно. Хотя бедняками себя не считали, так как жизненный уровень почти у всех был одинаковым.

Очень давно я читала какую-то книгу о войне. Там был такой эпизод: немецкий солдат пишет письмо домой и сообщает родным: «Россия - очень бедная страна, в которой даже будильник является роскошью». И это было, действительно, так. В нашем доме будильников не было до 1940 г., так как в магазине их не продавали. И вот в том году отец принес два будильника, один из которых он подарил хозяйке, у которой мы снимали квартиру. Отец был врач, и, видимо, ему достал будильник кто-то из его пациентов, работавших в торговле. Ручные часы тоже были

роскошью, их мало кто имел. В магазине они стали продаваться только с начала 50-х годов.

Картина жизни довоенного времени будет неполной, если к ней не добавить один печальный штрих. Детство наше прошло в годы сталинских репрессий, и, конечно, многие из нас столкнулись с этой бедой. Она не обошла и наш род.

Мой дедушка, Бронников Григорий Алексеевич, был священником в селе Сёлыб Удорского района. В августе 1937 г. он был арестован органами НКВД Коми АССР. Вскоре после ареста тройкой УНКВД Коми АССР был осужден по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. 31 августа 1937 г. приговор был приведен в исполнение. После того, как дедушка покинул свой дом, никто из родных не знал о его дальнейшей судьбе. В своих письмах сын Алексей с тревогой писал моей маме, что Валя, дочь Григория Алексеевича, которая жила с отцом в Сёлыбе, ничего не сообщает о нем. Что могла она сообщить? Дочь сама ничего не знала. Человек из жизни просто исчез, как будто его и не было. О трагическом конце и последних днях жизни дедушки мы узнали только в 1993 г., получив справку о реабилитации, а впоследствии ознакомившись с материалами судебного дела, которое хранится в архиве ФСБ по РК.

Старший брат дедушки, Бронников Иван Алексеевич, тоже был священником, тоже был репрессирован и трагически погиб в 1933 г.

В нашей школе учились дети, родители которых пострадали во время коллективизации. Были они и в нашем классе. Три мальчика: братья Разворотневы и Шевченко, а также девочка Рая. Мы все знаем, какие невзгоды и лишения выпали на долю тех, кто не по своей воле оказался на нашем суровом севере.

Напротив школы № 2 был дом специалистов (он и теперь там стоит), в котором жили люди, наделённые кто большей, кто меньшей властью, а также люди творческие. Время от времени горожане шёпотом говорили друг другу, что из этого дома ночью на «чёрном вороне» увезли очередную жертву. Жила в этом доме Саша Доронина. Она никогда не говорила о своем отце. Но однажды с гордостью сказала, что он был писателем и журналистом. Я спросила: «Где он сейчас?». Она, опустив голову, промолчала. До Отечественной войны в драматическом театре имени Виктора Савина работал Александр Георгиевич Зин. Зрители его очень любили. Он был не только талантливым артистом, но и красивым, ярким, обаятельным человеком. В 1938 г., когда талант артиста был в полном расцвете, его арестовали. Арест этот всем казался величайшей несправедливостью. Освободили Александра Георгиевича в 1948 г., после чего он

продолжил работу в драматическом театре, создав не один запоминающийся образ героя-современника. У него были почетные звания: заслуженный артист РСФСР, народный артист РК. Умер Зин в 1970 г., когда дети его были еще несовершеннолетними. Здоровье подорвали 10 лет ГУЛАГа. О том времени он не любил вспоминать, только с гордостью говорил, что строил нефтепровод Абакан-Тайшет. Несколько лет тому назад поэт Андрей Вознесенский, выступая на телевидении, сказал: «Во время культа Сталина много было доносчиков, которые предавали людей за пару сапог». Так это было или не так, но о причине ареста Зина люди говорили, что на него донесли завистники.

Размышляя о том далёком времени, приходишь к выводу, что жизнь была похожа на калейдоскоп. Кроме насыщенного до предела чёрного цвета, были и яркие краски, о чем я писала в начале своего повествования.

А теперь перехожу к воспоминаниям о войне. Я уже писала о том, что сознание неотвратимости войны жило в людях задолго до ее начала. И все-таки война застала их врасплох, так как началась неожиданно. Хорошо помню лето 1941 г., начало войны. Мы по старой привычке часто играли на улице. Разыгравшись, на какое-то время забывали, что где-то далеко идет война.

В первые же дни войны на улицах были установлены репродукторы. Как только услышишь военную сводку о том, что наши войска оставили такой-то город или населённый пункт, тебя охватывает тревога за будущее страны, за близких людей, на душе становится так тяжело, что пропадает всякое желание продолжать игру дальше. А такие сводки с фронта летом 1941 г. приходили почти ежедневно. Наша армия с тяжелыми боями отступала, оставляя один город за другим. Писатель Борис Горбатов с горечью писал о том времени: «Все на восток, все на восток, хотя бы одна машина на запад».

Тогда мы еще не знали, почему Красная Армия, призванная зорко охранять западные рубежи нашей Родины, не остановила врага, который за короткий период времени проник в глубь страны, воспользовавшись внезапным нападением. В первые дни войны многие недоумевали: «Как же так? Ведь у нас был заключён мирный договор с Германией. А по радио передавали сообщение ТАСС, которое опровергало слухи о концентрации немецких войск на нашей границе». Но в этих рассуждениях не было никаких упреков в адрес правительства, Сталина. Большинство людей верило Сталину. Только через много лет народ узнал всю правду о войне. Узнал о том, что разведчики, рискуя жизнью, сообщали совершенно точную, объективную информацию о грозящей Советскому Союзу опасности.

Некоторые из них даже указывали точную дату, когда Германия начнет войну. Сталин, с присущей ему подозрительностью, не прислушался к их голосу. Среди этих мужественных людей был и знаменитый разведчик Рихард Зорге.

С первых же дней войны возникла проблема с продуктами. Опять началось стояние в очередях, беготня по магазинам, только более энергичная: нужно было запастись крупой, сахаром, мылом. Во время войны мыло тоже было дефицитом. А стирального порошка тогда вообще не было. Прошло немного времени, и продукты исчезли с полок магазинов. Начался поход с судками по столовым. Но настал день, когда в столовой «Октябрь», куда мы ходили за скромным обедом, кроме перлового супа и перловой каши, ничего не было. В связи с этим событием кто-то сочинил каламбур: суп перловый, каша перловая, и сам директор перловый.

В столовой стали давать обеды только по талонам (прямо на предприятиях для работающих на них). Можешь обед съесть сам, можешь поделиться с близкими: отнести им половину порции. Обед состоял из трех блюд: суп, каша, часто пшённая, стакан сладкого чая или компота из сухофруктов. Пшеничная каша варилась на воде, но в каждой порции была ложка растительного масла. Она казалась нам очень вкусной. Об этом и сейчас вспоминают мои сверстники.

С первых же месяцев войны хлеб стали выдавать по карточкам. Дети до 12 лет включительно получали по 400 граммов хлеба в день, старше 12 лет – по 300 г. Они считались иждивенцами. Если бы были другие продукты, кроме хлеба, 400-300 г вполне хватало. Но никаких продуктов в магазине не продавали.

В конце лета 1941 г. директором школы № 2 была назначена Мария Фёдоровна Яценко. Она была эвакуирована из Ленинграда. Мария Фёдоровна ещё не знала всех учеников. Увидев нас, играющих во дворе школы, сказала: «Соберите всех своих одноклассников по цепочке. Я хочу дать вам ответственное задание». Когда мы собрались в ее кабинете, она продолжала: «Мирное время закончилось. Идет жестокая, кровопролитная война. Нужно помогать фронту. Вы будете ездить в лес, собирать ягоды и сдавать их в фонд обороны страны». И стали мы ездить на грузовой машине в Максаковку, собирать ягоды, которые сдавали в столовую. А после переработки их отправляли на фронт. Ездили за ягодами и осенью. Случалось, что попадали под дождь. Пришлось мокнуть и мерзнуть. Конечно, простужались и болели. Но задание было ответственное, и надо было его добросовестно выполнять. Так началась наша трудовая деятельность.

А потом были дела посерьезнее. Перед нами была поставлена задача – помогать фронту своим посильным трудом в тылу. Вот мы и трудились летом и осенью в пригородном колхозе имени Кирова все военные годы, а осенью 1945 г. работали на сплаве. В колхозе нашим бригадиром была Малыгина Людмила Зотьевна, женщина строгая, требовательная, деловая.

Ее самоотверженный труд был отмечен многими наградами. Под её руководством мы выполняли самую разнообразную работу: высаживали рассаду, пропалывали овощи, окучивали картошку, заготавливали силос, а осенью убирали урожай. Трудились и на сенокосе: сгребали сено в копны. В годы войны на колхозных полях выращивали зерновые культуры. Мы тоже принимали участие в их уборке: жали, вязали снопы, ставили суслоны.

В колхозе нас подкармливали: на обед давали похлебку и кружку молока. Ели без хлеба, так как он выдавался только по карточкам. В те годы с работниками колхоза рассчитывались не деньгами, а натурой. На заработанные трудодни выдавали те продукты, которые производил колхоз. В основном это были овощи и зерно. За все годы работы в колхозе нам дали один раз овощи, второй раз – молоко, третий раз – зерно. Кажется, это была рожь. Я получила 10 литров молока и почти полмешка зерна. Молоко дали летом. За ним пришлось идти за несколько километров, в Заречье, где паслись коровы. Туда мы ходили с мамой: одна бы я не донесла ведро молока. А зерно мы решили смолотить на мельнице. Однажды зимой с одноклассницей Ниной Боярченко, положив мешки на санки, мы отправились в Нижний Чов на мельницу, пройдя нелёгкий путь туда и обратно.

Летом у нас была еще одна работа. Мы заготавливали для школы дрова: распиливали бревна. С нами работали учителя. Я помню, как Вера Ивановна Цивилёва, жалея нас, сама часто бралась за пилу, давая возможность немного отдохнуть тому, кто совсем выбился из сил. А зимой возили эти дрова на санях для школы. Это, пожалуй, была самая тяжелая работа. После уроков брали санки и отправлялись за дровами. Местечко Сидорполоя, откуда возили дрова, находилось в нескольких километрах от города. Когда возвращались домой, было уже темно. Какой длинной и трудной казалась обратная дорога домой! Еле тянешь санки с дровами, особенно в гору, выбиваешься из последних сил. Иногда казалось, что упадешь в сугроб и останешься лежать в снегу: не хватит сил, чтобы подняться. Не надо забывать, что мы были постоянно голодными. Но никто от работы не отлынивал. Каждому была дана норма,

которую он должен был выполнить. А по воскресеньям возили дрова оттуда же, но уже для себя.

Помощь фронту оказывалась самая разнообразная. Учащиеся собирали теплые вещи для солдат, шили и вышивали кисеты, в которых бойцы держали махорку. Кто умел, вязали теплые носки и рукавицы. Эти скромные подарки грели души воинов, напоминая им о тепле и уюте родного дома.

Вспоминая о Великой Отечественной войне, нельзя оставить без внимания такое уникальное явление, которое имело место только в нашей стране – тимуровское движение. Тимуровские команды были созданы и в школах Сыктывкара. Тимуровцы помогали семьям фронтовиков в их повседневных делах.

Во время Отечественной войны нам, как и всем людям, жившим в тылу, пришлось пройти через самое тяжелое испытание – испытание голодом. Не месяцы, а годы мы ежедневно испытывали чувство голода. Нам постоянно хотелось есть. Мы мечтали о том счастливом дне, когда вдоволь наедемся хлеба, напьемся сладкого чая. Мы мечтали не о каких-то деликатесах, а всего лишь о хлебе! Это наше состояние хорошо выразила поэтесса Вера Инбер в поэме «Пулковский мередиан», написанной в 1942 г. в осажденном Ленинграде:

«Лежу и думаю. О чём? О хлебе.

О корочке, обсыпанной мукой.

Вся комната полна им. Даже мебель

Он вытеснил. Он близкий, и такой

Далёкий, точно край обетованный».

Вспоминаю свое каждодневное меню в самые тяжелые годы войны – 1942–1943 гг. Утром уходила в школу без завтрака, так как есть было нечего. В школе на большой перемене давали полсайки, которая моментально съедалась всухомятку. После школы шла в магазин и покупала хлеб. Свой пай тоже моментально съедала. Вечером приходила с работы мама и приносила для меня полпорции овощного супа. Он был сварен из картошки и часто мерзлой капусты. На ужин варили картошку или запекали ее в печке. В другом виде картошку приготовить было невозможно, так как не было ни молока, ни масла. Правда, кто был непривередливым, жарил картошку на рыбьем жире, который продавался в аптеке. Почему картошку варили вечером? Электрических плиток тогда в Сыктывкаре не было. Они появились позже. А печку топили один раз в сутки: нужно было экономить дрова, которые доставались дорогой ценой.

Однажды к какому-то большому празднику выдали по карточкам полкилограмма селёдки на каждого члена семьи. Это радостное событие осталось в памяти на всю жизнь.

С 1944 г. время от времени нас стали снабжать американской тушенкой. Когда получили первую банку тушенки, мы с мамой устроили «королевский обед»: потушили с ней картошку и сразу съели половину кастрюли. Ведь одна картошка уже надоела, а с тушенкой она была очень вкусной. Такое тоже не забывается.

В военные годы людей спасала картошка, которую называли вторым хлебом. Картошку садили почти все горожане. Иначе бы они не выжили. Не у всех были свои огороды, поэтому разделявали целину, кто где мог. Мы разработали участок земли возле железнодорожной насыпи. Поезда тогда еще не ходили.

К сожалению, весной картошка кончилась. Тогда начался настоящий голод. Люди ели кору деревьев, щавель, крапиву, клевер и т.д. Весной, когда растает снег, на колхозных полях собирали полусгнившую, мерзлую картошку и пекли из нее оладьи, так как ее нельзя было варить: она была жидкой. Был еще один выход, чтобы не умереть с голоду: горожане шли в Кочпон, Чит, Вильгорт и разменивали на картошку часто самым нужные вещи. Мы разменивали швейную машину и еще кое-что из одежды.

Во время войны были большие трудности и с промышленными товарами. Невозможно было купить не только готовую одежду, но и какие-нибудь ткани, чтобы сшить платье, пальто и т.д. Так было по всей стране. Известный кинорежиссер Андрей Кончаловский пишет в книге «Низкие истины»: «Помню портниху Шуру, сидевшую у нас и постоянно что-то шившую. Шилась одежда из старых папиных и маминых костюмов, пальто. Ничего же в магазинах тогда не было: ни одежды, ни тканей. Отрез материи был ценностью, сокровищем. Шура перелицовывала старые вещи на другую сторону, случалось, и по второму разу». У нас было то же самое. Нам тоже шили одежду из перелицованных маминых платьев и пальто.

Примерно в 1943 г. в Сыктывкаре открылась мастерская, в которой стали вязать кофты, жакеты из ниток старых трикотажных изделий, предварительно их распустив. В нашем классе училась Янина Роговская. Их семья была выслана из Литвы. Янина отличалась от нас своей практичностью. Она организовала, можно сказать, «свое дело»: стала вязать полосатые, разноцветные шерстяные шапочки, похожие по форме на пилотку. Почти все девочки захотели их иметь. Мы приносили Янине нитки, распустив старые трикотажные вещи, которые были нам малы.

Платить Янине за труд пришлось очень дорогой ценой: каждая из нас в течение месяца давала ей полсайки, этим лишая себя школьного завтрака. Мы оставались голодными, но желание иметь модную шапочку взяло верх над голодом.

Что помогло советскому народу выиграть войну, одолеть врага, покорившего пол-Европы? Этому способствовало несколько факторов. Железная дисциплина, чувство долга и ответственность, высокая сознательность были присущи взрослым и нам, учащимся. Я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из моих одноклассников не пришел на работу, когда мы трудились в колхозе, отсиживался дома, испугавшись трудностей. Если бы такое случилось, каждому из нас было стыдно перед своими товарищами, учителями, перед своей совестью. Мы хорошо понимали, что наша работа в тылу тоже приближает День Победы.

Дружба народов – немаловажный фактор, который помог одолеть врага. Люди разных национальностей жили без распрей, вражды, неприязни друг к другу. В 1942 г. наш класс был уникальным по своему составу. Было много эвакуированных из разных городов Советского Союза: Минска, Курска, Киева, Москвы, Ленинграда, Перозаводска, одна девочка была из Прибалтики. У Лили Богдановой отец был министром торговли Карельской АССР. Он остался в Петрозаводске, семья жила в Сыктывкаре. Девочки были разных национальностей: коми, русские, еврейки, литовка, белоруска, карелка. Никакой неприязни никто ни к кому не испытывал. Конечно, в этом была заслуга взрослых, которые никогда не проявляли недоброжелательного отношения к людям другой национальности.

Уже осенью и зимой 1941–1942 гг. в газетах стали публиковать материал о первых героях войны. Мы узнали о подвиге Героя Советского Союза Николая Оплеснина – нашего земляка. Нас потряс подвиг Зои Космодемьянской, вчерашней десятиклассницы, добровольцем ушедшей в партизанский отряд и зверски убитой фашистами. Подвиги героев укрепляли в людях веру в победу. Ясно было одно: страна, где столько мужественных людей, готовых отдать свою жизнь за Родину, не погибнет. Такой народ на колени поставить нельзя. Он победит! В грядущую победу верили в самые трудные для страны дни, когда Ленинград был в кольце блокады, когда фашисты стояли под Москвой. Именно в это время, в 1942 г., Маргарита Алигер пишет поэму «Зоя», посвященную Зое Космодемьянской, в которой предвосхищает далекий День Победы, описывая его как реальность:

«Когда страна узнала о войне,
В тот первый день, в сумятице и бреде,
Я помню, я подумала о дне,
Когда страна узнает о победе.
Каким он будет, день великий тот?
Конечно, солнце! Непременно лето!
И наш любимый город зацветет
Цветами электрического света...
И мы срываем затемнение с окон.
Пусть загорятся чистые огни
Во славу павших в воздухе высоком.
Смеясь и плача, мы пойдем гулять,
Не выбирая улиц, как попало,
И незнакомых будем обнимать
Затем, что мы знакомых встретим мало.
Мой милый друг, мой сверстник, мой сосед!
Нам этот день – за многое награда.
Война окончена! Фашизма в мире нет!
Давайте петь и ликовать, как дети!»

Кто дожил до конца войны, именно так и встретил этот долгожданный день. Любовь к Родине – вот что было главным, определяющим фактором победы советского народа в Отечественной войне. Образно и проникновенно сказал об этом молодой поэт Сергей Наровчатов, который в первые же месяцы войны попал в окружение и пробивался с боями к своим, на восток. Стихотворение, написанное в 1941 г., называется «В кольцо».

«...От семи смертей никуда не уйти:
Днем и ночью
С четырех сторон сторожат пути
Стаи волчьи
И тут бы на жизни поставить крест...
Но, облапив ветвями густыми,
Вышуршит Брянский лес
Твое непокорное имя. (Россия).
И пойдешь, как глядишь, – вперед.
Дождь не хлещет, огонь не палит,
И пуля тебя не берет,
И болезнь тебя с ног не валит.
От черного дня до светлого дня
Пусть крестит меня испытаньем огня.

Идя через версты глухие,
Тобой буду горд,
Тобой буду тверд,
Мать моя, Россия!»

Чувство патриотизма двигало теми, кто уходили на фронт добровольцами. А таких было немало и в Сыктывкаре. Одним из них был Пролетарский Лев Максимович, 1924 года рождения. Он учился в Сыктывкарской школе № 2, которую окончил в 1942 г. В аттестате зрелости у Лёвы были одни «пятерки». Так как у него было очень слабое зрение, он мог бы быть свободным от воинской обязанности. Но Лева настоял на том, чтобы его взяли на фронт вместе с его одноклассниками. 20 августа 1942 г. он ушел на войну. 30 октября 1943 г. младший сержант Пролетарский Лев Максимович погиб в бою под Киевом, похоронен в селе Ново-Петровцы. Одноклассница Льва Максимовича, Стрельникова Надежда Константиновна, вспоминает его как хорошего товарища, одаренного человека, который подавал надежды на то, что в будущем он мог бы стать незаурядной личностью. Это о таких юношах сказал молодой поэт Николай Отрада, погибший в финскую войну: «Они останутся в памяти потомков слишком двадцатилетними, слишком юными для того, чтобы дальше стареть».

Иевлева Елизавета Пантелеймоновна тоже окончила Сыктывкарскую школу № 2 в 1944 г. В декабре 1944 г. она изъявила желание служить Родине и стала настойчиво добиваться, чтобы ее решение осуществилось. Когда Лизу, маленькую, худенькую, хрупкую, увидел человек в погонах, он осторожно спросил: «А тебя мамапустит?». Она стала уверять, что непременнопустит. А ведь у Ульяны Семеновны Иевлевой она была единственной дочерью. Муж и брат погибли на войне: муж – в 1944 г., брат – в 1943-м. Была еще старенькая мама Ульяна Семеновна, зная настойчивый характер дочери, робкоспросила: «Лиза, а нельзя ли обойтись без тебя? Нельзя ли послать других? Как мы будем жить одни? Ведь мы с бабушкой уже немолодые». Лиза решительно заявила: «Других нельзя. Всем, кто может, надо защищать Родину». Мать поняла, что бесполезно отговаривать дочь, и согласилась с ее решением, грустно сказав: «Раз надо, значит, надо». Она с тревогой и волнением ждала вестей от дочери, ждала окончания войны, чтобы свидеться с самым дорогим человеком. Но для Елизаветы Пантелеймоновны война закончилась только в 1947 г. На освобожденной от фашистов территории Западной Украины все еще продолжалась война. Там было все еще опасно, как на фронте.

Молодые поэты, Николай Майоров, Павел Коган, Максим Кульчицкий, тоже ушли на фронт добровольцами и погибли в бою. Нас волнуют не только их трагические судьбы, волнуют и стихи. В них они выразили думы и чаяния своего поколения. А поколение это жило в ожидании неизбежной схватки с фашизмом. Оно понимало, что им придется принять на свои плечи всю огромную тяжесть будущей войны. Еще они предугадывали, что их жизнь оборвется трагически и слишком рано. Невозможно забыть строчки, написанные Павлом Коганом еще до войны, в 1940 г.

«Мое поколение – это зубы сожми и работай,
Мое поколение – это пулю прими и рухни...
Мы, лобастые мальчики невиданной революции,
В десять лет – мечтатели,
В четырнадцать – поэты и урки,
В двадцать пять – внесенные в смертные реляции».

К сожалению, до 25 лет им не удалось дожить. В декабре 1941 г. Михаил Кульчицкий писал:

«Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули –
Кратчайшим расстоянием была.
Недаром за полгода до начала
Войны мы написали по стиху
На смерть друг друга.
Это означало,
Что знали мы.
И вот земля в огне...
Настали дни проверки исполнения,
Проверки исполнения наших клятв...»

В стихотворении «Мы» Николай Майоров обращается к потомкам, следовательно, к нам, людям, живущим в 21 веке.

«Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество как знамя пронесли...»
Мы были высоки, русоволосы,

Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Людям, живущим во время Великой Отечественной войны, пришлось испытать много горя, мучений, страданий, но наградой им были – безмерная радость и гордость Победы. Те, кому удалось дожить до Дня Победы, с гордостью могли произнести: «Война окончена! Фашизма больше нет!» (М.Алигер).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ

НОВЫЕ КНИГИ ОБ ИСТОРИИ КОМИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Еще в 2004 г. Коми книжное издательство начало выпускать книги к 60-летию Победы. В числе первых появилась работа известного в республике ухтинского краеведа В.С.Пашиной «Печорский десант» (Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004, 160 с.) – самое полное на сегодняшний день исследование высадки немецкого десанта в Коми в 1943 г. Как справедливо пишет во введении к книге ее редактор М.В.Сизов, «Печорский десант» написан на документальной основе, но весьма увлекательно, и не удивительно, что эта книга вызвала немалый интерес у самых широких кругов читателей. В.С.Пашина собирала материалы для книги в течение 30 лет, со времен организации в одной из ухтинских школ группы «Поиск», участники которой – школьники – занялись, помимо других дел, и поиском материалов о событиях в Коми в июне 1943-го.

Книга «Печорский десант» состоит из четырех разделов. Первые три – «Цеппелин–норд», «Парашюты над тайгой», «После десанта» – повествуют о том, как и для чего был организован десант, каким образом осуществлялся, что случилось после его ликвидации, как сложились судьбы десантников. Четвертый раздел, «Приложение», – документальный. Здесь опубликованы документы и воспоминания: письма ветеранов войны – участников сражений, в которых участвовал до своего пленения будущий десантник поневоле, ухтинец А.Г.Доронин; опись имущества печорского десанта; фрагменты дневника диверсанта, высадившегося в районе Коноши; материалы о мосте через Печору, который должны были взорвать десантники; материалы о восстании заключенных в «Лесорейде».

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН под руководством д.и.н., проф. А.Н.Турубанова подготовили к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне сборник научных статей «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны» (Отв. ред. А.Н.Турубанов. Сыктывкар: Изд-во Коми

НЦ УрО РАН, 2004. 184 с. Тираж 400 экз.) – материалы «Круглого стола», подготовленные на основе новых документальных данных, значительная часть которых извлечена из рассекреченных архивных фондов. Авторы публикаций внимательно исследовали различные аспекты политической, экономической, социальной и демографической истории Коми республики, остававшиеся до сих пор малоизученными.

Сборник открывается обстоятельной статьей Н.П.Безносовой и д.и.н. И.Л.Жеребцова, посвященной урбанизационным процессам в Коми АССР в первой половине 40-х гг. На материалах Коми к.и.н. Е.Н.Боле анализирует мотивационные факторы при вступлении в армию добровольцев и обеспечение системы Всевобуча, к.и.н. Н.М.Игнатова – стратегию выживания спецпереселенцев в военное время. Деятельность Верховного Совета Коми АССР исследована к.и.н. А.Д.Напалковым. И.Ю.Моисеева характеризует фронтовые письма как источник по изучению темы «Человек и война». Серия работ посвящена проблемам экономики: производственно-технической базе индустриальных отраслей народного хозяйства Коми, а также источникам по истории индустрии республики (д.и.н. А.Н.Турубанов), радиевой промышленности (д.и.н. Л.П.Рощевская), производственной деятельности колхозного крестьянства (к.и.н. А.В.Сметанин, к.и.н. Д.В.Милохин), системе снабжения населения Коми (д.и.н. М.А.Мацук).

Особенно хотелось бы назвать чрезвычайно содержательные и интересные публикации Д.Т.Козловой, Т.А.Малковой, к.и.н. Н.И.Суркова, посвященные вопросам истории культуры, науки, социального обеспечения. Д.Т.Козлова на основе новых архивных источников, материалов периодической печати, мемуарных данных проанализировала историю Коми республиканского драматического театра в период Великой Отечественной войны, показала те изменения, которые война внесла в работу театра. Исследователь отмечает, что война не только не приостановила, но даже в значительной мере ускорила начавшийся в 1930-е гг. процесс развития профессионального театрального искусства. Важную роль сыграли в этом эвакуированные артисты и татарские деятели. Существенным представляется и тот факт, что руководство республики уделяло театру большое внимание, поскольку рассматривало театральное искусство как одну из форм пропагандистской работы, патриотического воспитания населения.

Т.А.Малкова обратилась к изучению истории производительных сил Коми АССР в годы войны и показала значение первых проведенных в республике геологических конференций в активизации исследования потенциала региона, его природных ресурсов. Н.И.Сурков обратил

внимание на такое направление социальной политики советского государства военного времени, как охрана детства, которое приобрело особую актуальность в военный период, привел конкретные данные относительно заботы о детях военнослужащих в Коми АССР. Несомненно, сборник вызовет интерес как у специалистов, так и у тех, кто интересуется историей военного периода, историей Коми в целом.

Коми государственный педагогический институт издал сборник документов, материалов и воспоминаний «Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны» (Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2005. 253 с., фотографии. Тираж 500 экз.). В книгу вошли документы, выявленные в обоих хранилищах Национального архива Республики Коми, архиве КГПИ, Национальном музее Республики Коми и Музее истории пединститута, материалы периодической печати, мемуарные источники, письма фронтовиков. Сборник состоит из двух разделов: 1) Учеба и труд во имя Победы; 2) Ратные подвиги на фронтах Отечественной войны. Среди документов – приказ по КГПИ о порядке досрочной сдачи экзаменов призывниками в ряды Красной Армии, заявления добровольцев с просьбой зачислить их в армию, о мобилизации преподавателей и студентов на сплав, об обучении противовоздушной и химической обороне, санитарному делу и др. Опубликованы в книге воспоминания об учебе в КГПИ И.В.Забоевой, Ю.А.Кочева, Л.П.Жигановой, А.С.Власовой и др. В приложении к книге помещены списки 107 павших в боях (среди них Герои Советского Союза Н.Ф.Гущин, И.П.Марков, Н.В.Оплеснин) и списки награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941–1945» (в нем 39 преподавателей и сотрудников и 114 студентов).

Как отмечает в своем вступительном слове главный редактор книги, ректор КГПИ В.Н.Исаков, в сборнике сделана попытка посредством документов и воспоминаний рассказать о героическом и трагическом времени в истории страны и Коми пединститута. Составители сборника к.и.н. Л.А.Жданов, Э.В.Роттэ, В.Д.Захаров (он является и ответственным редактором сборника) адресуют книгу учителям школ, преподавателям и сотрудникам КГПИ, а также всем, кому интересна история народного образования в Коми республике, поэтому постарались придать сборнику научно-популярный характер, и такой подход представляется весьма удачным. Хотелось бы пожелать, чтобы в дальнейшем вышли бы подобные сборники документов и материалов, посвященные и другим периодам истории старейшего вуза нашей республики.

Хочется отметить также первый в 2005 г. номер журнала «Арт», посвященный 60-летию Победы. В этот выпуск журнала вошли разно-

образные материалы, связанные с Великой Отечественной войной: обстоятельная статья к.филол.н. И.М.Ванеевой «Великий подвиг, живая боль», посвященный коми писателям – участникам войны, дневники писателя И.И.Пыстина 1941–1943 гг., воспоминания о войне воркутинского шахтера В.Ф.Бутырева, публикации А.Н.Сивковой, В.Ф.Пархачева, И.Н.Котылевой, И.Ю.Моисеевой и других авторов.

Е.Н.Рожкин, к.э.н.

КНИГА О КНИГАХ

Министерство культуры и национальной политики Республики Коми и Сыктывкарский государственный университет выпустили книгу д.и.н., проф. Л.П.Рощевской «Коми книга военного времени (1941–1945 гг.)» (Сыктывкар: Полиграф-Сервис, 2005. 100 с., редактор к.э.н. Е.Н.Рожкин), в которой исследуется развитие коми книжной культуры в период Великой Отечественной войны – условия, в которых осуществлялся выпуск книг, вопросы издания литературы различной направленности (общественно-политической, художественной и др.), оформление книг. В работе Л.П.Рощевской 8 разделов: «Условия издательской деятельности», «Издание политической литературы», «Учебная литература», «Научные издания», «Научно-популярная и специальная литература», «Художественная литература», «Издания ГУЛАГа», «Искусство книги». Издание иллюстрировано фотографиями, в ней приведены иллюстрации из книг военной поры (к сожалению, их качество во многих случаях оставляет желать лучшего). Весьма любопытен, в частности, раздел, посвященный лагерным изданиям – секретным, малотиражным, подарочным...

Особый интерес представляет, безусловно, библиографический список книг, изданный в Коми АССР в 1941–1945 гг., включающий и правила уличного движения по дорогам Коми АССР, и пояснения того, как бороться с вражескими десантами, и труды Сталина на коми и на русском языках, и история древнего мира на коми языке, и методическое письмо о краеведческих кружках... Весьма символичным следует считать тот факт, что завершается список публикаций изданием «Что читать партийному активу».

*И.Л.Жеребцов,
академик Академии военно-исторических наук.*

ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ

Известный в Коми республике исследователь В.М.Полещиков в содружестве с другими авторами выпустил новую книгу под названием «И вся его жизнь» (И вся его жизнь... Сост. В.Полещиков. Сыктывкар: Полиграф-Сервис, 2005. 224 с.). Во вступительном слове к книге автор пишет: «Два события прошлого столетия – сталинские репрессии против собственного народа и Великая Отечественная война против фашизма вторглись почти в каждую семью. Для многих людей эти события воспринимаются трагически. У одних близкие погибли в советских застенках, у других – либо пали на поле битвы, либо приняли смерть в фашистских концлагерях... В центре книги «И вся его жизнь...» – судьба человека... В... очерках, которые зачастую носят документальный характер, у одних героев прослеживается вся... жизнь, у других – ...лишь отрезок их жизненного пути». Книга открывается самым большим (пятая часть книги) очерком «Борец за Коми автономию», написанным В.М.Полещиковым в соавторстве с известным коми историком доктором наук И.Л.Жеребцовым. Этот очерк посвящен известному коми политику Д.А.Батиеву, жизнь которого трагически оборвалась в начальный период Великой Отечественной войны. Среди других публикаций – мемуары участника гражданской войны П.А.Некрасова, подготовленные к изданию В.М.Полещиковым, очерк Г.В.Куликовой о своем отце полковнике В.Д.Белове, участнике Финской и Великой Отечественной войн (название этого очерка и дало имя всей книге), работы о ряде других участников борьбы с фашизмом. Думается, что новая книга В.М.Полещикова не останется без внимания читателей, интересующихся нашей историей.

Д.А.Несанелис,
член-корреспондент Академии военно-исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	3
СТАТЬИ	4
Боле Е.Н. Научное наследие и завещание историка А.Н.Александрова	4
Кичигин А.И., Таскаев А.И. «Водный промысел» в Великой Отечественной войне	11
Бондаренко О.Е., Хорунжая Т.М. Патриотизм в письмах фронтовиков Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР)	17
СООБЩЕНИЯ	26
Попов Р.А. Печорское пароходство в годы Великой Отечественной войны	26
Молодкин К.В. Две войны в жизни бойца	34
Попова К.А. От рядового до гвардии майора	38
МЕЖДУ СТРОК	41
Моисеева И.Ю., Котылева И.Н. Новый ракурс осмысления Второй мировой войны	41
Моисеева И.Ю. Между строк... Герои и их письма, письма и их герои... ..	57
Маркова Е.В. Свидетель духовного мира	167
Макарова Л.М. Письма и время	170
Котылев А.Ю. Письмо как историко-культурный феномен	172
Драчева Н.Я. Их жизнь – иллюстрация того времени и эпохи... (Воспоминания о Николае Старцеве – герое выставки “Между строк...”)	181
Маркова Е.В. От Харькова до Берлина и обратно с заездом в Италию и долгой остановкой на Воркуте (Воспоминания о Клаве Александровой – героине выставки “Между строк...”)	184
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ	208
Родев М.В. Воспоминания о войне	208
Леванова Р.М. Калейдоскоп жизни (Воспоминания о Великой Отечественной войне)	214

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ.	
ИНФОРМАЦИЯ	229
Рожкин Е.Н. Новые книги об истории коми периода	
Великой Отечественной войны	229
Жеребцов И.Л. Книга о книгах	232
Несанелис Д.А. Вся его жизнь	233

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1945)**

Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук. Выпуск 4.

Научное издание

Рекомендовано к изданию Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Редактор Н.К.Забоева
Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
Компьютерный набор. Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд.л. 13,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 22.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Полиграф-сервис»
ЧП Сысуев А.Н. Лицензия ПЛД 19-40
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36